

A large, slightly grainy photograph of a woman with short brown hair, smiling warmly at the camera. She is wearing a light blue t-shirt with a small red emblem featuring a sickle and hammer and some text. Her hands are clasped in front of her. In the background, a cow's head and upper body are visible, looking towards the left.

ТАМАРА
БОЛЬШАКОВА—
мастер машинного доения
из подмосковного совхоза
«Волочаево».

Лозунг
«Животноводство—
ударный фронт молодых!»
стал для нее и ее товарищей
из комсомольского отряда
«Молодость-82»
конкретной программой
трудовой жизни.

10·84

КРЕСТЬЯНКА

СТОРИЦЕЙ И НА СЧАСТЬЕ

«Хлеб — такой продукт и такой вид энергии, без которого ни одна шестеренка не завернется...» — эти слова принадлежат одному из самых популярных сегодня на селе людей академику Терентию Семеновичу Мальцеву.

Дважды Герой Социалистического Труда, лауреат Государственной премии СССР... А представляется он всегда коротко и просто: полевод. Да, бессменный агроном-полевод шадринского колхоза «Заветы Ильича» на Курганщине. Если вдуматься — есть ли выше звание? ПОЛЕВОД. Поле ведет, хлеб растит.

У Терентия Семеновича тысячи учеников, еще больше тех, кто считает его жизнь примером для подражания. Такова энергия любви к земле. Такова энергия неустанной надежды, когда зерно падает в борозду, энергия бессонного ожидания, когда поднимаются всходы, энергия безграничной радости, когда нива наливаются золотом.

Символично, что стали рядом крестьянский праздник и День Конституции. Мы общество, законом жизни которого является забота всех о благе каждого и забота каждого о благе всех. Не потому ли так вкусен наш хлеб, что он выращен любящими руками? Не потому ли трудности, выпадающие на долю хозяев земли, всегда преодолеваются, что хозяева у нашей земли подлинные? И не потому ли так много у нас примеров самоотверженного, героического труда, что работа на общее благо составляет смысл и счастье жизни?

«Давайте больше хлеба, он вернется к вам в виде машин, обуви, одежды, хороших домов вместо душных изб, хороших школ и ясель для детей, хороших дорог, — хлеб ваш вернется сторицей и на счастье ваше» — так Алексей Максимович Горький объяснял крестьянам прекрасную зависимость друг от друга всех тружеников Страны Советов.

Сейчас на нашем столе хлеб нового урожая. Молодая осень идет по опустевшим полям, и в прозрачном свете этих дней еще заметней перемены, преобразившие землю: деревни-новостройки, высокий лес телеантенн над ними, школы, красивые, как дворцы, и дворцы, просторные, как и должно центрам культуры... Великой благодарностью народа, сторицей возвращается крестьянам их забота о хлебе наущном.

В ликующий праздник урожая забываются тревоги и усталость будней. Наверное, это оттого, что так много добрых слов слышат сельские труженики после страды. Особое спасибо — женщинам. И не только за труд на полях и фермах, где их руки попросту незаменимы, а еще за материнскую мудрость — желая детям добра, они передают сыновьям и дочерям самое большое свое богатство — любовь к родной земле. Первые трудовые успехи юных наследников наполняют матерей гордым счастьем, спокойной уверенностью в завтрашнем дне: ведь тот, кто любит материнское поле, сумеет защитить его.

«Земля» и «мир» — эти слова всегда были связаны, сначала крестьянской мечтой, а теперь самой жизнью, нашим трудом, составляющим главное ее содержание.

первая высота

Мы живем в век научно-технической революции. В век, когда космос становится местом работы, а компьютер — предметом домашнего обихода. Научно-технический прогресс не обошел и деревни, изменив и уклад жизни людей и характер их труда. Раньше как говорили? Механизатор, доярка, птичница, полевод, вся недолга. А теперь в штатном расписании колхозов и совхозов есть и механизаторы мелиоративных работ, и операторы молочного производства, и лаборанты химико-бактериологического анализа, и операторы по приготовлению и раздаче кормов, и мастера-овощеводы. И это не полный перечень крестьянских профессий, их намного больше. А жизнь не стоит на месте, появляются новые технологии, новые машины, новые агрегаты. Кому их осваивать? Кому на них работать? Да тем мальчишкам и девчонкам, что пришли после школы в сельские профессионально-технические училища, штудируют теорию, осваивают практику и, наверное, не очень задумываются над тем, что им-то и работать в сельском хозяйстве XXI века.

В литовском селе Шлапабярже прошел восьмой Всесоюзный конкурс профессионального мастерства учащихся сельских профессионально-технических училищ.

128 участников из 15 команд боролись за золотые, серебряные и бронзовые медали. Комплектов медалей разыгрывалось девять — по числу конкурсных профессий. Борьба была напряженной, азартной и зрелищной.

Ну как не залюбоваться ровной, как струнка, бороздой, что оставалась за плугом Гали Михайловской, учащейся СПТУ № 15 из Гродненской области? Да как не залюбоваться самой Галей, румяной от

волнения, с черными вразлет бровями, серыми глазами, которые иначе, как очи, и не назовешь!

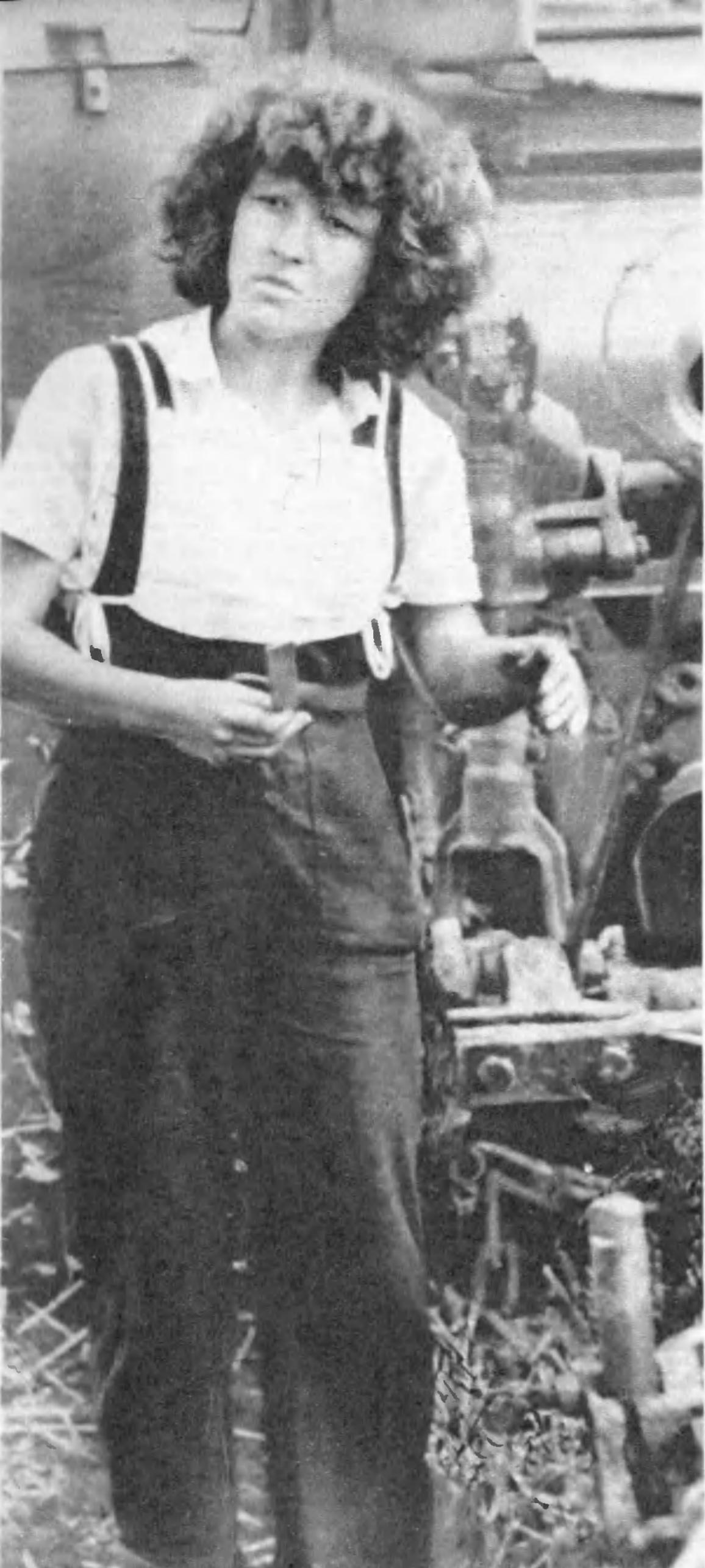
А как красиво, даже, скажем, элегантно работал Станислав Ковбович, учащийся СПТУ № 39 из Витебской области. Опускался ковш экскаватора, мощно вгрызался в землю, плавно, без рывков, машина разворачивалась, ковш осторожно опрокидывался...

Надо было видеть, как разбирал доильный аппарат Артур Крот! В считанные минуты разобрал «майгу» до винтика, да еще и остался собой недоволен — дома быстрее получалось...

Настоящая работа всегда красива. Уча-

В литовском селе Шлапабярже прошел восьмой Всесоюзный конкурс профессионального мастерства учащихся сельских профессионально-технических училищ.

Ира Величко: «Мой идеал — Паша Ангелина. Стать такой, как она, очень трудно, но хочется». Что ж, пройдет время, посмотрим, вдруг...

стники восьмого Всесоюзного работали красиво и умело — не единицы, а большинство. Недаром же Отто Рудольфович Адлер, Герой Социалистического Труда, мастер-наставник из Казахстана, гость и судья многих конкурсов, сказал так:

— Этот конкурс мне дорог тем, что почти все ребята продемонстрировали высокое профессиональное мастерство. Нет большого разрыва между лидерами и аутсайдерами. Борьба шла буквально за каждый балл. Судьям приходилось оценивать работу прямо-таки скрупулезно...

Днем туры конкурса, волнения, а вечером культурная программа. Хозяева — преподаватели и учащиеся Шлапабяржского СПТУ № 11 для дорогих гостей постарались от души. И концерты, и экскурсии к соседям, в Литовский научно-исследовательский институт земледелия в Дотнуве, и дискотека, и вечера дружбы, и просто танцы...

Ребята с удовольствием общались и развлекались, а мы, взрослые, в это время исподволь присматривались к ним:

какие они, нынешние деревенские подростки?

Внешне мало чем отличаются от городских — разве что поскромнее, на девчонках поменьше косметики. А так... И вкусы схожи, и в одежде нет особых различий. Но есть в них этакая основательность, уверенность в себе. Видимо, оттого, что рано нашли свое место в жизни, выбрали профессии, которые на селе главные и самим ребятам по душе.

Артур Крот за работу на доильной установке получил серебряную медаль. Живет он в деревне Светлая Приозерского района Ленинградской области; учится в ордена Ленина СПТУ № 1, перешел на третий курс. Этот сельский парнишка увлекается техникой, любит музыку и книги, занимается общественной работой, был комсоргом, теперь политинформатор в училище.

Рассказывает о себе:

— Восьмилетку я окончил без троек и отнес документы в СПТУ. Когда друзья узнали, что буду учиться на мастера машинного доения, очень удивились: «Разве это мужское дело?» А мне, отвечаю, нравится... В общем, отговаривали меня дружно. Но родители поддержали. У них, кроме меня, еще пятеро детей, так что у нас в доме нет такого понятия: мужская или женская работа. Кто что может, тот то и делает. Я с малых лет за скотиной ухаживаю. Корова на мне, куры, утки... Вообще животных люблю, а коров в особенности. Почему, когда говоришь, что собак любишь или лошадей — все с пониманием относятся, я же когда кому говорю, что коров люблю, меня на смех поднимают. Но я работу дояра считаю определенно мужской. Потому что нелегкая. И опять-таки: если доильный аппарат сломается или установка, мне их отремонтировать легче, чем девчонкам.

Стал я учиться, и сразу же повезло: попал в группу к Нине Николаевне Ларионовой, она у нас в училище считается одним из самых лучших мастеров. Добрая, хорошая, дело знает. Предметы мне очень понравились, особенно механизация и организация производства. Ребята, правда, все насмешничали: вон, наша доярка идет, и все такое прочее. На первом курсе, когда я занял в районе первое место среди взрослых, меньше стали насмешничать. А когда узнали, что еду на всесоюзный конкурс, пожелали: «Победы тебе...»

Мне кажется, конкурсы нужно чаще устраивать. А то ведь не все ребята представляют, какие есть на селе интересные профессии. Посмотрели бы — может быть, что-то и выбрали.

Все участники конкурса, с которыми доводилось беседовать, на вопрос, хотите ли уехать из села, отвечали категорически — нет. И приводили аргументы. Главными из них были такие: нравится будущая профессия, нравится свой колхоз, свое село, интересную работу там уже обещали.

Известный белгородский председатель, Герой Социалистического Труда Василий Яковлевич Горин однажды объяснял: «Знаете, что такое настоящая профориентация? Это когда не нужно тратить слов, чтобы обрисовать перспективы. Когда эти перспективы человек сам видит. Хорошо организован труд в колхозе — вот тебе и профориентация, даешь молодежи интересную работу, заботишься об ее быте и досуге — опять профориентация... А словами молодежь дома не удержишь...»

Селу нужны молодые работники, квалифицированные, надежные. Конкурс профессионального мастерства наглядно пока-

зал, что именно такая молодежь воспитывается в сельских профессионально-технических училищах.

На пресс-конференции при открытии конкурса заместитель председателя Государственного комитета СССР по профессиональнотехническому образованию Алексей Никифорович Осипов сказал:

— На колхозных полях и фермах сегодня внедряются новейшие достижения науки. Все шире применяются прогрессивные формы оплаты и организации труда, ведется работа по комплексной механизации земледелия и животноводства. Наша задача — обеспечить село квалифицированными кадрами. Чем мы располагаем сейчас для ее выполнения? Число сельских профтехучилищ доведено до 2121, а количество обучающихся в них — примерно до одного миллиона человек. При этом свыше 85 процентов учащихся овладевают механизаторскими профессиями, которые связаны с эксплуатацией энергонасыщенных тракторов, самоходных сельскохозяйственных и мелиоративных машин, технологического оборудования животноводческих ферм и комплексов. Одновременно будущие механизаторы получают глубокие знания по современной агротехнике и индустриальной технологии возделывания сельскохозяйственных культур, изучают эффективные формы организации труда, осваивают передовой опыт лучших производственников. Сейчас не всякая сельская школа способна дать минимум теоретических и практических знаний, необходимых для сельского труженика. Ученические производственные бригады, курсы по вождению автомобиля и трактора — все это, конечно, хорошо, но настоящие глубокие знания они смогут получить только в СПТУ.

Знаете, что лично для меня было наиболее приятным на этом конкурсе? Высокая оценка специалистами уровня подготовленности учеников к самостоятельной работе. То есть каждому из них уже сейчас можно доверить самостоятельный участок.

Похоже, миновало время, когда родители пугали нерадивых отпрысков: «Будешь плохо учиться — пойдешь в ПТУ». В училища набирают толковых, трудолюбивых ребят. В Шлапабяржском СПТУ № 11 на самый взыскательный взгляд есть все необходимое для основательной подготовки будущих специалистов. Просторные аудитории, прекрасно оснащенные кабинеты и лаборатории, по последнему слову техники оборудованные ремонтные мастерские, гаражи для техники, свой полигон. Общежития, столовая, спортивный зал, библиотека. Только учись.

Шлапабяржское училище относительно молодое. А есть училища-ветераны. Как, например, лауреат премии Ленинского комсомола Колыванское среднее профтехучилище № 9 Новосибирской области. За заслуги в развитии сельского хозяйства около 900 его выпускников награждены орденами и медалями. А трое удостоены звания Героя Социалистического Труда. В их числе известный механизатор страны В. М. Бахолдина.

Училище дружит с учеными Сибирского научно-исследовательского института механизации и электрификации сельского хозяйства, Западно-Сибирским государственным проектным институтом по землеустройству. С помощью ученых института «Запсибгипрозвем» на полях учебного хозяйства проведено внутрихозяйственное землеустройство, предусматривающее перспективу внедрения передовой современной технологии.

Однако вернемся к конкурсу. И торжественное открытие и закрытие его проходили под аккомпанемент дождя. И если на

открытии он лишь нудно моросил, то на закрытии конкурса обернулся настоящим ливнем. Но праздника не испортил. Ну и что же, что промок до нитки — ведь подходишь к первому в своей жизни пьедесталу почета, поднимаешься на первую высоту. Разве что-то может омрачить это счастье?

Четыре золотые медали принесли команде Белоруссии Гая Михайловская, Наташа Немцова, Сережа Сертак, Стасик Ковбович. Радости товарищей по команде не было предела, и вот уже кто-то кричит: «Качать их!» И чемпионы хохоча, взлетают в воздух, и брызги дождя летят с дубовых венков...

А вон Ира Величко, зажав в кулаке серебряную медаль, летит по лужам к своему мастеру Анне Михайловне Ивановой, кидается ей на шею...

Не знаю, кому на конкурсе было труднее — участникам или их наставникам. Когда Ира Величко работала на тракторе, Анна Михайловна застыла, сцепив руки и закусив губу, — так и стояла, не спуская глаз со своей воспитанницы. Ира представляла на конкурсе СГПТУ № 15 Усть-Лабинского района Краснодарского края. В группе у Анны Михайловны 29 девчонок.

— Мне просто повезло, — считает Ира. — девчонки из нашей группы работают не хуже меня...

У Анны Михайловны свое мнение:

— Ира способная девочка, настойчивая, технику любит. На кустовых соревнованиях в Сальске она заняла первое место, а конкуренты тоже были серьезные...

Бактыгуль Кожогуловой из Киргизии строго выговаривает ее наставница Татьяна Федоровна Атяшкина:

— Бактыгуль, ну что ты делаешь, ты же руки дезинфицировала, тебе сейчас работать, зачем корову гладишь? Быстро беги мои руки...

Бактыгуль поднимает наивные карие глаза и смотрит не мигая.

— Сделаешь массаж спокойно, не торопясь, поняла?

— Да...

— Ну иди. Только коров больше не трогай.

— Да...

Бактыгуль отправляется смотреть, как работают конкурентки.

Татьяна Федоровна поворачивает ко мне улыбчивое лицо.

— Удивительная девочка. Милая, ласковая. Дояркой будет отличной. Входит она в коровник, и коровы к ней морды тянут, только что хвостами не виляют, как собаки. Она их обнимает, что-то рассказывает... Однажды при ней доярка ударила корову, так Бактыгуль заревела. Такой вот характер. Для нашей профессии, думаю, самый подходящий.

Бактыгуль Кожогулова призового места не заняла, но уезжала из Литвы очень довольная. Подружилась с девушками из Эстонии, Молдавии, Узбекистана, обменялись адресами, обещали переписываться.

Татьяна Федоровна, прощаясь, сказала:

— Это ничего, думаю, на следующем конкурсе мы уж чего-нибудь добьемся. Правда, Бактыгуль?

Закончился конкурс. Потом закончились каникулы. И его участники вернулись в свои кабинеты, лаборатории, производственные мастерские, туда, где готовится будущая смена сельского рабочего класса.

И. НОРКИНА

Фото Б. ЗАДВИЛЯ.

Кедайский район.
Литовская ССР.

ЭТОГО БЫТЬ НЕ ДОЛЖНО

Обзор редакционной почты

Опять с утренней почтой пришли сотни писем. И снова, как вчера, как всегда, многие из них — о мире, о судьбе наших детей, о минувшей войне и о страшном неприятии того, что может случиться в результате империалистических авантюр.

С именем нынешнего президента США многие наши читатели связывают угрозу миру, угрозу существованию жизни на земле. Бредовые идеи о мировом господстве, которыми он руководствуется, среди идеологическим дрожжам, взрастившим человеконенавистнический гитлеровский режим. Но сейчас жонглирование этими «идеями» еще более опасно.

Об этом — письмо инвалида войны из Архангельской области **Павла Андреевича Загоскина**: «*Ослепленный ненавистью к социализму маньяк не понимает, что развязать войну сегодня — все равно что поджечь дом ближайшего соседа, живя в деревянной избе...* У меня, отца четырех детей, дедушки шестерых внуков и внучек, в голове не укладывается, как можно не думать о будущем подрастающего поколения!

«*Мудрость не скажет того, что противно природе*», — говорили древние. Казалось бы, человек, стоящий на вершине власти в крупнейшем государстве, должен обладать если не мудростью, то разумом. Однако нынешний глава Белого дома далек и от этого. Его разглагольствования и планы, «противные природе» — а именно такими являются, по существу, планы развязывания ядерной войны, — стали для него обычным делом. Это не может не удивлять и не тревожить.

«*Мне двадцать лет*, — пишет ленинградка **Ольга Ермолаева**. — У меня растет сын. Я хочу, чтобы у моего малыша было будущее, светлое и счастливое.

Рейган почти в четыре раза старше меня, значит, и опытнее по-человечески должен быть? Так почему же он не понимает того, что понимаю я? Ведь никакие бункеры не спасут — хоть на километр в землю зарядятся! Неужели этот пожилой человек и его помощники так наивно рассчитывают укрыться от вызванного ими ядерного смерча? Ведь у них тоже есть дети, внуки. Неужели они могут желать их смерти?! Или я чего-то недопонимаю, или это просто нелюди...»

«*Я воспитатель*, — пишет не называвший себя корреспондент из г. Павлово. — Приходишь на работу и радуешься, что над детскими головками светит солнце, радуешься смеху детей... И страшно подумать, что где-то на них нацелены ракеты... Меня часто пугает вопрос, который задают дети: «*А война будет?*» Говорю «*нет*». Отвечаю, что страна наша сильная...

Я хочу посоветовать родителям, — продолжает в письме воспитатель, — говорите о войне только тогда, когда дети мирно спят, не отнимайте у них детство».

Сложный это вопрос. Охать-ахать при детях, конечно же, не стоит. Хотя бы потому, что в ребенке может зародиться чувство безысходности, слепого страха, а это жестоко. Обескураженность перед жизнью — плохой советчик нашим быстрорастущим детям. Но не следует и излишне «пеленать» ребенка в розовые одеяльца беспроблемности — делая так, мы тоже его невольно обманываем, а значит, отдаляем от себя, а значит, обезоруживаем, лишаем его веры в свои будущие силы. Об этом

говорится в письме **Веры Васильевны Вольской** из Воронежской области: «*В эвакуации я работала учительницей в Махровской средней школе Борисоглебского района, куда врага не допустила наша доблестная Советская Армия. Помню, как поздней осенью убирали последние картофельные поля. Школьники дети бережно выбирали из борозд всю картошку, не оставляя самой мелкой, — знали, как это важно для приближения Победы...* Сейчас по сравнению с тем временем наше материальное благосостояние нескованно выросло. Но при этом мы ни в коем случае не должны забывать, что сегодня, как и прежде, нашим детям должны быть чужды изнеженность и эгоизм».

Каждый из нас согласится, что чувство любви к Родине должно крепнуть в человеческом сердце с детства. А любовь предполагает и соучастие, и ответственность. В редакцию пишут дети. И их часто наивная искренность — тот фон, на котором особенно остро воспринимается чудовищность империалистических планов: «*Я официально требую от президента Рейгана прекращения гонки вооружений. От имени учащихся 220-й группы СГПТУ № 14 г. Мурманска Березин Михаил*». «*Советский народ сделает все, чтобы не было войны на земле!*» — пишут брат и сестра **Алмасхан и Гунди**, 12 лет, из г. Очамчира Абхазской АССР. — Мы — советские люди, и в этом наша великая сила!»

Эту святую веру детей укрепляют дела взрослых. Во многих письмах рассказывается о том, как отвечают наши люди на растущую военную опасность. Труженицы молочнотоварных ферм колхоза «Кантемировец» Кантемировского района Воронежской области, например, перечислили в Советский Фонд мира свой однодневный заработка — всего 1800 рублей. Около тысячи рублей внесла в Фонд мира И. И. Бочкирева, живущая в Курагинском районе Красноярского края. Эта женщина с малых лет батрачила, в 1919 году добровольцем вступила в партизанскую армию, была заместителем председателя сельсовета. Во время Великой Отечественной войны Ирина Ивановна — заместитель председателя женсовета — занималась снаряжением и отправкой посылок с теплыми вещами для фронта. Сама логика всей этой трудной и прекрасной жизни, совпавшей с важнейшими этапами истории Советского государства, привела И. И. Бочкиреву в местную комиссию содействия Фонду мира.

Страстный призыв к миру содержится в письме, которое получила от своих избирательниц депутат Верховного Совета СССР, народная артистка СССР **Мария Лукьянновна Биешу**: «*Люди! Белые, желтые, красные, черные! Все, кто не потерял голову и совесть! Ядерная война будет означать конец всей жизни на земле. Это война с самой природой, и поэтому ее быть не должно!.. Дело человека — беречь и приумножать все, что оставлено ему в наследие предыдущими поколениями. Все, что делается на земле, должно делаться на благо людей, а не во вред им...* Долой войну ядерную, химическую, бактериологическую, космическую — долой всякую войну!»

Пересылая это письмо в редакцию, М. Л. Биешу пишет: «*Никто на земле не должен быть равнодушным — это хуже преступления*».

В. КОЛЧЕВ

ЧЕЛОВЕК РОД

Люда Соколова — счастливая мать троих сыновей. Младшие — близнецы Юра и Павлик — появились на свет совсем недавно.

Любим — центр одного из районов на Ярославщине. Ехали мы туда вместе с Валентином Ивановичем Кузьминым, главным врачом областного

родильного дома. Дорога, да к тому же дальняя, всегда располагает к беседе.

— Не так давно, когда шоссе это еще не было заасфальтировано, связь с Любимом, особенно в весеннюю и осеннюю распутицу, осуществлялась в основном по воздуху, — рассказывал Валентин Иванович. — Теперь вертолеты санавиации приходят на подмогу районным медикам лишь в экстренных случаях. В любимской больнице, построенной, кстати, на средства от коммунистических субботников, — отличное

оборудование, а главное — работают здесь высококвалифицированные специалисты. В первую очередь я вас с доктором Шадровым познакомлю.

Фраза эта показалась странной. Ведь с Евгением Васильевичем Шадровым мы были представлены друг другу еще в Ярославле, где он заведует родильным отделением.

Кузьмин, словно прочитав мои мысли, заулыбался:

— Я не оговорился. Именно с доктором Шадровым. Только с сыном Евгения Васильевича.

Василий Евгеньевич вел прием в амбулатории. К нему, районному акушеру-гинекологу, из всех окрестных сел и деревень приезжают за советом и помощью будущие мамы, немного взволнованные, прислушивающиеся к новой жизни в себе. Они теперь под двойным наблюдением: и свой фельдшер следит за течением беременности, приглашая каждые две недели в сельский медпункт, и врачи из районной больницы консультируют.

Подопечные В. Е. Шадрова получают справку, согласно которой руководители хозяйств обязаны перевести женщину в связи с ее положением на более легкую работу.

Сложная это проблема на селе, особенно в разгар полевых работ. Куда направить ее — доярку, свинарку или полевода — так, чтобы и труд легче был и в зарплате она не потеряла? Решать этот вопрос приходится руководителям хозяйств, а медики и сельский профком в строгом соответствии с законом проследят, чтобы он был решен.

Приближение родов требует контроля

ИЛСЯ

более тщательного. И за несколько дней до предполагаемого срока будущие матери направляются в стационар, где для такого контроля созданы все условия.

— Случается, правда, и непредвиденное,— вспоминает Шадров-младший.— Осень. Хлябь. А тут вдруг позвонили из дальней деревни: женщина рожает. Хорошо, что поблизости от железнодорожной станции. Я — к телефону. Связался с начальником станции. Долго объясняться не пришлось. Ближайший проходящий поезд доставил роженицу на вокзале ее уже встречала наша «скорая». Едва привезли в роддом, как появился на свет.

подал голос будто специально дожидавшийся защиты и опеки врачей герой дня.

...Дежурная акушерка Валентина Столбунова прежде всего заставила переобуться, вручила халат, марлевую маску и белую медицинскую шапочку. Придирчиво оглядела. И только после этого раскрыла передо мной дверь в родильное отделение, жившее своей будничной, спокойной жизнью. Матери придумывали ласковые имена малышам, с трепетом выслушивали наставления педиатров и патронажных сестер. Рассказывали друг другу о своем житье-бытье.

Людмила Соколова — зоотехник. Живет в деревне Ермаково. Замуж вышла, будучи студенткой сельхозакадемии, в которой училась по направлению колхоза «Красный Октябрь». Правление выделило молодой семье новый дом с приусадебным участком. Вскоре после защиты диплома у Соколовых родился мальчик. И вот у них вновь пополнение: близнецы — Павлик и Юра.

Пока мамы видятся со своими малютками лишь во время кормления. Улыбки на лицах и чуть ревнивые взгляды — кто из ребятишек активнее. Отныне основное внимание им. И не только в семье, со стороны заботливых родителей. Государство сразу же берет на себя часть расходов в связи с появлением нового гражданина нашей страны. Каждой матери сельсовет выплачивает пятьдесят рублей при рождении первенца, сто — при рождении второго и третьего ребенка. Кроме того, по окончании декретного отпуска и до тех

Две Валентины — Столбунова (слева) и Весельцова — две подруги, две акушерки, выпускницы Ярославского медицинского училища.

пор, пока малышу не исполнится год, она, не работая, будет получать тридцать пять рублей ежемесячно. Павлик и Юра Соколовы еще малы и пока не знают, как много уже людей давно берегут их, помогают им расти и крепнуть. Здесь, в Любимской больнице, о малышах заботится медицинский персонал. А потом, через несколько дней, за ними приедет колхозная машина и увезет в родную деревню Ермаково. Тут их встретит

сельский фельдшер Валентина Ивановна Петрова. Встретит так же приветливо, как встречала многих крошечных своих пациентов за девять лет работы. В том числе и Рому Соколова, который сегодня уже ходит в детский сад.

Е. МАРИНИЧЕВА
Фото С. КУЗНЕЦОВА.

Любимский район.
Ярославская область.

В экстременных случаях в борьбу за здоровье людей включается санавиация. Сегодня в дежурной бригаде доктор Е. В. Шадров, пилот 2-го класса В. В. Бобарыкин и бортмеханик В. В. Смирнов.

Сергей МАКАРОВ

район

«Предметом особой заботы райкома партии является дальнейшее совершенствование организации производства и стимулирования труда в колхозах и совхозах. ...Большое внимание уделяется внедрению хозяйственного расчета и коллективного подряда. ...Это позволило ликвидировать обезличку в использовании земли, способствовало повышению заинтересованности работников в увеличении производства продукции при меньших затратах труда и средств».

Из постановления ЦК КПСС «О работе Глазуновского райкома партии Орловской области по выполнению решений майского (1982 г.) Пленума ЦК КПСС».

— Это было весной. Мы встретились в Орле, в обкоме партии. Держалась она строго и неприветно, всем видом давая понять, что временем для бесед не располагает.

— Опять эти журналисты,—сказала она с досадой.—Едут и едут.

Но когда мы сели в машину и выскочили за город, когда навстречу побежали знакомые избы деревень, зеленые перелески, поля, уже укрытые молодым хлебом, когда ровная скорость езды и работа сильного мотора успокоили, что-то в ней переменилось, и стало видно, что человек она в общем-то душевный, разве что излишне замотанный.

— Вы извините за давешнее.—оберну-

лась она с переднего сиденья.—Это так, сорвалось... Но времени действительно мало. А впрочем...

Мне показалось, что она едва заметно улыбнулась.

— А впрочем, не обращайте внимания. У нас всегда его нехватка. Такая жизнь, все бегом и бегом.

Тамара Николаевна Коновалова работает секретарем Глазуновского райкома партии. Вызывали ее в обком по неотложному делу: в Глазуновке намечено провести областной семинар секретарей райкомов и председателей райисполкомов. Будут смотреть, как район выполняет Продовольственную программу. Семинар — не пустяк. Готовиться надо всерьез. Потому что и люди приедут серьезные, глазастые, вни-

кать станут, подмечая каждую мелочь. А на все про все отпущен месяц.

...Глазуновка — это районный поселок в полустанке километрах от Орла по дороге к Курску. И когда едешь среди распаханных полей — земля удивительно черна и просторна — даже возникает вопрос, почему столь благодатные с виду места, мало похожие, допустим, на брянские пески или северные кулиги, тоже причислены к Нечерноземью. И все же...

— Это только видимость одна, что у нас черноземы, — говорила по пути Тамара Николаевна. — А на штык лопатой копни, там чистая глина. Работать с этой землей и работать.

По орловским меркам, район небольшой — одиннадцать колхозов и три совхоза. Хлеб, конопля, гречиха, сахарная свекла... А крупных успехов — и в этом вся соль — тут никогда не зневали, урожаи были до неприличия малы.

— Это ж позор и стыд, — возвращаясь к недавнему, говорила Тамара Николаевна. — Вроде застой тогда был. Понимаете, я о чем? Ведь люди работают. От государства и техники и удобрения поступают. А как жатва, так в бункере пять центнеров на гектар. Непостижимо. Прямо загадка за семью печатями...

Положим, загадок особых не было, как не

ХЛЕБА

было и не будет на хлебной ниве чудес: гектар не сам по себе кормит — всему начало человек, его отношение к полю, которое он пашет.

Деревенские проблемы для Тамары Николаевны были не в новинку. За плечами сельская школа, институт, полевая работа... Долгим был путь, и те вопросы, которые донимали сельских механизаторов, председателей, агрономов, мучили ее, секретаря райкома, они были знакомы ей в тонкостях. И разве дело только в системе оплаты? Все так: рубль, выплаченный за промежуточную операцию — пахота, сев, уход за посевами — выплаченный независимо от того, будет или нет в поле урожай, расхолаживал человека. Все так. Но и помимо этой системы оплаты, достаточно было всяческих сорняков, заполонивших хлебную ниву. Да что было? Они и есть! И вся острота, удовольствие жить сегодня, может быть, в том и состоят, что идет небывало активная прополка, удаление негодных форм и методов руководства экономикой, в том числе и сельской.

— Не дело, конечно, — говорила Тамара Николаевна, — когда, допустим, председатель колхоза не может по собственному усмотрению установить структуру посевных площадей или размер дойного стада. Он лишен самостоятельности. Он зашорен ин-

струкциями, указаниями сверху. И это «ко-лесо» давит. Так далеко не уехать...

Короче говоря, до недавнего времени Глазуновский район неправлялся с государственным планом, вечно замыкал областную сводку.

А теперь вот семинар. На примере Глазуновки будут учить другие районы, как надо работать. Есть чему поучиться: в короткий срок, используя созданные в соответствии с решениями майского (1982 г.) Пленума ЦК КПСС благоприятные экономические условия, партийная организация района добилась заметных сдвигов в развитии сельского хозяйства. Хотя и проблем осталось много. Это ведь тоже было отмечено в постановлении ЦК КПСС о работе Глазуновского райкома партии.

II

Погода стояла теплая и сухая. Посевная подходила к концу. И каждый день с утра я уезжал первым автобусом в колхоз имени Жданова. Колхоз этот как колхоз, без заслуг век он жил и вниманием не избалован. Часть его деревень тихо достаивает, некоторые уже исчезли с лица земли, названия их, как место рождения, сохраняются лишь в паспортах тех, кто навсегда покинул эти некогда густо заселенные местности. Основная жизнь ныне — в цен-

тральной Васильевке, которая припала огородами к речке Неручь, заросла черемухой и тополями.

Я любил бывать в Васильевке. Можно было, конечно, и в «Родину» поехать и в «40 лет Октября»... А «Мир» и вовсе упирается краем поля в райкомовский порог. Два шага! И хозяйство справное. Но именно это обстоятельство и не пустило в «Мир», а колхоз имени Жданова поднимался почти из «небытия» и был поэтому интересен.

— Насчет «небытия» не знаю, — поправил меня тамошний председатель Иван Михайлович Ильин, человек обстоятельный и в суждениях успешный. — А вот расформировать колхоз намечали. Это точно. Хотели землю нашу передать в сельхозтехникум, да там не пожелали эдакую обузу брать.

И еще неизвестно, как сложилась бы судьба колхоза и самого Ивана Михайловича, но приход его совпал с теми переменами, которые обозначились в целом по району. Он начал с дорог. Был до Ивана Михайловича побитый проселок, только трактором и одолеть, а чтобы вызволить с фермы молоко, то и двух тягачей недостаточно. Дороги отсыпали. Где асфальт положили, где бетонные плиты, эдакие узкие пластины с железными петлями. Неказисто

кажется. Скок! Скок!—скачет машина, словно по клавишам, подбираясь к молочной ферме, того и смотри язык ненароком прикусишь на прискаках.

— Ничего, ничего,—улыбается Иван Михайлович.—Скорость невелика. Зато в любую погоду проехать можно. Надежность появилась.

Замечашь строительный замах. Молодежная улица кирпичных домиков, аккуратных, как скворечни. Весной вторую улицу заселили. Стоит двухэтажный куб правления. Гостиница.

И дорогу и размах с жильем председатель ставит в заслугу правлению. И спрашивали. Тамара Николаевна его в этом поддерживает. Ведь под лежачий камень, известно, вода не течет. Всегда нужны энергия и смекалка. Только не лишие уточнить, что на асфальте ныне живут и «Родина» и «40 лет Октября»... Все колхозы и совхозы района—без исключения каждый—соединились с райцентром! Как говорит Иван Михайлович, «надежность появилась». А это вовсе не то, чтобы одному, пусть и очень пробивному, удаливому председателю козыри выдать.

Глазуновский райком партии решительно отказался создавать режим особого благоприятствования одному хозяйству, в то время как другие тащатся в хвосте. Оздоровление экономики происходит не за счет одиночек, а за счет согласованной работы всех звеньев агропромышленного комплекса.

III

Практика большой страны имела немалый опыт по разработке различных форм организации труда в сельском хозяйстве. Но лучше, чем хозрасчетные звенья на коллективном подряде, придумано не было.

— Первый год получилось у нас так-сяк,—рассказывал Иван Михайлович.—Даже мало кто верил, что созданные звенья могут что-либо изменить. Создали, а толком и не знаем, сколько человек должно в звено входить, сколько земли... Сначала для каждой культуры отдельное звеньишко создали—свекловичное, конопельное, зерновое. Наплодили мелкоты, а видим—нет, так не пойдет, звено должно иметь полный севооборот...

Он рассказывает, а сам поглядывает за окно. Там, через дорогу, чернеет поле, по полю трактор сеялку таскает, и ветер косо рвет, сносит на сторону шлейф пыли. Иван Михайлович смотрит и морщится, не нравится ему ни этот ветер, иссушающий землю, ни пыль, а более, что трактор постоянно тормозит, и тракторист в белой пляжной кепочке с целлулоидным козырьком, прыгая из кабины, членком бегает от трактора к сеялке, побрякает там, постучит и опять к кабине бежит. Что ни минута, то остановка.

— Я сейчас,—говорит Иван Михайлович и решительно уходит. Он прямиком, по пашне, черпая ботинками сухие крошки земли, шагает к трактору. Затем оба, председатель и тракторист, ходят вокруг агрегата, машут руками, сидя на корточках, разгребают землю, проверяя, как часто ложатся семена,—а ложатся они почему-то редко. Наконец Иван Михайлович столь же решительно возвращается в кабинет и повисает на телефоне.

— Алё! Алё!—дышишь он в трубку.—Сельхозтехника? Есть там кто из начальства? Что? Конец недели? Тарубарова мне. Пожалуйста, поищите. Я подожду.

В иной раз он и звонить бы не стал, да больно уж нескладный завязывался узел. Дело в том, что всю колхозную пашню делили между собой три звена. Одно, свекловичное, держалось особняком. И, не о нем речь. А два других имели полный севооборот. В первом подобралась молодежь, во втором—люди постарше. И отношения между звеньями складывались непростые. И когда делили землю, Иван Михайлович, многое предвидя, бросил в свою шляпу две скрученные бумажки и предложил, чтобы без обид и споров звеньевые тянули жребий. Так поделили они землю.

Дальше каждое звено получило трактора, прочую технику, хозрасчетное задание, денежный фонд. Работайте. Распоряжайтесь. Вы хозяева и земле, и технике, и горючему, и деньгам, и самим себе. Помечтенно будете получать аванс. А в конце года—доплата в зависимости от урожая. Благодаря тем звеньям колхоз впервые обошелся без привлечения механизаторов из Орла. И вспахали. И посеяли. И урожай взяли под двадцать центнеров с гектара и зябь подняли, чего в колхозе никогда не бывало.

Похожее переживал и весь район,—говорила мне Тамара Николаевна.—Были голоса, чтобы звенья на подряде создавать выборочно, в отдельных хозяйствах. Мы на это не пошли. Ну, допустим, создали бы. Они добьются пусть даже небывалых успехов, а люди станут показывать пальцами, дескать, все это показуха, опять, дескать, для одних создали тепличные условия, и они в рост пошли, другие—в забросе. Хуже нет, когда недоверие плодится. И после обстоятельного обсуждения в хозяйствах, реальной оценки возможностей решили переходить на подряд всем районом.

В каждом хозяйстве без исключения всю землю отдали в распоряжение звеньев. Были промахи, ошибки. Были сомнения. Но люди учились. И если в прошлые годы то там трактор стоит на обочине, то тут простояивает, то ныне этого не увидишь. Культура земледелия поднялась. Бывало, около основной дороги все поле колеями изрежут—не жалко! Теперь ни-ни. Свое поле стало. Свой хлеб. Люди поверили и в себя и в бригадный подряд. И это удивительное состояние, когда живешь и видишь, как меняются люди, как отношение к земле меняется.

Покуда я жил у Ивана Михайловича, было немало случаев, чтобы убедиться, насколько Тамара Николаевна права. Но вернемся к тем двум звеньям, что обеспечили успех колхозу имени Жданова. Хотя результат у обоих оказался высокий, в молодежном звене все же ладу больше было. В поле они раньше выехали. С поля—тоже. «Старики» иногда даже звали молодых на помощь. Но это ж поклониться надо! А гордость—штука щепетильная. Во вторых, приглашая человека со стороны, звено платит ему из собственного фонда зарплаты.

А деньги тоже жаль!

Колхоз приобрел две новые кукурузные сеялки. Молодые без проблем отселялись. У «стариков» же не заладилось.

IV

Как раз в те дни слышал я разговор Ивана Михайловича с заезжим представителем из района.

— Что голову ломать?—сказал представитель.—У тебя же вторая сеялка есть в молодежном звене. Возьми ее и сей. Распорядись, дай команду.

— А я имуществом звена не распоряжаюсь.

— Так ты же председатель! Ты командир! Начальник!

Иван Михайлович объяснял терпеливо, что, переходя на бригадный подряд, они объявили звенья хозяевами земли не для того, чтобы при первом удобном случае их обмануть. Обман—и веры не будет. Это раньше мы командовали, дергали людей и отучили их думать. «Начальству с его колокольни видней». Не командовать надо человеком, который хлеб растит, считаться надо с ним, с его характером, привычками, с его знанием. Если уж хлеб всему голова, то, значит, голова и тот, кто его растит. Не иначе.

— Нет, я приказывать и самовольничать не буду. Не могу.

— Вот дожили,—удивился представитель.—В одном колхозе еще два колхоза развели.

Когда представитель уехал, я спросил Ивана Михайловича, неужели и впрямь нет возможности воспользоваться второй сеялкой, и он ответил, что, разумеется, возможность такая есть. «Только не силой приказа». Он с молодыми, кстати, разговор уже имел, а те заявили, что сеялку дадут, не пожалеют, но пусть сам звеньевой придет и попросит, чтобы не по верхам, не через председателя решалось, а на уровне звеньевых. Иван Михайлович объяснил ситуацию звеньевому «стариков» Николаю Заболоцкому. Тот, однако, надеется, что сам отладит высевающий аппарат.

Иван Михайлович, уважая позицию обеих сторон, решил все же ускорить ход событий и позвонить в район.

— Алё! Николай Павлович? Привет! Послушай, что скажу... Приезжай, голубчик, взгляни своим глазом. Да, знаю, что завтра выходной, знаю. Но это ж раньше мы вроде чужими были. Теперь мы в РАПО. Однако отвечаем за хлеб...

К вечеру явился Тарубаров. Он намного моложе Ивана Михайловича, что не мешает им быть на дружеской ноге. Плотный, в коричневом, как каштан, костюме, он держит себя уверенно, по-свойски.

— Жду тебя, Николай Павлович. Давай прямо в поле, сеялка стоит.

Теперь они втроем разгребают землю, машут руками, гайки откручивают. Тарубаров что-то записывает и обещает, что утром отыщет токаря—выходной!—и лично доставит запчасти в поле. «Таких на складе нет, но выточить можно». Потом с Иваном Михайловичем они обсуждают в кабинете районные новости.

Тарубаров до недавнего известен был в Глазуновке как управляющий районной Сельхозтехникой. А как создали РАПО, возглавил единую инженерную службу района. Ему даже подчинили инженера сельхозуправления. А что? Прежде колхозы и Сельхозтехника, обслуживающая их организация, никак не завязаны были на урожае. Колхозы убыточны—Сельхозтехника при любых погодах с прибылью. Два разных ведомства. Теперь разработали структуру такую: районный организм—единое целое.

— Мы строим в колхозе дом,—объясняет по-своему Иван Михайлович.—В районе пять строительных организаций. Одна стена ставит, другая отделкой занята, третья—сантехникой и т. п. И каждая, делая свое дело, кромсает, долбит то, что сделано другими. Каждая по-своему права, а спросить не с кого. Где смысл? Почему, спрашивается, не иметь одного ответчика, единую строительную организацию? Иначе ведь распыл, разброд.

Так, помимо инженерной службы, кото-

ную возглавил Тарубаров, в районе создана единая служба агрономическая, зооветеринарная, экономическая...

— Кстати,—сказал Тарубаров,—ты к семинару готовишься? Мехдвор тебе надо в порядок привести. И навес для хранения техники перекрыть.

— Надо, надо.—соглашается Иван Михайлович.—Он и был у меня покрыт, да тут вихрь прошел, ураган, весь шифер сбросило.

— Только не тяни,—советовал Тарубаров.—Событие серьезное. Этот семинар будет смотром всех районных начинаний.

И, посвящая меня в суть дела, Тарубаров стал говорить, что как только район начал внедрять внутрихозяйственный расчет и бригадный подряд и менять в рамках РАПО структуру управления, к ним, в Глазуновку, едут с тех пор и едут со всех концов делегации.

— И все, кто приезжает, настроены так, словно хотят увидеть тут небоскребы в поле, чудеса необыкновенные. И обижаются даже, что ничего такого не показываем. А как показать, что меняется психология пахаря, что пробуждается в нем хозяин? Район вышел на первое место в области по продаже сахарной свеклы и на второе по хлебу... Раньше в хвосте тянулись... И люди те же и земля, а результаты несравнимы. Чтобы понять, что и откуда, надо жить здесь, знать, от чего мы ушли, только так осознаешь перемены и оценишь их.

Тарубаров говорит о том, что им удалось и что не очень, о надеждах, о том, что мешает развивать эксперимент—«засилье старых привычек мучает», и о первом секретаре Тамаре Николаевне, которая раскрутила все районное

колесо и не дает сбавлять оборотов. — Она и потребовать может. И понять. И взять в случае чего ответственность на себя.

Велика в людях энергия и желание новизны, чтобы порядка на земле прибавилось, чтобы ушла, сгинула расхлябанность, от нее деревня устала. Люди хотят живой мысли и дела, чтобы появился конкретный смысл, не болтовня, от которой звенит в ушах. Они готовы на любой риск, лишь бы не сидеть сложа руки, лишь бы польза была. Ведь ни машин, ни тракторов в районе не добавилось, ни земли. Активности добавилось. И в этом прямая заслуга райкома, который создает необходимые условия для проявления инициативы и самостоятельности людей.

V

Хлеб замер в полях от зноя. В районе ждали дождя. Ветер гонял по дорогам пыль. Иногда наплывала пустая, дымчатая пелена или случайное облако роняло редкие, скучные капли, оставляя в пыли крапчатый, дразнящий след.—все было обманно, озимь и ярь ждали настоящего обложного дождя, который единственный мог напоить их влагой.

В те дни мы редко виделись с Тамарой Николаевной. Забот и дел невпроворот, особенно теперь—затянулось отставание животноводства, что тем более заметно на фоне первых успехов Глазуновки.

Едва солнце всходило, Тамара Николаевна была уже за рулем и уезжала в поле. Потом из Москвы, из министерства люди нагрянули. Опять в Орел вызывали. Но каждое утро она все же успевала побывать

в поле. Зато и не было человека, который бы лучше знал положение.

А я пропадал у Ивана Михайловича. Кукурузная сеялка так и не пошла. Оказались с заводским дефектом. Звеньевой скрепя сердце поклонился-таки молодым, те сеялку дали, однако с условием, что работать на ней будет человек из молодежного звена. Так, сочли, техника будет сохранной.

Однажды—уже кончали сев—к полю подкатила Тамара Николаевна, и мы возвращались в Глазуновку с ней вместе. В тот день по углам, за лесом, погромыхивало, темнело, несло свежестью и к вечеру наволокло туч.

— Неужели польет?—поглядывала в ту сторону Тамара Николаевна.—Давайте, милые, смелее. Давно вас ждем.

И когда проехали деревню Кривые Вершки, по асфальту смаочно защелкали редкие, крупные капли, в воздухе словно раздался шепот и резко запахло пылью. Затем дождь припустил, дорога потемнела, дышать стало легко, и колеса шипели по мокрому асфальту, как в сковороде масло. Тамара Николаевна попросила остановить машину и, открыв дверцу, шагнула под водяные струи. Ее окатило, как из ведра. Прическа, белая кофта и черная, длинная юбка—все враз промокло, облепило ее, но, не обращая внимания, она, как девочка, сняв туфли и держа их за ремешки, на отлете, побежала вперед по лужам... Знала бы она, что скоро эти дожди будут лить и лить...

А впереди была осень, желтая осень с хлебом.

Орловская область.

Иван Михайлович Ильин: так хочется, чтобы этот колос был полновесным.
Ведь столько труда и забот вложили в него люди!

Фото С. КУЗНЕЦОВА.

ДОВОДЫ

Людмила РАКИТОВА,
пропагандист

Шестой год мое партийное поручение — пропагандист. О многом мы говорили со слушателями, моими земляками и товарищами: об экономике, о советском образе жизни, о развитии мировой социалистической системы. Что-то я знала лучше, что-то хуже. Одно удавалось, другое — не очень. Моя задача — дать людям знания, помочь преобразовать их в убеждения, побудить слушателей к действию, найти для этого доводы, безусловность которых я могла бы подтвердить не только положениями теории и данными статистики, но и жизненным опытом моих слушателей. Ведь, понимая и принимая новое, человек обязательно исходит из того, что уже знает, в чем уже убежден.

Вот тема занятия: особенности экономического развития стран СЭВ. Я, конечно, еду на семинар в район, читаю, делаю газетные вырезки. А один из слушателей, наш учетчик Геннадий Георгиевич Богданов, спасибо ему, подал мысль: а почему бы не позвать на занятия тех, кто побывал в этих странах? Поездки были хоть и туристические, но ведь опытный крестьянский глаз и при беглом знакомстве многое увидит.

Пришли наши специалисты — те, кто недавно вернулся из Венгрии, Румынии, ГДР. Рассказывают.

Подробность за подробностью — увиденные, услышанные, вычитанные — и люди сами пришли к мысли об экономическом своеобразии каждой страны и о необходимости, целесообразности экономической интеграции. В том числе и интеграции опыта. Таков принцип действия СЭВ, чтобы помогать друг другу, делиться лучшим, делать свою долю общей работы. Общеизвестное обрело на том занятии краски жизни.

Делать свою долю общей работы хорошо — вот это, думала я, нужно нам всем по-настоящему усвоить. Я раз слышала, как Юрий Иванович Измайлов (заведующий машинно-тракторной мастерской — МТМ) отчитывал одного из трактористов:

— Вот ты бросил деталь и пошел. Что, к тебе няньку надо приставить? Не надоело тебе так неаккуратно работать?

К этой мысли, что во многих трудностях, которые испытывает хозяйство, виноваты мы сами, приводили и беседы на другие темы, на других занятиях.

...Ездили от нас люди в Калмыкию. Вернулись и говорят: ох, как там хорошо, какая пшеница! В совхозе «Степной» рабочих снабжают кормами для коровы, а у нас...

— Климат там лучше? — спрашиваю.

— Да нет, суш...

Так в чем же, говорю, дело? Видно, просто добросовестнее работают люди. К кому претензии? Тем более что в нашей школе занимаются и руководители многих служб, организаторы производства. И поставили мы вопрос иначе: условия у нас и в «Степном» похожи, а наши результаты хуже. В чем просчет каждого из нас?

Вспомнили мы на том занятии и недавнюю ситуацию на наших молочнотоварных фермах. Я тогда была главным экономистом и потому оказалась полностью в курсе дела.

...Началось с парадокса: две фермы работают в одинаковых условиях, а себестоимость молока разная. Стали разбираться. Для начала прохронометрировали все операции, позвали на помощь специалистов. Уточняли по справочникам расценки. И оказалось, во-первых, что получали наши животноводы намного больше, чем зарабатывали.

Потом уточнили лимиты на рабочую одежду, инвентарь, ремонт, транспорт, электроэнергию. И обнаружили множество «щелей», куда утекали рубли и копейки. Так называемый «малоценный инвентарь» — марлю, ведра — люди брали вообще без счета. А халаты? Придет иная доярка, неделю поработает, увольняется — так никто о том халате и не вспоминает. Не вернула, не выплатила стоимость — ну и ладно. Зимой, когда у трактористов меньше работы, все у ферм толкуются, которые, между прочим, навозом заросли. И вроде некому вывезти, хотя трактора друг за дружкой ездят по всяkim ерундовым делам.

В расчетах зарплаты нашли просто арифметическую ошибку, которая годами повышала надбавки на 25 процентов! Надои были сравнительно небольшие, но получали у нас доярки по 400 рублей.

Какой шум стоял, когда собрали животноводов и показали им результаты наших подсчетов:

— Мы работаем по десять часов, мы тут горбатимся, а вы...

— Да что же, товарищи дорогие! Ведь треть вашей зарплаты — не-за-ра-бо-та-на! Расчеты-то — вот они!

Пошумели-погадели, но никто с фермы не ушел.

Кстати, после этого навоз вывезли в поле чуть ли не в считанные дни, а то годами лежал!

Сделали следующий шаг: начали улучшать стадо. Короводобычу выделили в отдельную отрасль. Одну бригаду специализировали на подготовке первотелок. И сейчас еще наше стадо пестрит, но отобранные первотелки в первый же месяц после отела дали по 231 килограмму молока. Сейчас переходим на цеховую структуру производства

молока. В общем, разговор это долгий, скажу главное: в прошлом году себестоимость литра молока снизилась на 8,8 копейки. У хозяйства был долг перед государством — так шестую его часть в один год выплатили.

И при этом не получали ни новых помещений, ни дотаций, ни элитных животных. Просто в том, что есть, навели порядок.

Мнение слушателя Ю. И. ИЗМАЙЛОВА

— Год миновал, столько всяких событий, а эти занятия я помню. Каждый хотел выступить, свое рассказать. И потом еще спорили долго, уже после занятий. Людмила Петровна всегда интересно ведет семинар...

Я люблю, когда темы занятий связаны с экономикой. Тут у меня получается убедительнее, сама чувствую. Так, чтобы в любой теме быть на высоте, меня не хватает. Хозяйство, работа, сыновья, муж, а надо еще все время читать. Беру книги, журналы, где могу, стараюсь не пропускать семинаров. И все-таки то и дело вижу, что чего-то не знаю.

На одном из занятий меня поставил в тупик Валерий Николаевич Зоткин, инженер по внедрению новой техники, наш главный рационализатор и мыслитель. Его интересовали развивающиеся страны: политика, экономика, взаимоотношения. Общими словами ответить было нельзя, Валерий их не хуже меня знает.

— Давай, — говорю, — повремени. Постараюсь ответить в следующий раз.

Записала его вопросы, передала их заранее, как у нас принято, в кабинет политического просвещения райкома партии. И тут на семинар приехал, на мое счастье, лектор из Волгограда, он мне помог.

Но вообще я думаю, что пропагандисту нельзя учиться «от сих до сих», по графику, по расписанию, только там, где «положено». Встреча с каждым умным человеком — тот же семинар. Мне очень много в этом смысле дал Александр Николаевич Виноградов, руководитель первого в колхозе подрядного звена.

Помню, был пленум райкома (а Александр Николаевич у нас член райкома партии). Обсуждали как раз проблемы подряда, пригласили главных специалистов хозяйств. Выступают люди один за другим, все, конечно, «за». Но как колхозников убедить быть тоже «за» — никто конкретно не предлагает.

Вышел на трибуну наш Виноградов. Начал с того, что лично он в первый год на подряде много потерял, «сидел на аванс». Но готов был и еще год просидеть, хотя «деньги мне», — сказал Александр Николаевич, — сами понимаете, совсем не мешают».

— Нет у нас другого пути, — говорил он, — надо это каждому понять. Почему лично я сразу был за подряд? А потому, что мог оставить, будучи уже хозяином поля, чистые пары, треть всех площадей. Мне сказали: «Твое дело, веришь в чистые пары — заводи, но плановую урожайность тогда придется твоему звену повысить на третью».

Мы — четверо — взяли 3000 гектаров (а раньше обрабатывали 300!). И справились. Знаем теперь, что нам делать завтра, через неделю, через месяц. Если пошлют на другие работы, каждый в голове держит: а как там «свое» поле? И весь хозрасчет не в кабинете, а вот здесь, в моей папке...

Первый секретарь райкома потом выступал. «У Виноградова, — говорит, — что ни слово, то дело. Чувствуется крестьянская мысль. А у некоторых — набор слов...»

В прошлом году урожай в звене Виноградова на одном из полей поднялся до 40 центнеров с гектара. Даже нынче, в эту сушь, гарантировало звено неплохой урожай. Хотя старики уверяли, что уродит только рожь, а пшеница вся сгорит.

Виноградов все повторяет:

— Благодаря подряду будет у нас больше хлеба.

Вслед за ним еще два звена перешли на эту систему, одно — комсомольско-молодежное. И что интересно: выросли ребята за год не только профессионально. Недавно троих из них, в том числе звеньевого Николая Овечкина, приняли в партию.

Александр Николаевич тогда сказал:

— У нас звенья соревнуются, так я готов отдать этим ребятам первое место за одно их старание и веру в подряд. Они уступают нам в опыте, но в добросовестности — ни на грамм, мы соседи на поле, все это видим. Такая молодежь в партии нужна.

Я думаю, что Александр Николаевич — самый настоящий пропагандист, хотя им и не значится. И «школу», которую он ведет изо дня в день, я бы назвала «Новый тип

экономического мышления как составная часть советского образа жизни».

Мнение слушателя В. Н. ЗОТКИНА

— Ходить на занятия «для галочки» мне, извините, представляется лишним. Я тоже газеты читаю и по любому поводу разговоры вести не буду. Но Людмила Петровна умеет обострить вопрос, раззадорить людей, показать в любом вопросе разные возможности решения. Она бежит от оглашенности, от неряшливиности мысли, от формализма. Занятия в шксле, которую ведет Ракитова, помогают каждому из нас действовать по убеждению, по своему разуму.

Мой муж — шофер. В армии, говорит он, строй на поверхке равняется на самого высокого. Так, наверное, и вообще в жизни. Это закон прогресса. Так равнялись наши хлеборобы на Виноградова. Что интересно: он, Александр Николаевич, потребовал, чтобы равнялись и соседи. Причем не из самолюбия требовал, а из чувства справедливости.

Я уже говорила, что нашему колхозу, когда давали «добро» на чистые пары, увеличили плановую урожайность с гектара. У соседей она осталась меньшей. И вот какая получилась ситуация: хлеба мы в минувшем году взяли много, а план при этом едва перевыполнены. У соседей же урожай ниже, а ходят в передовиках. Александр Николаевич и возмутился:

— Это как так? Земля у них не хуже, почему к ним отношение, как к ослабленным детям? Мы понимаем, что нам не снижать плановую урожайность, это и правильно. Но пусть же им тоже ее повысят! Должен быть смысл и логика!

И добился своего.

У меня тоже есть свои «высокие» точки в жизни, есть на кого равняться. Например, моя свекровь, Александра Николаевна. Она участница войны, до Польши дошла. Она хлеб пекла в армии. Ее даже медалью наградили «За оборону Сталинграда». Как же ей лихо досталось! Одна подымала двоих детей. Телятницей на ферме работала в самые трудные послевоенные годы. Как подумаешь: ну разве идут в сравнение наши нынешние трудности? А мы порой ноем, ноем. А свекровь моя такой ясной и веселой души человек. Мне бы ее чувство юмора!

А еще была у нас Зоя Дмитриевна, агроном. Я у нее начинала работать. С пятого класса — на току, потом мы с бабушкой моей бахчи брали, пололи, тоже вроде как на подряде. А потом бригадир позвал меня работать на лето весовщиком.

— Ой, — говорю, — ну как я пойду!

— Ничего, — отвечает, — ты смысленная.

Так и сказал — «смысленная».

Я и правда дело быстро поняла, даже понравилось. С 6 утра до 2 ночи — сейчас в таком ритме не работает никто, да и не надо: организация труда-то совершенствуется.

А меня захватил именно ритм — на пределе! Нравилось быть частицей этого большого организма.

Жара, пропыленные лица. Зоя Дмитриевна по полю широко шагает, копны трясет — хорошо ли вымочены. Эта картина запечатлелась в памяти. Хорошо начинать с азов. Вот тогда я и стала сельским человеком не только по рождению, но и по убеждению.

Мне в институте предлагали пойти на комсомольскую работу. Но это значило остаться в Волгограде. А у нас в комнате, в общежитии, такой народ подобрался — патриоты села.

Всегда мне хотелось быть такой, как Алексей Константинович Харитонов, наш нынешний руководитель кораблодобывающей бригады. Он у нас тридцать лет с лишним был главным агрономом. И всю жизнь — пропагандистом.

Вот мы говорим: берите пример с такого-то, равняйтесь на такого-то. А люди сами себе выбирают, на кого равняться...

Мнение слушателя Л. И. ПЕТРОВОЙ

— Людмила Петровна меня словно бы расшевелила. Ей на занятиях всегда вопросы задают. Она так доходчиво все объясняет, убедительно.

Честно скажу: у нас такого и председателя профкома еще не было. Я ей просто как человеку очень верю — вижу ведь ее каждый день, работаем дверь в дверь. Я, когда решила вступать в партию, попросила рекомендацию у своего пропагандиста.

Колхоз «Путь хлебороба»,
Иловлинский район,
Волгоградская область.

Фото Н. АНТИМОНОВА.

ТРИ СЕСТРЫ

...Сорок лет назад, 13 октября 1944 года, 23-й гвардейский полк 8-й гвардейской стрелковой Панфиловской дивизии 10-й гвардейской армии 2-го Прибалтийского фронта подошел к городу Риге.

Ева, Мария и Лиза прошли всю войну. Три повозки, запряженные разномастными лошадками, три с лишним года медленно двигались с востока на запад. Завязали в болотах и пережидали обстрелы в лесу, останавливались поблизости от передовой и двигались дальше. Три повозки: на одной палатка и медикаменты, две другие под легкими ранеными — санрота.

Ева Колпакова — 21 год, родом из города Бузулук Оренбургской области, досрочный выпуск Военно-медицинской академии Красной Армии 1941 года. Комсомолка, не замужем, врач полка.

Мария Поликут — 22 года, москвичка, выпускница 2-го Московского медицинского института 1941 года, замужем, дочь Катя трех лет, муж воюет на Центральном фронте, начальник санроты полка.

Лиза Алимanova — 36 лет, из Казахстана, образование среднее специальное, разведена, дочь тринадцати лет осталась с бабушкой в Алма-Ате, фельдшер. Член партии.

...В Риге цвели жасмин и чайные розы...

Ева Ивановна вытряхнула письмо из почтового ящика.

«...А особенно рад за то, что дети ваши, как вы пишете. Ева Ивановна, все встали на ноги, как говорится, и успевают в жизни. Лично мне в декабре 26-го числа исполнится 67 годиков. Седой, лысый, лицо как гармошка, глаза слезятся, а душа, как и прежде, веселая.

Я очень часто вспоминаю войну. И мне иногда кажется, что все хорошее и трудное в нашей фронтовой жизни — это сон. Кошмарный и в то же время прекрасный. Иногда даже не верится, что остались мы живы. Вася Зыков, баянист».

— Ну какой же он Вася теперь? — легко вздыхает Ева Ивановна. — Василий Артемьевич. Вместе воевали...

600 курсантов-выпускников Военно-медицинской академии явились по сигналу ночной тревоги (решили, что учебной) и гадали, почему линейка не начинается и начальство медлит. А это война началась. С войны вернулись 124. Все больше девушек из медсанбатов и госпиталей. «Я что думаю? Если бы мы тогда знали, что вернется только каждый шестой, ничто бы в нас не изменилось».

Через полмесяца их отправили на фронт. Не доехав станции Бологое — бомбежка, первые убитые. Ужас, липкий, холодный, «как лягушка на сердце вскочила».

Она не знала, что мама сбережет все ее письма домой. Вот первое, с дороги:

«Здравствуйте, мои дорогие! Сколько еще проедем, неизвестно. Ехать очень хорошо. Кормят нас хорошо. Чувствую себя хорошо. Ева».

— Первое время мы плакали. Сделаем все, что полагается, и плачим. Нельзя привыкнуть.

Был обстрелян командный пункт, и к ним привезли командира полка, комиссара и

начальника штаба. У командира было тяжелейшее ранение грудной клетки. «Милая, — хрипел он, — сделай все, чтобы я умер». На память завещал докторша свой пистолет ТТ. Запомнилась фамилия — Луговкин.

— А у комиссара, у него, знаете, вот какое ранение оказалось: осколок вошел в поясницу с правой стороны, а вышел в левой ягодице. Его я уже знала: Ломов Георгий Иванович Жора. Он потом стал моим мужем. Даже в медсанбат не поехал, так и остался в санроте. Все, говорит. сделаешь, чтобы я выжил.

Я его спрашиваю: «Ну за что ты меня любишь, я же некрасивая, у меня нос длинный». Он смеется: «А у меня короткий». Он был последним командиром нашей Панфиловской дивизии, с ним и Латвию освобождали.

Там, в санроте, они и встретились — Ева, Мария и Лиза. Шла зима 1942 года.

Вспоминает Мария Игнатьевна Поликут:

— Труден и страшен был этот год, второй от начала войны. День-ночь-день-ночь идут раненые, несут раненых, на волокушах тянут раненых. Вернее, не было дня и не было ночи. Время измерялось запасом сил: пока стоишь на ногах, режешь. Перевязочного материала нет — кончился, воды нет —топили снег и обмывали раненых.

Если бы не Лиза... Она была замечательным практиком. Тихая, неразговорчивая, но мы окольно узнали, что была она гордостью своей больницы, перед самой войной лечила народного поэта Джамбула, его все знали: в школе изучали.

Так вот, Лиза заметит у кого неуверенность в руках, отведет в сторону и быстрым шепотом: «Девочки, я делаю так, так, так...» Ну, а про себя ничего не рассказывала, даже имени дочки мы не знали. Выдерживать и не плакать — этому тоже у нее учились.

Раненые, не делая различий, всех троих называли «сестрички». А они и считали себя сестрами, а Лизу — еще и мамой.

Учились у Лизы, учились у войны.

...Подошли к деревушке. Неделю назад здесь пробивались наши войска. С берега реки увидели: на стволах пушек качаются повешенные. Изуродованные тела женщин: медсестер, врачей. Расстрелянные и издавательски обезображеные трупы мужчин. Педантический садизм. С таким же садизмом фашистский самолет сорок минут преследовал Машу Поликут, пока она не прыгнула в болото и не спряталась внизу под гатями.

Машин отец воевал в 1914 году. Мама была медсестра в госпитале, там и познакомились. Дочери рассказывали о первой мировой, о том, какая страшная была та война. Разве знали они, какой будет эта... Из разведки не вернулся комсорг полка Тэдиков (жалко, имя не запомнилось). Нашли его в ледяном панцире, на груди звезда, на плечах погоны вырезаны. «Сестренки» отогревали труп в талом снеге, чтобы одеть и похоронить... Это фашисты называли тотальной войной с советским народом.

Ева Колпакова — родителям. 1942 г.

«Здравствуйте, дорогие мои. Мама, вы

пишете, что работаете в школе, а пapa целыми днями и ночами работает. Я вам буду высыпать по 500 рублей, кроме аттестата, только не работайте так много, больше отдыхайте.

А у меня сегодня праздник ягод — 4 котелка принесли в подарок. Теперь я уже узнала, как живут в деревнях. Какой-либо страх или веселую новость здесь выражают словами «ах, лихонька». Все хозяева, у которых мы живем в деревне, считают нас за родных. Ева».

«Праздник ягод». изучение деревенского быта... Что? У нее была другая война?

Ева Колпакова. студентка: тогда они пели: «Если завтра война, если завтра в поход...»

Мария Поликут. 1942 год.

А снимка Лизы Алимановой у подруг не сохранилось. Вернее, есть, но едва угадываемый: она стоит во втором ряду, под деревом, и солнечные блики как бы растворили ее лицо.

МИЛОСЕРДНЫЙ

Фото К. ПОПОВА

— Не хотела их волновать. Волнение — это я вам как врач говорю — только здоровье расстраивает. У меня три принципа: не переедать, больше двигаться и не волноваться. Ну, на войне не засидишься и не переешь. Вот и остается одно — не психовать. Слышу, как летит бомба, и успокаиваю себя: «Спокойно, Ева, спокойно, твоя жизнь нужна для Отечества». Раз прямо перед палаткой упала. Счастье, что мы на промерзшем болоте стояли. Она где-то под нами ухнула, мы только подпрыгнули. И все, и никаких волнений.

А вообще-то ей действительно повезло. За всю войну Ева Ивановна выстрелила один раз, была раз нетяжело ранена, только раз вблизи видела живого немца.

Это был такой рыжий хиленский «язык». Пока его тащили, он промерз, и я растирала его вазелином перед тем, как вести в штаб, разведчики попросили. Как я его ненавидела! Вспоминала, как кончался Вася Бедняк, наш фельдшер. Он зажимал перерезанную осколком сонную артерию и шептал: «Евочка, если бы знать, когда будет день победы, ей-богу, не боялся бы умереть». Вася был сиротой, и письма из дому я читала вслух: ему и себе. А он называл своей мою маму, деньги ей посыпал, как я потом узнала. Такой красивый был мальчик, белорус, глаза синие, носик пряменький. Жить бы ему и творить, как говорится. Но артерия была совсем перерезана, совсем...

Сестренки, прошедшие войну почти без потерь...

Когда Маша Поликут попала на фронт, всем говорила «будьте любезны», «Будьте любезны, запрягите мне лошадь». Ей казалось, что старый Вишневский говорил бы именно так. В начале войны он, профессор, вел у них четырехмесячные курсы военно-полевой хирургии и несколько раз брал Машу ассистировать. Как-то зажала не замеченную им пульсирующую артерию.

Вишневский посмотрел с веселым удивлением: «Ну, молодец!» А на передовой делала ампутации, однажды даже печень зашивала раненому. Немыслимое дело, но получила от его жены письмо: «Пока живем». «Будьте любезны» осталось в той, довоенной жизни, в молодости.

Теперь... Она показывала хуторянину убитую лошадь и повозку с ранеными, а тот мотал головой: «Нет лошади, нет». В сарае оказалось восемь жеребцов. Выбрали похуже, стали выводить — хозяин повис на коне. «Стрелять буду, сволочь!» — спокойно сказала Маша. Без повозки нельзя.

А из убитой лошади начальник по хозчасти накрутил сибирских пельменей. На всех — санитару, хозчасть, прачечную. Было три дня благословленной передышки. Три дня — как много! Можно вымыть голову, пришить чистые подворотнички. Главное, выснуться. Правда, на лапнике и шинели, но зато без пистолетов, ремня, сапог (простыни они видели все эти четыре года только в операционной). А тут еще пельмени! В один спрятали гриненник, если сосредоточенно и молча, не показывая волнения. А Маша держала монетку за щекой и думала: «Жива буду!»

В сорок четвертом вспомнила про этот гриненник во время налета... Оказалась на шоссе одна — под штурмовиками, на бреющем полете обстреливающими дорогу. Села, голову обхватила: будь что будет. Пули кругом щелкают, а за щекой металлический вкус: «Жива буду, жива».

Им действительно фантастически повезло. Даже когда бомба взорвалась совсем рядом с палаткой, все трое отделались лишь контузией. Сначала откопали Лизу, она прыгнула в окопчик последней, прикрывая Еву и Марию. Потом подруги долго допытывались:

— Зачем ты это сделала? У тебя же дочка!

— Так вы же врачи, — простодушно ответила Лиза. — А я фельдшер.

Лечиться в медсанбат не поехали, остались на месте, на передовой. То есть в 500—800 метрах от линии фронта. Это значит: раненых даже не раздевали. Обрезали одежду вокруг раны. В санитаре рану обмывали, а бойца в спальный мешок, и нехолодно и душу по пути в медсанбат не вытрясет. Это Маша придумала, с мешками.

Однажды отбили немецкий обоз. А на возах — она ухнула! — одеяла. Расстелили на снегу, а на них раненых...

800 метров — это значит, в бой в тяжелые дни уходили санитары. В дни, когда была опасность прорыва. И тогда Ева поглядывала на подаренный ей ТТ.

Из письма родным:

«Здравствуйте, дорогие мои. Я живу хорошо. У нас в санчасти своя корова, молока дает много».

Однажды, в 1943-м, Ева получила от мамы горькое и путаное письмо: «без вести» пропал Евлин брат Валентин, может, Георгий Иванович что посоветует, командир все-таки. Ева плакала. Но надеялась: может, увечный где скрывается, чтобы своих не мучить. Может, убережет судьба.

Уже после войны пришло письмо:

«Здравствуйте, уважаемый товарищ Колпаков и вся ваша семья!

Мне ужасно тяжело, но я должен выполнить мой долг перед моим другом, а вашим любимым сыном Валентином Колпаковым. В тяжелые дни отступления на юго-западном фронте мы были окружены и пленены фашистами. Вместе с Валентином мы были в лагерях военнопленных в г. Владимир-Волынск. Валентин перенес много тягот и издевательств. Он болел тифом, дизентерией, цингой. Все это перенес, но от постоянного голода и холода заболел мокрым плевритом и 22 июня 1942 года ваш сын, а мой друг умер у меня на руках. Он просил меня побывать у вас, крепко целовать. Но приехать к вам я не имею возможности, а выполняю волю вашего сына письменно. Я люблю его. В самые тяжелые минуты нашей рабской жизни он не отчаялся.

Николай Назаренко. Большево».

Что такое лагеря, Ева знала. В сорок четвертом, в Латвии, наткнулись в лесу на людей, не уничтоженных фашистами из-за поспешного бегства. Отрешенные глаза, непредставимое истощение.

А двое других сами вышли к санитаре. Один из них рассказал такую историю. В лагерь попала беременная женщина, в бараке родила ребенка, живого и здоровенького. Заключенные уже не могли бежать, так они были истощены. Но решили, что ребенок должен жить. Тайно подрыли землю под проволокой и незаметно передали его незнакомой латышке. «Не забудьте», — сказал этот человек, — название лагеря: «Саласпилс». Саласпилс. Латвия...

Тогда же Маша Поликут вступила в партию. Еву приняли раньше, в 42-м. Лиза уже пришла на фронт с партбилетом. Теперь пятнадцать человек — партгруппа — сидели на полянке, вытянув ноги, сдвинув фуражки на затылок, и слушали, что говорит комиссар полка Ахмеджан Мухамедяров. Звенел жаворонок. Недалеко старик

латыш косил высокую траву на сено. Для этой полянки война уже кончилась.

— Машу мы все любим. Врач она знающий и умелый. Сколько жизней спасла... И человек хороший. Кто-нибудь из ее раненых, наверное, лучше бы сказал... Я рекомендую Поликут Марию Игнатьевну в ряды коммунистической партии. Кто «за»?

Поднялось еще четырнадцать рук.

Через несколько минут колонна опять двигалась на запад.

«Мама, я вас прошу, не продавайте, пожалуйста, моих хромовых сапог, крепдешинового желтого платья и туфель. А то, если буду жива, после войны домой приеду, ведь купить негде будет. Погода у нас теплая, грязь большая. Я вас, наверное, никого не узнаю, когда приеду, а вы меня тоже. Ева. 1944 год».

С той осени прошло ровно сорок лет. Еву Ивановну Ломову пригласили рассказать о войне. В школу. Боялась, что слушать не будут: им, наверное, о таких подвигах рассказывали! А она что? До метра шестидесяти не доросла даже. И нос длинный на фотографии получается. Захватила синюю тетрадочку и пошла.

— Ребята,—сказала она,—вот это дневник моего отца. Я хочу прочитать вам некоторые записи. Не потому, что он совершил что-то героическое. Но если бы не было их борьбы, не было бы ни нас, ни вас.

«19 июня 1918 г. Я выехал для агитационной работы. Мой маршрут был от станции Бузулук в Погромное, Тоцкое, Сорочинск. Эсер Чемоданов и кулак Федулов стоят против организации крестьян...

25 июля. Тетка Акулина: «Куманек золотой, скажи, родимый, правду говорят, что большаки прозываются так потому, что дюже большие ростом?» Объяснил ей, что ростом большевики бывают разные, и малые, и большие, и такие, как я, средние. На что она с сожалением ответила: «Ишь ты...»

1 августа. Наш партизанский штаб сейчас в лесу. Вчера приходила мама (все документы и записки из центра вплела в косы, никто в деревне не заподозрил, бандиты Бородина остановили, велели принести малины)».

Посмотрела на ребят — слушают.

— А теперь я хочу рассказать о моей замечательной подруге Маше Поликут, Марии Игнатьевне. И о том, как умирал капитан Бубнов.

Маша знала, что он умирает. За 20 минут действия хлороформа успела отрезать ногу и сделать культи. Восемь дырок в кишечнике зашивала уже без наркоза. И он знал, что умирает. «Маша,—сказал он,—запомни: в левом кармане документы, а в правом деньги».

— Бубнов,—говорит Маша,—о чём ты думаешь?! Да мы с тобой еще танцевать будем.—От слез вся повязка на лице мокрая, а пальцы шьют, шьют.

— Маша,—повторяет капитан.—напиши моим и не забудь: документы в левом... А вообще-то мы победили, Маша...

Когда она его зашила, он был уже мертв.

А через несколько дней был большой бой. 600 раненых. В основном они уже управились. Тех, кто мог идти, перевязали и отправили в медсанбат. Осталось не больше 150 человек, почти все раненные в ноги,

поэтому и остались. И появился самолетик — маленький такой, с квадратной рамой. Ева, Мария и Лиза бросились раскатывать крест, сшитый из портняжок еще в 42-м году (по всем конвенциям, договорам организации Красного Креста считались неприкосновенными). Не спасло. Самолетик открыл огонь. Мария бегала по полянке как безумная, кричала что-то страшное в небо. Ева повисла у нее на шее: «Дите у тебя!» — тянула в окоп. Когда улетел, посчитали: в живых осталось не больше пятидесяти.

Это случилось за несколько месяцев до Победы.

А самолетик до сих пор снится...

О себе Ева Ивановна тоже рассказывала ребятам. О том, как возвращались...

— Едем мы с Жорой по улице. У нас раньше женщины были такие дородные, крепкие, как моя мама или тетка Акулина. А эти тонкие какие-то, неустойчивые. Подъехали к сестриному дому. Я через веранду смотрю: стирает, лопатки торчат, локти острые. Стучу, она голову подняла. Смотрит, смотрит и вдруг машет рукой, как видение гонит. Я в стекло барабаню: «Это я, Евка, сестра твоя, с фронта вернулась!» А она машет рукой, и глаза такие... Я кричу: «Да я это, я, Евка, сестра твоя! Вернулась!» А она опять гонит. Тут Жора подошел, она и поняла, что все это правда. Побежала маме намекать: мол, мне кажется, Ева скоро приедет.

И вот, ребята, мы тогда думали, что такое счастье. Думать особенно некогда было... И вот родились у меня сын и дочь. Сейчас уже внук и внучка есть. Вот это счастье.

И о Лизе Алимовой.

— Ребята, а ведь ее, наверное, звали не Лиза. Только никто не помнит ее казахского имени. Скольких людей она спасла, а себя... Много лет прошло после войны, пока мы узнали, что Лиза погибла... Тогда шло освоение земли. Везли медикаменты, и машина с Лизой и санитаркой заблудилась во южной степи. Водитель ушел искать дорогу и не вернулся. За ним пошла санитарка. Нашла его обмороженного, полу живого. Когда спасательный отряд нашел машину, Лизы в ней не было. Пошла, видно, спасать своих товарищей, как на войне привыкла. И погибла.

Она говорила с ними долго, задумчиво. Пока не заметила: один паренек плачет. Ева Ивановна испугалась: да зачем же слезы, сынок! Кончилась она, кончилась! Сорок лет назад кончилась!

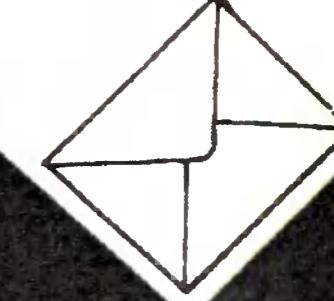
— Неужели все-таки сорок лет прошло? День Победы вспоминается до минуты, до слова. «Землянку» в тот день пели. Сейчас другие песни, но тоже хорошие. Вот эта, например, на два голоса получается хорошо:

Три жены,
три судьбы,
три сестры милосердных
открывают бессрочный кредит
для меня...

Интересно, тот, кто эту песню сложил, воевал?

Воевал. И в госпитале лежал.

Е. АЛФЕРЬЕВА.

ПО ВАШИМ ПИСЬМАМ

МЕРЫ ПРИНЯТЫ

● В журнал пришло письмо жителей пос. Росва Калужской области о частых нарушениях автобусного движения. Редакция направила его в исполком Калужского областного Совета народных депутатов.

Первый заместитель председателя облисполкома Н. Дмитриев проинформировал «Крестьянку»: движение автобусов на маршрутах Калуга — Курловское и Калуга — Опытная станция организовано регулярное. На маршруте Калуга — Опытная станция введено расписание движения автобусов, согласованное с Воротынским поселковым Советом и с учетом пожеланий жителей пос. Росва и Опытной станции.

● О красоте своего села и живописной речке, протекающей рядом с ним, написали в журнал жительницы села Можары Сараевского района Рязанской области О. Курдяева и Е. Рыкова. Однако красоту эту не хотят замечать и сохранять, пишут они, руководители Сараевского молочного комбината. В реку сбрасывается обрат, другие отходы, загрязняется воздух...

Рязанская областная санэпидемстанция, куда редакция направила письмо, проверила факты, изложенные в нем. Они подтвердились. Как сообщил главный врач станции З. Енина, администрации комбината даны конкретные предписания по улучшению санитарно-технического состояния сепаратного отделения, благоустройству территории, оборудованию площадки для отпуска обрата колхозам. Выполнение этих предписаний строго контролируется.

За нарушение санитарного режима главный инженер Сараевского молкомбината и мастер Можарского сепаратного отделения оштрафованы.

● В коллективном письме жители с. Красногоровка Гуляйпольского района Запорожской области сообщили в журнал о том, что местные органы власти не принимают мер для открытия в селе магазина с товарами первой необходимости.

Как сообщил редакции заместитель председателя исполнкома Запорожского областного Совета народных депутатов В. Носенко, магазин не работал из-за отсутствия продавца, а также из-за ремонта помещения. Теперь ремонт произведен, продавец направлен в село Красногоровка, и магазин открыт. Ассортимент товаров расширен.

За нарушение организации торгового обслуживания сельского населения председателю правления Гуляйпольского районного потребительского общества Кулыш В. Г. строго указано.

ПЕЙЗАЖ С ТЕЛЯТНИКОМ

«Можно ли работать в телятнике, где крыша на одной половине обвалилась? Просим тебя, дорогая «Крестьянка», обрати на нас внимание, помоги. Можешь и фотоаппарат прихватить — наш пейзаж из окна конторы виден...» — написала в редакцию телятница Александра Иваненкова из колхоза имени Циолковского Калужской области.

Такие письма всегда горячо обсуждаются в редакции. На сей раз единодушно решили: надо разобраться на месте.

Первый взгляд из окна правления на тот пейзаж, о котором говорилось в письме: аккуратный животноводческий городок, 7 типовых помещений, даже издали видно, что добротных, крепких. Восьмое строится: лежат штабеля струганых досок, стоят плотницкие «леса»...

— Вот об этом самом телятнике Шура и писала, — поясняет председатель колхоза Дмитрий Васильевич Крамаров.

Будем реалистами: за две недели, прошедшие с того дня, когда было отправлено письмо в редакцию, нелегко развернуть такое строительство, найти материалы, а главное — людей, да к тому же в горячую пору страды. Видно, тревогу телятниц еще до приезда корреспондента разделило и правление колхоза, принял меры...

Что же произошло в животноводческом городке деревни Ищеино?

Штормовые ветры, бушевавшие над Калугой в середине мая, расшатали крышу телятника, и она упала «наветренной» стороной на потолок. Случилось это ночью, людей в помещении не было. Не пострадали и находившиеся здесь 175 телят: потолок стоял крепко.

Наутро приехали вызванные из района специалисты; главный инженер-строитель райсельхозуправления Г. В. Самарин, скрупулезно обследовав место происшествия, дал заключение: опасности нет, работать можно.

Заключение заключением, а неуютно, скажем честно, работать с опаской: где-то хрустнуло, что-то зашуршало...

Между тем председатель в эти прошедшие три дня пытался найти возможности, чтобы поскорее сделать ремонт. Только не все сразу получалось... Прислал он в телятник плотников во главе с бригадиром Н. Д. Сухановым. Установили пока, до ремонта, подпорки под потолок. Толстенные балки вроде бы держали прочно, но уже само их присутствие тревожило телятниц: значит, все же надо чем-то подпирать, значит, все же опасность есть... Тогда и написала Александра в редакцию.

...Не обиделся на это Дмитрий Васильевич, не стал перечислять, сколько телефонных звонков сделал, чтобы

в районе, у соседей помочь получить, пусть «заимообразно», сколько порогов обивал, да напрасно: у всех в стаду своих дел хватает... Что толку оправдываться: телятницам не оправдания — реальная помощь нужна. Сказал только:

— Подскажите, чем еще могу сейчас помочь, хотя бы временно? Сами знаете, новое помещение только в будущем году сдадим. Старое тоже отремонтируем, и капитально, — когда стройбригада закончит плановую работу, мое слово! А пока, может, еще какой выход на это время найдем? Давайте вместе думать.

Выход нашли такой: часть животных, что постарше, перевели в освободившийся на лето коровник (со времени происшествия не прошло и недели). Но нелегко оказалось работать «на два дома», да и коровник с его высокими кормушками естественно не был приспособлен к содержанию телят.

— Сил нет так работать, председатель! — пожаловалась Крамарову. — Делай навес на улице, перегоним телят, и то легче будет...

Сделали навес. Еще не успели перегнать телят, как приехали строители (со времени происшествия прошло менее трех недель). Закипела стройка.

Может быть, не стоило бы и писать обо всем этом, раз случай оказался такой, когда вмешательство редакции не потребовалось. Сумел колхоз оперативно справиться с возникшей проблемой. Но вот эта спокойная настойчивость, с какой принимались посильные меры, — без демагогических словопрений и формальных посулов, весомость председательского слова — сказано-сделано! — чуткое внимание к настроениям колхозниц, особенно в сложный для них момент, — все это, согласитесь, стоит отметить. И чем ближе знакомилась я с жизнью хозяйства, тем больше видела примет подлинной и повседневной заботы о людях.

В ищеинском животноводческом городке благоустроена, выложена плитами территория, подведена вода, установлены электронагреватели, механизированы навозоудаление и раздача кормов.

Совсем рядом с городком — новое здание медпункта, где постоянно дежурит фельдшер, а раз в две недели тут ведет прием бригада специалистов из района — терапевт, гинеколог, педиатр, зубной врач. Дважды в год проводится тщательный профилактический осмотр животноводов и механизаторов. В лечебных, туристических путевках отказа нет. И жилье строится — отдельные домики на одну семью. На льготных условиях продает колхоз всем желающим скот и птицу, только бери, расширяй подворье. Еще и корами помогает.

В соседней деревне — Коростелеве — построен отличный современный

детский комбинат на 140 малышей (с перспективой: пока он загружен лишь наполовину). Специальный автобус отвозит детей утром и привозит их вечером домой. В Коростелеве находится и школа-восьмилетка с «продленкой», новый Дом культуры (в ближайшем будущем в эту деревню из Ищеино переедет центральная усадьба колхоза). И ассортимент сельских магазинов не постороннее дело для правления. При его содействии магазины сами «приезжают» к животноводам на рабочие места.

— Взяла тут одеяла ватные, — рассказывает бригадир животноводов А. Ионова, — чтобы не везти из универсмага. Постельное белье, тулья, сапоги резиновые всегда привозят, другие ходовые товары. Джинсы вот наша молодежь понакупила — в городе, говорят, за ними очередь...

...Когда я спрашивала, с чего начинались эти добрые дела, то слышала в ответ: «Председатель распорядился...», «Дмитрий Васильевич надумал».

Интересное дело: многие черты «председательского стиля» узнавались... и в авторе письма в редакцию Александра Иваненкова («золотая работница») — отзываются о ней в колхозе — человек целеустремленный, активный, неравнодушный. Работает она здесь недавно. Всего четыре года, как приехала. Муж ее слесарь, дочка ходит в школу, сын — в детский садик. Заработки у Иваненковой неплохие: не меньше 180 рублей в месяц, а в иные месяцы и больше 230... И дом отдельный, и подворье немаленькое...

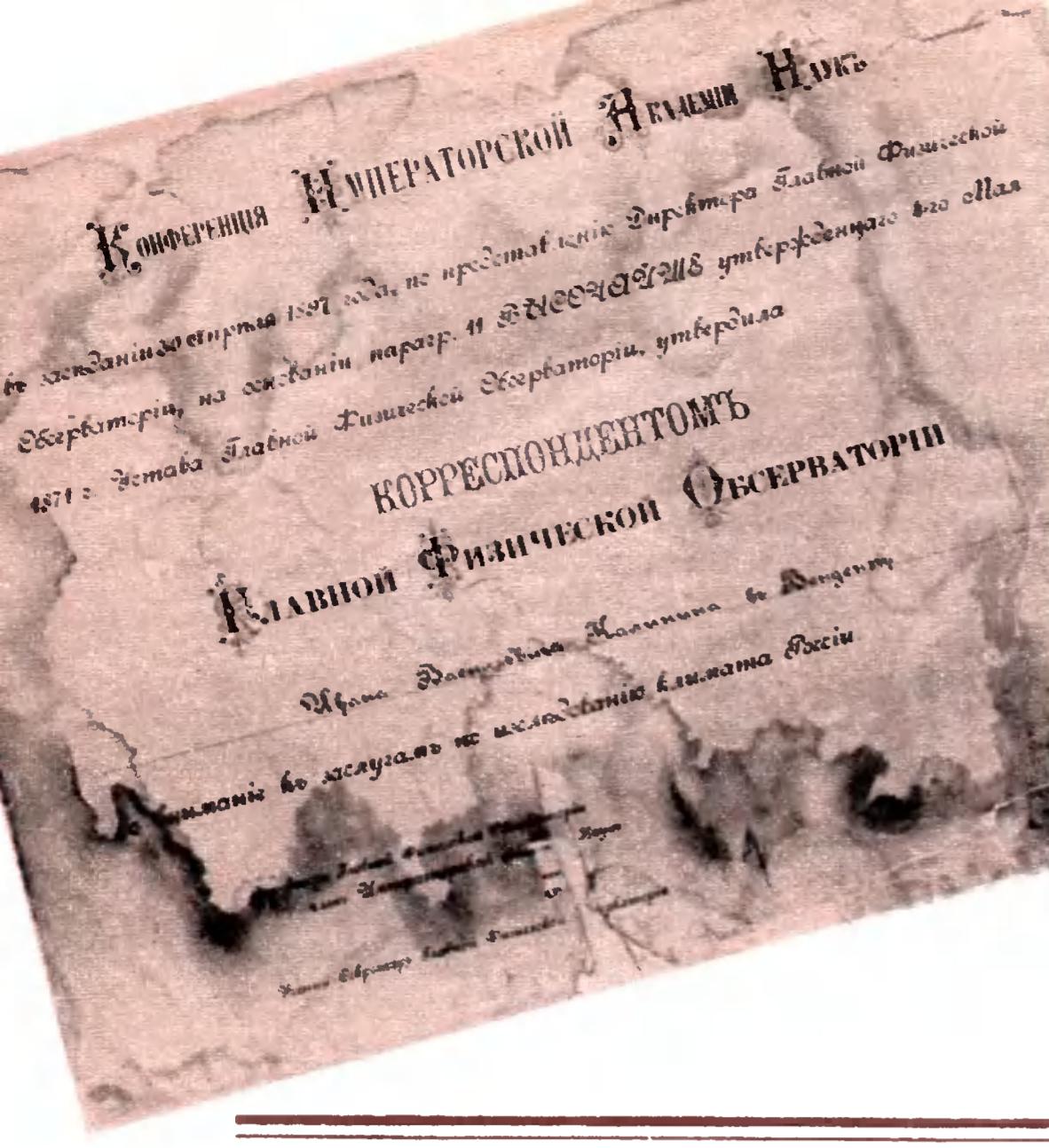
Все нравится Шуре на новом месте, недаром она сюда постепенно «переманивает» свою родню из других мест области: сестра работает дояркой, два брата — трактористы... Но при этом не приучилась она жить своим благополучным домом, нет в ней этакого благодушного спокойствия, что сродни равнодушию. И, не боясь «испортить отношения», снова и снова корит председателя, что среди бетонного благополучия городка осталась неблагоустроенной дорожка, по которой подвозят корма к телятнику, что долго не решается вопрос с подменными телятницами (теперь, правда, они уже официально введены в штат), что рейсовый автобус Ищеино — Коростелево на лето отменяется...

Эта активность, неравнодушие и заставили А. Иваненкову взяться за перо, чтобы попросить редакцию о помощи, которая, к общему удовольствию, не потребовалась...

В сложной обстановке, когда случается непредвиденное, по-разному ведут себя люди. Так было и в колхозе имени Циолковского. Но происшествие выявило и общую черту в поведении телятниц, бригадира, председателя: умение делать свое дело самым добросовестным образом в любой обстановке, вместе искать решение возникающих проблем. И вот результат: сохранен молодняк, даже привесы не снизились. Сдержал слово и председатель: когда этот номер журнала готовился к печати, новый телятник, сохранивший от старого лишь исключительно добротный пол, уже принял своих постоянцев.

Н. СЕМКИНА

Колхоз имени Циолковского,
Боровский район,
Калужская область.

НАШИ НРАВСТВЕННЫЕ ЦЕННОСТИ

О своей республике, о Коми, Братцевы знают все. Что в земле, что на земле, что есть и что будет. Такая у них у всех профессия. Адольф Петрович, глава семьи, заведует сектором прогнозирования последствий влияния антропогенного фактора на природную среду в Коми филиале Академии наук СССР, кандидат географических наук. Сыновья его, Сергей и Андрей, готовят кандидатские диссертации о водных ресурсах республики (каждый разрабатывает свой «участок» проблемы). Лилия Михайловна, мать семейства,— гидрометеоролог, тоже, стало быть, их коллега. Сергей так и говорит: «Кроме научного руководителя, у меня есть наставник—отец и консультанты—мать и брат».

Живут они в Сыктывкаре, сыновья женились и отделились, но с отчим домом связаны тесно. Там книги, там рисунки

Андрея—и детские и сегодняшние, почти профессиональные. Там варенье из морошки («Его любил Пушкин!»). И там—тот настрой, что сделал их единомышленниками и коллегами. Сказать бы, там духовный центр, но точнее будет—профессиональный. Потому что знание (а профессия—это знание) в чистом виде не существует, оно непременно несет нравственную окраску. Ведь если знаешь, то хочешь убедить.

Братцевы, как сказано, вместе знают о своей земле все. Только, как оказалось, о себе не все знают. Их семье посвящен специальный стенд в музее села Важгорт. Называется он «Крестьянская династия Калининых». Лилия Михайловна как раз в девичестве Калинина, стало быть, Сергей и Андрей—потомки крестьянского рода, верхние ветви огромного генеалогического дерева.

Эта грамота утверждала
Ивана Васильевича Калинина
корреспондентом Главной
физической обсерватории.

Семейный портрет.
В первом ряду слева—
Василий Аверкиевич Калинин,
во втором справа—
Михаил Калинин, дед Сергея
и Андрея Братцевых.

Лидия Семеновна Быкова,
наблюдатель метеостанции,
основанной ее дядей.

Экологом или художником
быть Андрею Братцеву?

Фото С. КУЗНЕЦОВА.

СЕМЕЙНОЕ СХОДСТВО

ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ КРЕСТЬЯНСКОГО РОДА

Лилия Михайловна и Андрей очень похожи. И то же лицо, ну то же, тот же лоб, рот, подбородок были у подростка с фотографии на музейном стенде. Посмотрите, вот на этой, где на первом плане старик с обликом патриарха. Сделан снимок не в Важгорте, а за много километров от него, в деревне Вендинге. Лет, наверное, девяносто назад.

Но стенд тоже не сообщал всего о роде Калининых, там не было сведений, как живут люди из этой семьи сегодня, к чему пришли, чего хотят. Надо было связать два конца этой ниточки...

А начало ее—во временах вовсе незапамятных. Вендинга (как, кстати, и Важгород)—старейшее поселение в республике.

Были глухие леса, текла река Вашка. На лодках (а как иначе?) приплыли люди, почему-то именно здесь сошли на берег и

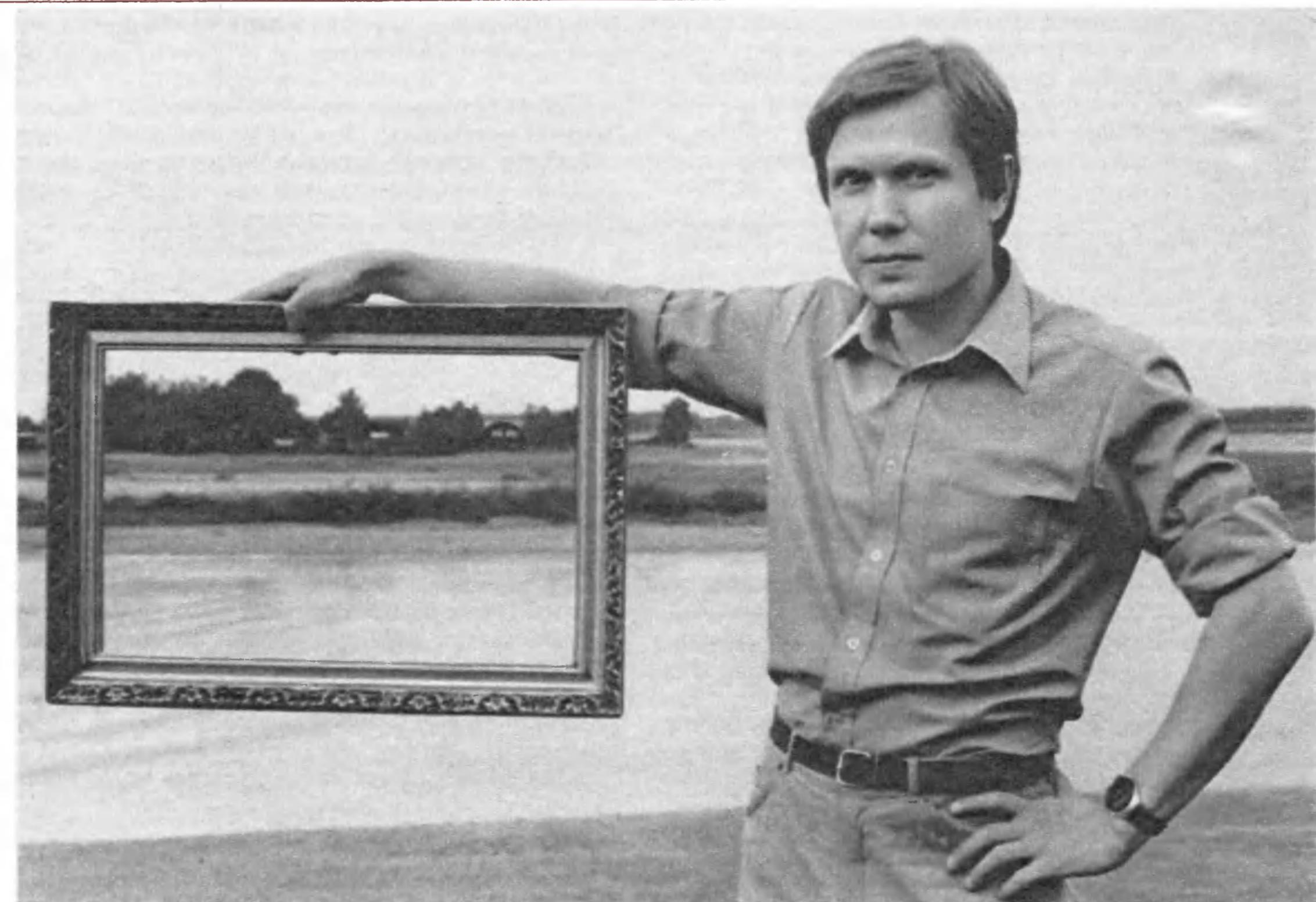
амбары и сусеки. Мороз совсем ненадолго расковывал отбитую у леса землю: урожай сам-три, сам-четыре, да и то—две осени из трех. А то и вовсе поле не родило. Здесь от голода даже монахи в монастырях мерли.

Уже в конце прошлого века, то есть сравнительно недавно, газета «Вологодские губернские новости» писала, что крестьянину коми «поневоле приходится питаться хлебом с древесной корой, шаньгами, похожими в разрезе на животные отбросы».

Кто терял надежду и терпение, уходил в Сибирь, куда из более подходящих для жизни мест отправляли, как известно, на каторгу. Ушел за Уральский хребет и Аверкий Калинин, прихватив, надо думать, в торбочке хлеба из древесной коры. А вернувшись, принес в этой торбочке семь картофелин. С той поры и сажают картошку на

«Государственный крестьянин Аверкий Калинин и жена его Федора, движимые чувством сострадания, более трех месяцев неотлучно находились в Удорской больнице, посвятив досуг свой хождению за больными, и усердием своим много содействовали их пользованию. В воздаяние столь похвального поступка Калининным выдан сей лист».

Судя по этой бумаге, которой Калинины по неграмотности и прочесть не могли, Аверкий сделал еще один шаг в сторону прогресса. Не побоимся этого высокого слова, потому что оно точное. Ведь в далекие те времена как коми спасались от бед и напастей? «Обереги» разные делали, колдунов звали. Аверкий же и жена его Федора лечили, как говорит деревенское предание, травами и уходом. Кроме того, в бумаге из столицы явная неточность: не

именно здесь решили жить. Откуда приплыли? А кто знает...

Расчистили участок, поставили жилища, свели лес, вспахали землю... Началось то самое антропогенное (то есть человеческое) воздействие на природную среду, которым занимаются ныне Братцевы. Видимо, были среди тех первопоселенцев и Калинины, потому что иначе откуда бы им взяться в глухом селе, к которому и дорогого не было?

Сегодня от подворья Калининых сохранился только сарай, огромный и черный, как мамонт, как все здешние постройки. Их возносили над промерзлой землей—благо леса было сколько хочешь.

Можно с уверенностью сказать, что, когда его поставили, когда он был желт и покрыт каплями свежей еловой смолы, сарай этот был пуст, как все здешние

Удоре, что подтверждено документально. И с этих пор Калинины впервые выделены на особицу, входят в историю:

«По представлению Вологодской палаты государственных имуществ и на основании Высочайшего послания 8 мая 1844 года дан сей похвальный лист и премия пятнадцать рублей серебром государственному крестьянину Вологодской губернии Яренского уезда Ертомской волости Аверкию Калинину за содействие в разведении картофеля. С-Петербург, января 15, 1847 года».

Аверкий так и остался бы в памяти как человек предприимчивый, с чувством нового, этакий «пионер» из Вендинги. Но простой этот, хотя и симпатичный, образ уточняет, бесконечно углубляет то, что мы узнаем о нем из другой грамоты, помеченной 1858 годом:

могли быть Калинины в Удорской больнице, потому что такой больницы тогда не существовало. Первого фельдшера здешним жителям оставалось ждать еще двадцать лет. А был, говорят, мор. И Калинины в избе своей сделали госпиталь. То есть были не только милосердны, но и, говоря нынешним языком, социально активны.

А грамоте обучился их сын, отбывая армейскую службу. Вернулся—как отец его возвратился из Сибири. И начал учить детей. Из земского отчета 1878 года: «...в школе Василия Калинина обучается 7 человек. Преподавание толковое, но учебников и учебных пособий нет».

На фотографии—той, на которой отец Лилии Михайловны Братцевой стоит за спиной бабушки,—Василий уже в старости.

Его сын Иван тоже учительствовал. Но если Аверкий кормил и пользовал, если

Василий давал людям самый простой «хлеб духовный»—грамоту, то Иван сделал уже следующий шаг. К науке.

У себя в избе он устроил метеостанцию, а во дворе—наблюдательный пункт. Вел много лет и сельскохозяйственную статистику, что отмечено в двух грамотах, присланных из столицы. В той, где он утверждается корреспондентом Главной физической обсерватории, особо подчеркнуты его заслуги «по исследованию климата России».

И до сих пор стоит в Вендинге метеостанция. Новая, разумеется, современная. Но «пошла» она от той, самодельной. И работали на ней до недавнего времени люди из этой семьи.

В революцию Калинины были среди тех, кто «делал погоду»: все три сына Ивана сражались в красном партизанском отряде. Михаил (тот подросток на старой фотографии, дед Андрея и Сергея Братцевых) был комиссаром, потом предводителем, бесменным депутатом в районном Совете. Константин (это он сохранил старые грамоты и фотографии) в годы Великой Отечественной руководил колхозом. Александр же был рекомендован ревкомом в военное училище «как являющийся из лучших и стойких борцов за Советскую власть». Курсантом участвовал в похоронах В. И. Ленина. Окончил Военно-воздушную академию имени Н. Е. Жуковского. В годы войны был экспертом по боевым самолетам, внедрял в производство лучшие образцы. Он писал тогда брату Михаилу: «Работа идет своим чередом. Результаты, надо полагать, не плохие, об этом можно судить по делам на фронте». На пенсию Александр Иванович Калинин вышел генерал-майором авиации.

Щедрый род. Калинины изучали свою землю, обиживали ее, учительствовали, лечили, отвоевывали землю в революцию, утверждали на ней Советскую власть, защищали ее в годы Великой Отечественной. На все хватало у них таланта, страсти, трудолюбия. А корни их и поныне в Вендинге. Живет там Лидия Семеновна Быкова, племянница Ивана-метеоролога, до недавнего времени—наблюдатель на метеостанции. Живет и Юрий Степанович Калинин (внучатый племянник Ивана Васильевича). Он только раз уезжал из родной деревни—служить в армии. И то припозднился на три года. Как говорит бригадир Гульков, Юрия «бронью держали». Очень нужен был колхозу этот тракторист. Когда в колхозе полегче стало, Юрий отслужил свое и на заставе. Об этом его самые задушевные воспоминания. Семейный альбом наполовину—из фотографий солдат. «Мои, заставские».—Юрий Степанович гладит старые любительские снимки нежно и осторожно.

А жене его, Глафире Егоровне, как замуж пошла, то и фамилию менять не пришлось. Она урожденная Калинина, хотя взял ее Юрий из соседней деревни. И когда стала она известной в районе телятницей—сразу и мужину и отцову роду честь.

Наверное, были среди Калининых и люди незаметные. Но благодарная память сохранила имена тех, кто хотел и умел быть нужным, кто помогал людям, своему народу, своей стране шагнуть хоть немного вперед. Народ и род ведь—одного корня, и это не только в грамматике, но и буквально—из одной земли, землей объединенные и соединенные.

Понятно, почему «нынешних» Калининых нет на музейном стенде. Иные времена, иные закономерности судеб. Сто лет назад чудом был деревенский учитель. Хотя как учили? В старом отчете сказано: «Если обучаемый научался по складам разбирать граждансскую и церковную печать, с грехом пополам выводить русские письмена и знать цифровую премудрость, чаще без производства каких-либо действий, то считались эти знания... вполне достаточными для его дальнейшей жизни и деятельности». О семи картофелинах, посаженных на Удоре, сообщалось в столицу как о великом достижении! А сейчас—да мало ли в нашей стране трактористов и телятниц, которых только что на руках не носят? Аспирантов, чьи деды землю пахали? Андрею Братцеву нужно совершить нечто великое в науке, чтобы так же выделяться на историческом фоне своей эпохи, как выделялись 150 лет назад Аверкий Калинин и жена его Федора. Андрей знает больше, чем знал до революции весь его народ,—ну и что? Брат его работает в Совете Министров республики Коми—ну и что? В республике этой филиал Академии наук—ну и что? В какой республике их нет?

Выросли новые поколения, и они принимают за норму сегодняшнюю явь, рвутся к лучшему. В прошлое мы заглядываем нечасто, зачем вспоминать тяжелое? И не то что забываем мы—чаще просто думать не хотим, что было и хорошее, были нравственные и интеллектуальные источники, из которых—по минутам, по часам—являлся день сегодняшний. История Калининых—это ведь и история революции, и история нашей науки, и история отечественной интеллигенции, наконец. История Калининых—это ответ на вопрос: откуда мы пришли и кем может быть каждый из нас в жизни своего народа.

Если учредить, как бывало в старину, родовой герб Калининых, на нем надо поместить семью картофелин. Все потомки Аверкия и жены его Федоры шли к людям не с пустыми руками, все «много содействовали» полезному, умному, добруму. Заметим еще, что все они, как сказано в старой грамоте, были «движимы чувством сострадания», а «сострадание» сродни слову «страда».

Сергей и Андрей Братцевы, потомки доброго крестьянского семейства,—они ведь продолжают не только профессиональную семейную традицию, начатую Иваном Васильевичем Калинином с его самодеятельной метеостанцией и самодеятельной же сельхозстатистикой, но и духовную.

Ведь почему тот же Андрей занимается экологией, охраной окружающей среды? В этом еще разобраться надо. Может, думаете, он, как многие, просто выбрал накатанную родителями дорожку? Уверяем вас, у него были разные возможности, причем за ним было слово. В школе ему прочили блестящее спортивное будущее—лыжника, естественно, ведь это главный спорт в республике, Сметанина родом отсюда, здесь становилась на лыжню. Кроме того, Андрей рисует, и его до сих пор не оставила мысль об Академии художеств. В отчетах о выставках самодеятельных художников газеты непременно отмечают фантазию, внутреннюю свободу, своеобразие творческой манеры Андрея Братцева. Республиканский сатирический журнал охотно публикует его карикатуры.

Но рисовать можно и занимаясь наукой, а если наоборот, то не получится.

— Это, наверное, хвастливо звучит или глупо, но пусть: если я уйду, то не только я потеряю, но, мне кажется, потеряет и наше дело. Понимаете, что-то уже удалось наладить. Как уйти? Слишком много зависит от нашей науки сегодня. Научно-техническая революция идет быстро, мысль экологов не должна отставать, а то потери могут стать необратимыми...

...«Хрупкий север»—прежде чем это выражение появилось в научных работах, статьях, лекциях Братцевых, оно родилось в их сердцах, в их домашних беседах, спорах, исповедях. Столь эмоциональный термин родился не только от знания предмета—от любви. От сострадания. От корневой привязанности к родной земле, которую Братцевы—горожане, интеллигенты, ученые—берегут, как могут. Врач выхаживает и лечит больного. Экологи лечат природу.

Вот в республике появились овраги. Экологи говорят: естественным путем они не могли возникнуть. Ищут, кто виноват. И находят. Прокладывали дорогу в одном месте. Трелевали лес в другом. В третьем просто трактор буксовал. И сорвали верхний слой почвы. А воды много. А природа севера вообще «восстанавливается» плохо. И вот в 1980 году овраги «сыели» в республике 5 процентов пахотной земли.

Или так. В тундре нашли нефть, начали добывать, а газопровод провести опоздали. И газ жгут. Вокруг на десятки километров все вымороочено. А то осушали болота—и именно те, где жили во множестве глухари и белые куропатки.

Резкая, обстоятельная критика экологов стопроцентно конструктивна. И убедительна настолько, что, как говорит Андрей Братцев, «они (то есть промысловики, работники административных органов.—Авт.) сами теперь нас зовут». Но главная надежда Братцевых—на будущее. Все, что они делают, ориентировано на завтрашний день. И это очень нелегко—утверждать сегодня то, что надо делать для дня грядущего, для тех, кто придет после нас. На наш-то век хватит. Но ученые смотрят на век вперед.

И потому Андрей Братцев рисует только в свободное время. Все свободное время он рисует.

...А за стеной пианино. Пятилетняя дочка Сергея, Машенька, повторяет музыкальный урок.

Учится она недавно. Лилия Михайловна как-то подарила внучке пианино—игрушечное, пятирублевое. Можно звуки извлекать, но не музыку. И ушам своим не поверила Лилия Михайловна, когда девочка стала подбирать на нем песенки. Бабушка внучку в охапку—и в музыкальную школу. Проверили—абсолютный слух! Немедленно, сказали, покупайте инструмент!

Маша—потомок Аверкия и Федоры Калининых в шестом колене. Самая тоненькая зеленая веточка родового дерева тянется вверх.

Музыканта среди них еще не было.

Т. БЛАЖНОВА,
Б. ПЕТРОВ

Сыктывкар—Вендинга,
Коми АССР.

КАК СОХРАНИТЬ УРОЖАЙ

«Порадовал в этом году урожай в огороде. Капуста, морковь, лук, картофель уродились на славу, хотя и пришлось, конечно, всей семье немало потрудиться на участке. Обидно, если не удастся сохранить овощи до весны...»

Н. КЛИНОВА.
Белгородская область».

Не только обидно—недопустимо! Поэтому, не откладывая, спуститесь в свой погреб или подвал. Очистите хранилище от мусора и старых овощных отходов. Заделайте все дыры и щели. Соорудите стеллажи, если их не было до сих пор, отгородите место для картофеля и отдельно—для корнеплодов. Потом помещение просушите и продезинфицируйте. Для этого возьмите 400 г хлорной извести, разведите в 10 л воды и дайте настояться 2 часа. Этим раствором потом опрыскайте все хранилище (операцию проводят за 40 дней до закладки овощей на хранение). После дезинфекции помещение еще раз проветрите и побелите. Для побелки возьмите 1,5—2 кг негашеной извести, разведите ее в 10 л воды (известь предварительно смешайте с медным купоросом в соотношении 1 часть и 1 часть).

Большой вред урожаю наносят грызуны. Чтобы от них избавиться, уничтожьте вокруг погреба или подвала мусорные кучи, а потом продезинфицируйте эти места хлоркой. Обнаруженные при этом норки забейте битым стеклом или залейте цементом.

ЧИТАТЕЛЬ
ХОЗЯЮШКА
ЧИТАТЕЛЬ

Рис. Г. СИМОНОВЫЙ.

Теперь приступайте к закладке овощей, имея в виду следующее: температура выше 5—6 градусов усиливает дыхание овощей, а это приводит к потерям их веса; температура ниже нуля градусов вызывает подмораживание овощей. Значит, нужно постоянно следить за температурой воздуха в хранилище.

При дыхании овощей выделяется углекислота, которая ухудшает условия хранения, поэтому постарайтесь оборудовать погреб приточной и вытяжной вентиляцией. Учтите также, что воздух в хранилище не должен быть слишком влажным.

Сохранность овощей зависит и от их сортов.

Наиболее пригодны для хранения такие сорта капусты: «амагер», «белорусская», «зимовка». Лучшие (в этом смысле) сорта лука—«арзамасский», «бессоновский», «стригуновский», «даниловский».

Долго лежит морковь «московская зимняя», «несравненная», «шантане», репа «гривовская», картофель «лорх». Независимо от сорта хорошо зимуют свекла и брюква.

Прежде чем начать укладывать корнеплоды в штабеля, насыпьте на дно чистый песок слоем 2—3 см. Затем уложите слой овощей и снова песок и т. д. Неплохо переложить овощи сухим белым мхом.

Высота и ширина штабеля—60 см. Морковь по краям штабеля уложите головками наружу. Для кочанной капусты оборудуйте стеллажи, на которые кладите кочаны в два-три слоя, но так, чтобы воздух проникал к каждому. Оставляйте на каждом кочане 3—4 кроющих листа: они предохранят его от болезнетворных микробов. Можно уложить капусту и в небольшие штабеля—кочерышками вверх. При этом на 1 квадратном метре площади умещается до 2 цент-

неров капусты. Иногда кочаны связывают по два и подвешивают на перекладинах или рейках.

Лук и чеснок хранят после просушивания, обрезки и сортировки в ящиках, корзинах или мешках. Многие хозяйки не обрезают ботву, а плетут с ее помощью косы и вязанки, и в таком виде лук и чеснок подвешивают к потолку хранилища.

Ну вот, разобрались мы с овощами в погребе. Здесь же наверняка можно найти и место для других заготовок. Оборудуйте полки для банок с вареньем, соленьями, маринадом, поставьте кадушки с квашеной капустой и солеными оурцами (но так, чтобы они не мешали вам пройти к другим «обитателям» хранилища).

Надеемся, наши советы помогут вам сохранить выращенный урожай.

В. СМИРНОВА,
агроном.

И ПОЛУЧИТСЯ КРАХМАЛ...

В октябре заканчивается уборка картофеля. Вы уже разобрали свой урожай, ссыпали в погреб, сколько понадобится на зиму, сдали часть заготовителям. Остались лишь клубни подмерзшие, попорченные при уборке, мелочь... Не спешите выбрасывать и такой картофель: из него получится отличный крахмал, и приготовить его дома несложно.

Картофель тщательно очищаем от грязи, моем, глазки и трещины с остатками земли вырезаем ножом. Натираем на ручной терке (если картофеля много, можно для быстроты самим сделать барабан вместо терки—пробить гвоздем изнутри дырки на куске белой жести). Некоторые хозяйки чистят клубни, я этого не делаю—отходов больше, а качество крахмала то же.

Когда натираете картофель, обильно поливайте время от времени терку холодной водой, чтобы крахмала получилось больше. Можно исполь-

зовать и соковыжималку, тогда в полученную картофельную массу надо добавить холодную воду в равном объеме.

Когда картофель протерт, тут же, не мешкая, чтобы масса не успела расслоиться, отфильтруйте ее дважды через частое сито, марлю и дайте отстояться, пока не осветлится, а крахмал не осядет на дно. Тогда воду осторожно слейте. Эту процедуру можно повторить, чтобы получить более чистый крахмал.

Сырой крахмал разложите на листках картона и сушите—в печке, духовке, на батарее

отопления, при температуре не выше 40°—иначе он превратится в клейстер. Сухость определите наощущение.

Если крахмал высох, разотрите его или раскатайте скалкой, чтобы получился рассыпчатым. Пусть вас не смущает слегка желтоватый оттенок домашнего крахмала: тот, что получен производственным способом,—такой же, просто его слегка «подсинают».

Из ведра (10 кг) сырого картофеля получается от 500 г до 1 кг крахмала.

Н. ПРОСКУРИНА

г. Ленинград

ПОХВАЛЬНОЕ СЛОВО... КАПУСТЕ

Еще в Древнем Риме капусту считали целебной, пили капустный сок, ели ее во всяких видах. С тех пор многократно доказано, что капуста — отличный оздоровитель. В ней есть вещества, повышающие иммунитет организма; она содержит в себе более десяти элементов таблицы Менделеева, также необходимых человеку. Но кроме того, согласитесь, капуста вкусна и представляет собой отличный материал для приготовления самых разных блюд.

Давайте же, милые хозяйки, пофантазируем на капустную тему.

НАДЕВАЕМ ФАРТУКИ

Итак, кочаны разложены на нашем рабочем столе. Прежде всего очистим их от загнивших частей и засохших листьев. Несколько раз промоем в холодной воде. Разрежем кочан пополам, аккуратно вырежем кочерыжку, очистим ее и отдадим детям: для них кочерыжка — настоящее лакомство. Ну, а сами займемся готовкой. Для начала — пара оригинальных салатов.

САЛАТ ИЗ ВАРЕНОЙ КАПУСТЫ С ОРЕХАМИ И ЧЕСНОКОМ (на один средний кочан капусты — горсть очищенных грецких орехов, несколько долек чеснока, 2 столовые ложки майонеза, соль, перец).

Крупно нашинкованную капусту заливаем подсоленным кипятком, накрываем кастрюлю крышкой и ставим на сильный огонь. Как только закипит вода, снимем крышку и поварим капусту минут пять — пусть исчезнут неприятные запахи. Тем временем потолчем в ступке орехи вместе с чесноком. Готовую капусту отжимаем в марлевом мешочке, укладываем в миску и растираем с орехово-чесночной смесью деревянной толкушкой, как пюре. По вкусу добавляем майонез и перец.

САЛАТ ПО-МОЛДАВСКИ (на полкочана капусты — 2—3 картофелины, пару ложек тертого хрена, 100 г шпика, четверть

лимина, 2 столовые ложки растительного масла, зелень, соль).

Капусту шинкуем как можно тоньше, натираем с солью, добавляем вареный картофель и шпик (нарезаем кубиками), хрень, лимонный сок, растительное масло и все хорошо перемешиваем. Теперь осталось лишь украсить наш салат зеленью петрушек или сельдерея.

В нашем «капустном обеде» мы вряд ли обойдемся без щей.

ЩИ ПО-РУССКИ: полкочана капусты, пара некрупных морковок, корень петрушки, немного лука-порея, кусочек копченого сала, 200 г грудинки, свиные кости, лавровый лист, душистый перец, соль, зелень. Овощи шинкуем и тушим в закрытой кастрюльке с мелко нарезанной луковичей и салом в кусочках. Из грудинки и свиных костей готовим мясной бульон, добавив туда специи. Затем вливаляем бульон в тушеные овощи и доводим щи до готовности. Перед подачей к столу посыпаем зеленью.

Многие из вас спрашивают, что можно приготовить из краснокочанной капусты, которую нынче все чаще выращивают на приусадебных участках. Возможно, вас заинтересует такой рецепт.

КРАСНОКОЧАННАЯ КАПУСТА С КОЛБАСОЙ. На один небольшой кочан капусты — столовая ложка бараньего жира, полстакана зеленого горошка, шмат домашней колбасы, 2 стручка паприки — красного сладкого перца, долька чеснока, соль. Краснокочанную капусту мелко нашинковать и потушить в бараньем жире, снабдив ее чесноком, зеленым горошком и перцем, а потом тушеные овощи смешать с нарезанной кусочками колбасой.

Из капусты можно сделать даже своеобразный десерт. Скажем, такой вот напиток: на стакан сока свежей капусты — по 2 столовые ложки морковного и яблочного соков, сахар. Все эти компоненты перемешиваются, и напиток подается охлажденным.

Приятного аппетита!

БАБУШКИНЫ СЕКРЕТЫ

Капусту бабушка квасила — объединение!

Кочаны она выбирала крепкие, среднего размера, только что с грядки, и лишь после того, как их прихватят первые заморозки.

Затем бабушка шинковала капусту, перемешивала с солью и тмином и порцию за порцией, хорошо умывая, укладывала ее в загодя очищенную кадку. Дно кадушки бабушка тщательно вымазывала тестом из ржаной муки и выстилала капустным листом. Заполнив кадку, ставила ее в теплое место на два дня, чтобы из капусты вышла горечь и она начала бы закисать. Кстати, добавлю, что бабушка еще клала в капусту некрупные антоновские яблоки, бруснику и натертую на крупной терке морковь. Через два дня бабушка накладывала на капусту деревянный кружок, на него гнет — хорошо прокипяченный булыжник и помещала кадку в погреб, не разрешая прикасаться к капусте, прежде чем она закиснет окончательно.

И еще бабушка советовала:

- Цветную капусту лучше всего тушить в молоке.
- Чтобы тушеная капуста не пахла пареной, еще в начале тушения приоткройте крышку кастрюли минут на десять.
- Когда жаришь белокочанную капусту, она выделяет много влаги и темнеет, поэтому добавлять соль лучше после охлаждения.
- Ранняя белокочанная капуста всегда немного горчит, но можно избавиться от горечи, если положить ее в кипяток на две-три минуты.
- Капусту можно квасить и целями кочанами, небольшими. Она будет нежной и упругой, если ряды кочанов пересыпать крупно толченными зернами кукурузы.

СЛАДКОЕЖКА

Предвижу ваше недовольство, дорогие сладкоежки. Давненько мы с вами не встречались... Ну да ладно! Думаю, кое-что сладенько можно добавить к нашему капустному выпуску. А именно...

КЛЮКВЕННЫЙ ТОРТ. Для песочного теста возьмите 200 г пшеничной муки, 100 г сахара, 200 г сливочного масла, яйцо, столовую ложку сметаны, ванилин или натертую лимонную корку. Для бисквита: 8 яиц, 4 столовые ложки пшеничной муки, 4 столовые ложки крахмала, ванилин, 8 столовых ложек сахара. Для клюквенного желе: треть стакана клюквен-

ного сока, три четверти стакана воды, столовую ложку сахара, чайную ложку желатина. А также клюквенное варенье — 200 г, сливки — 2 стакана.

Песочного теста для торта нам потребуется 300 г. Месить его долго не нужно, иначе тесто будет рассыпаться. Бисквитное тесто будем готовить холодным способом: желтки осторожно отделим от белков, добавим к желткам пряности, большую часть сахара и взбьем. Белки взбиваем с постепенным добавлением сахара. Часть взбитых белков добавляем к желткам. Затем подсыпаем муку, крахмал и, наконец, осторожно замешиваем оставшиеся взбитые белки.

Бисквитное тесто выливаем на сильно смазанный жиром лист (толщиной 3—4 мм) и выпекаем в духовке при умеренном жаре. Пласт основания торта выпекаем в тортовой форме из песочного теста. Желатин даем разбухнуть в трети стакана воды, затем растворяем в оставшейся воде, добавляем сахар и клюквенный сок. Сливки взбиваем с сахаром и ванилином в устойчивую пену.

Испеченный круглый пласт из песочного теста обмазываем взбитыми сливками. Через шесть — восемь часов испеченный бисквит обмазываем клюквенным вареньем и нарезаем на полоски шириной 4—5 см. Первую полоску скатываем рулетиком и кладем в середину круглого пластика из песочного теста. Следующие полоски накручиваем вокруг рулетика, положенного на основание торта. Торт обмазываем вареньем и заливаем остыющим желе, а бока его украшаем взбитыми сливками.

За такой клюквенный торт лучше браться, когда есть время, в выходной день. Ну а наградой за ваше терпение и аккуратность будет восторг ваших домашних и друзей.

Всего вам доброго и до следующей встречи!

ВАША МАРИЯ ИВАНОВНА

Рис. Е. НОВИКОВОЙ.

ВЫ ЛЮБИТЕ ЛЫЖИ, КОНЬКИ?..

В таком случае самое время начинать вязать теплый свитер. Предлагаем модель 50-го размера.

Цвета ниток можно подобрать, например, такие: 400 г шерсти цвета бордо, по 100 г серой и синей и 50 г белой шерсти. Можно, конечно, взять и другие тона — на ваш вкус.

Спицы вам понадобятся прямые 4,5 и 5 мм, а также короткие кольцевые 4,5 мм.

Образцы вязки: резинка $1\text{ см} \times 1\text{ см}$, резинка $2\text{ см} \times 2\text{ см}$ и чулочная. Плотность чулочной вязки, если использовать спицы 5 мм: 16 петель в ширину и 20 рядов в высоту равны $10\text{ см} \times 10\text{ см}$.

Орнамент также выполняется чулочной вязкой по схеме. Плотность вязки орнамента на спицах 5 мм: 16 петель в ширину и 18 рядов в высоту равны $10\text{ см} \times 10\text{ см}$.

ОПИСАНИЕ РАБОТЫ

СПИНКА. Наберите 80 петель шерсти цвета бордо (или любой другой, какую вы подготовили для вязания свитера) на длинные прямые спицы 4,5 мм. Провяжите 7 см резинкой $2\text{ см} \times 2\text{ см}$. В изнаночном последнем ряду прибавьте 5 петель через равные промежутки. Затем перейдите на спицы 5 мм и начните выполнение орнамента, меняя цвета согласно схеме. Раппорт повторяйте в каждом ряду от первой до последней краевой петли.

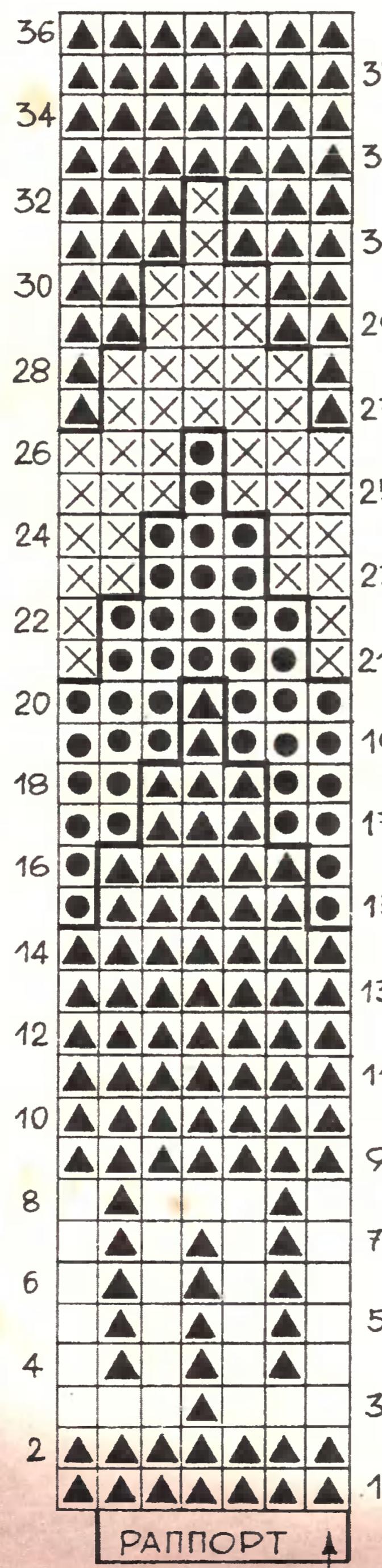
На 39-м см от начала работы закройте с обеих сторон по 6 петель на проймы (наберите на спицах 73 петли). Затем, провязав по схеме четвертый угол серыми нитками, продолжайте выполнение спинки нитками цвета бордо. На 64-м см от начала работы закройте на оба плеча один раз по 6 и два раза по 7 петель в каждом втором ряду. Оставшиеся для оформления горловины 33 петли снимите на запасную спицу.

ПЕРЕД вяжите по описанию спинки, но на 58-м см от начала работы закройте средние 13 петель для горловины и еще с обеих сторон один раз по 3 петли, два раза по 2 и три раза по одной петле в каждом втором ряду. Петли на плечи закройте по описанию спинки.

РУКАВА. Наберите 36 петель нитками цвета бордо на спицы 4,5 мм, провяжите 7 см резинкой $2\text{ см} \times 2\text{ см}$ и в последнем ряду прибавьте равномерно 18 петель (на спицах 54 петли). Затем перейдите на спицы 5 мм и

начните выполнение орнамента. Провязав 12 рядов по схеме, повторите еще один раз с 3-го по 8-й ряд и дальше вяжите рукав нитками цвета бордо. По мере вязки прибавляйте с обеих сторон 13 раз по петле в каждом шестом ряду (на спицах 80 петель). Последние 4 см вяжите без прибавлений. На 55-м см от начала работы закройте все петли в одном ряду.

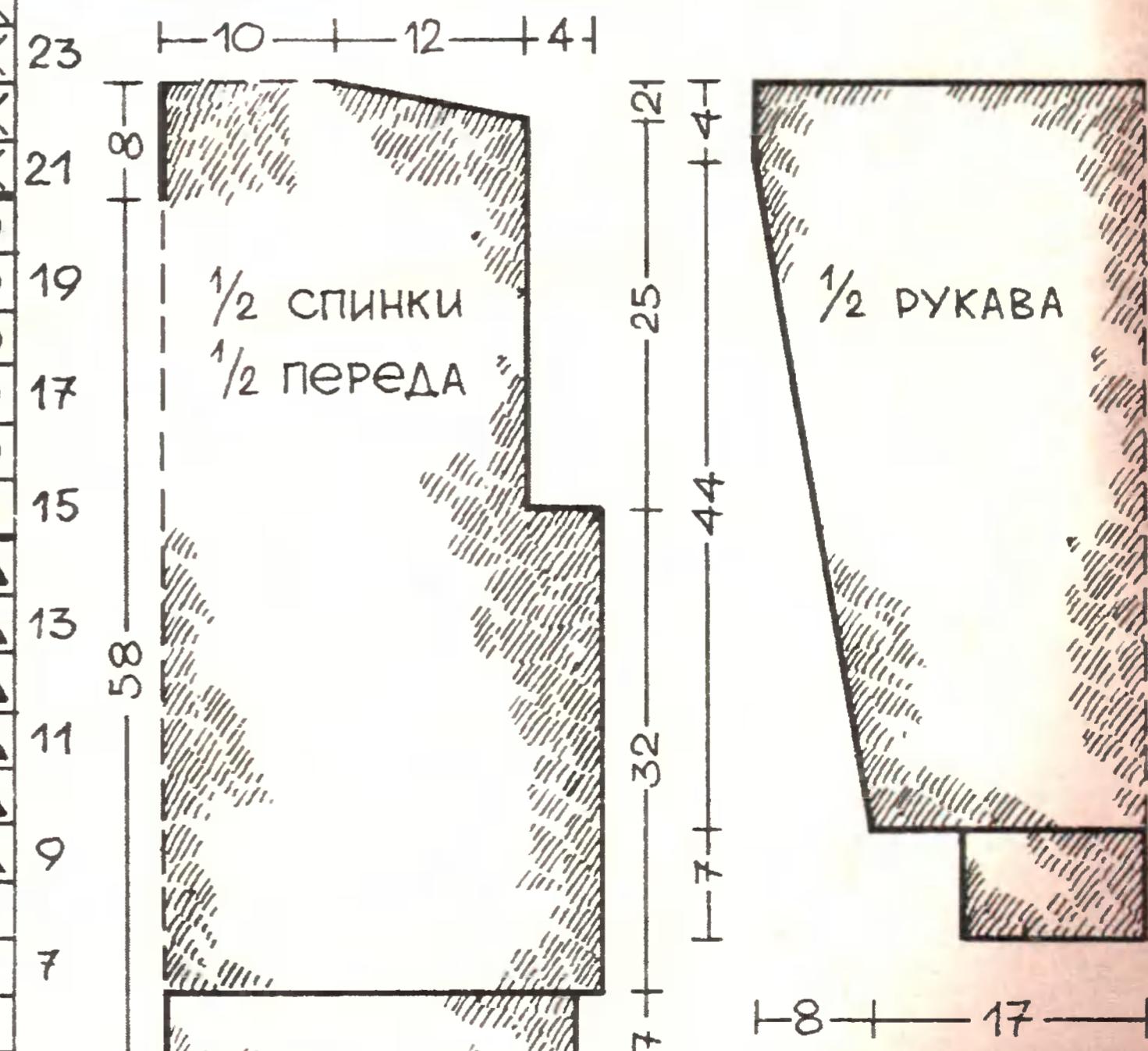
СБОРКА. Наколите готовые детали на выкройки, сбрызните водой и дайте просохнуть.

Сшейте боковые, плечевые и рукавные швы. Вставьте рука-ва в проймы. Наберите на коль-цевые спицы вокруг горлови-ны 70 петель нитками цвета бордо, включая оставленные

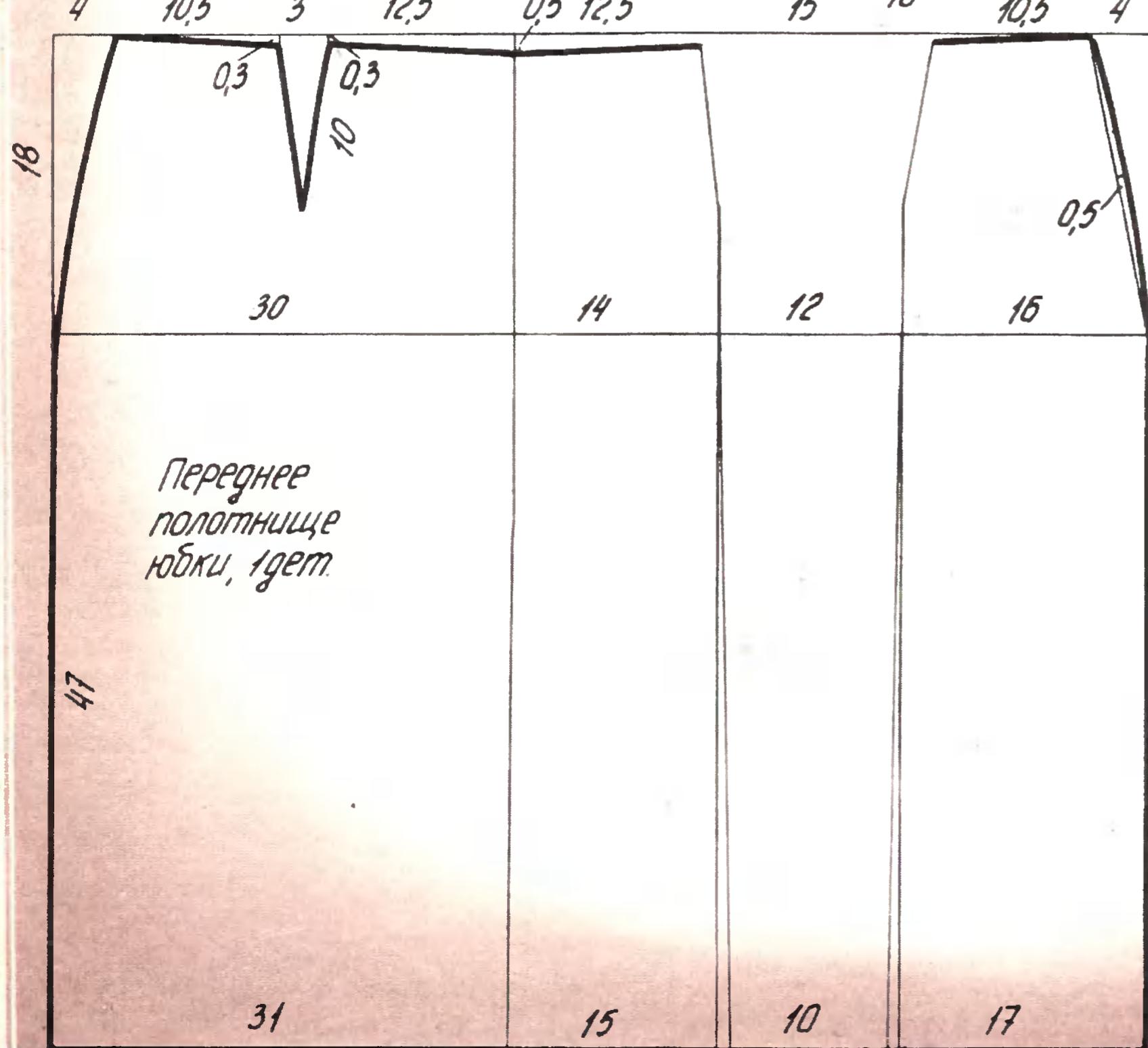
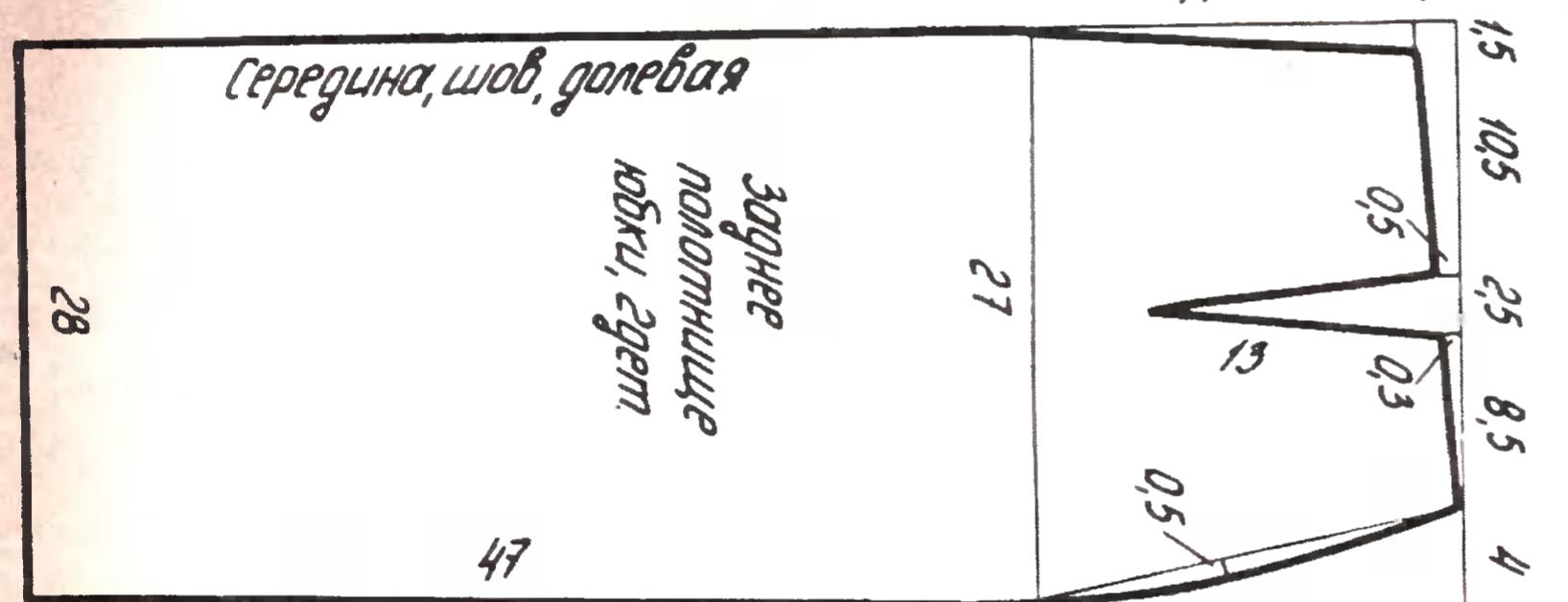
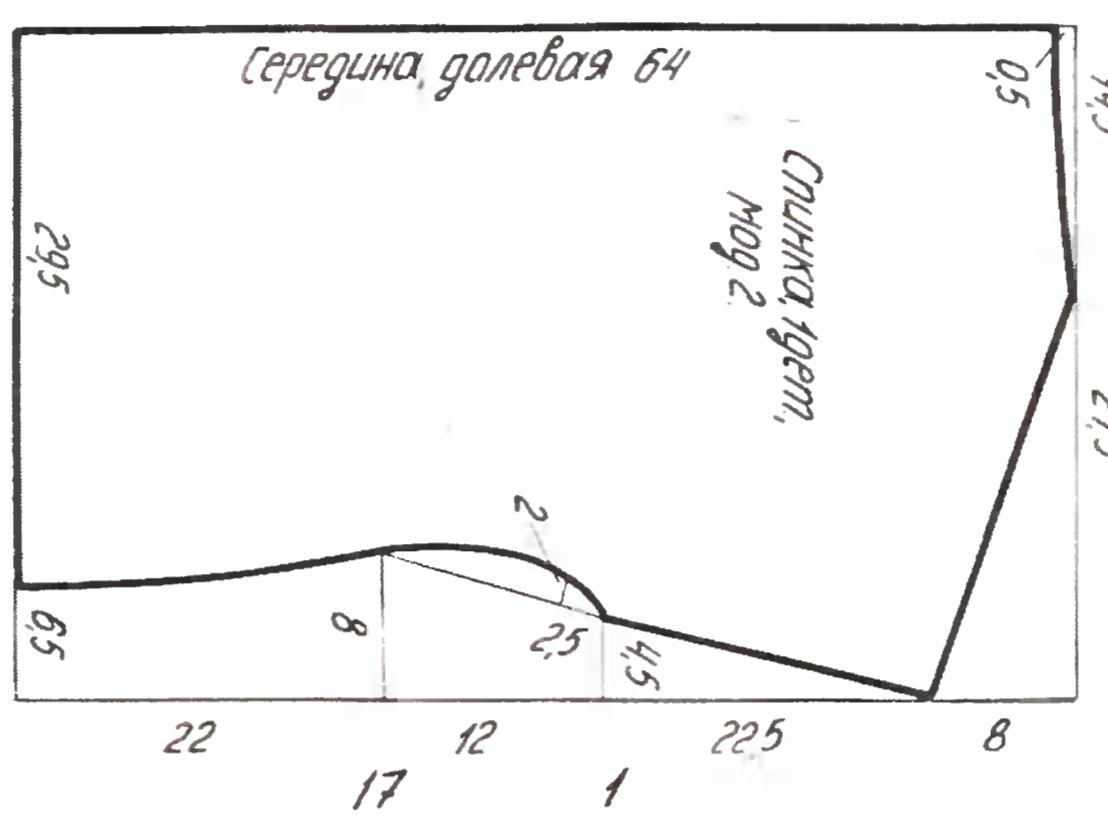
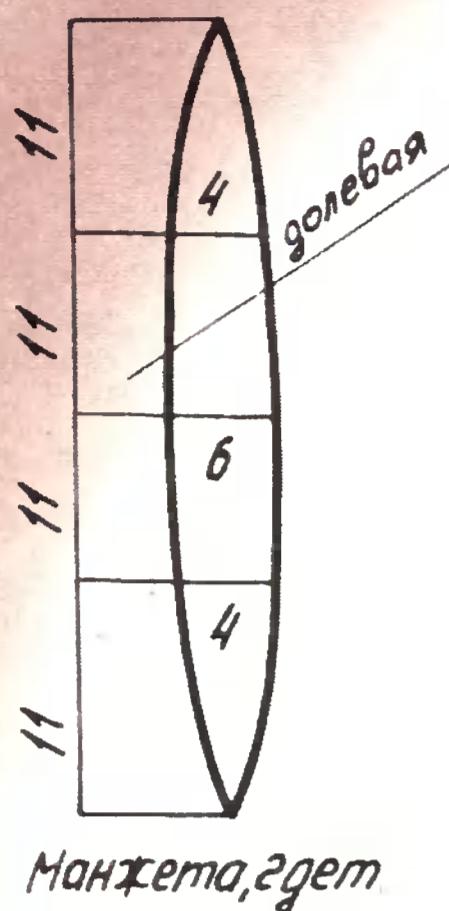
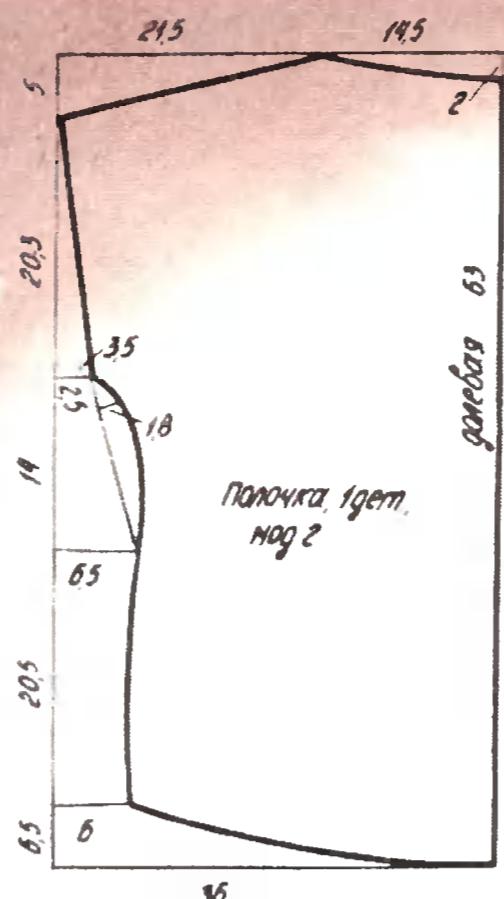
на запасной спице, и вяжите 8 см стойки резинкой $1\text{ см} \times 1\text{ см}$ и еще 11 см — резинкой $2\text{ см} \times 2\text{ см}$. Затем закройте все петли подряд по рисунку.

М. ГАЙ-ГУЛИНА.

УЗОР ПОВТОРЯЕТСЯ
С 15-ГО ПО 36-Й РЯД

- ▲—БОРДО
□—БЕЛЫЙ
●—СИНІЙ
Х—СЕРЫЙ

Вы хотите пополнить ваш гардероб полезной и элегантной вещью? Рекомендуем нарядный и одновременно строгий костюм. В нем можно пойти и на вечер в клуб, и в гости, и на собрание... А в ансамбле с блузками его можно носить в любое время года.

Размер 50, рост III.

Юбка прямая, с асимметричной складкой.

Жакет облегченный: без подкладки, без воротника, с удлиненными лацканами. Рукав втачной, двухшовный, прямой,

без манжета. Застежка встык на воздушных пуговицах, петли для которых прометываются и на правой и на левой полочеках. Борта и лацканы можно отдать той тканью, из которой сшила блузу. Рекомендуем сшить сразу две блузы.

Одна — прямая, свободного края, с модным вырезом «лодочка» и отделочным отворотом-манжетом вместо рукава (рис. 1), который можно украсить вышивкой. Она шьется из тонкой ткани (шелк, трикотин, батист и т. п.), од-

НА ЛЮБОЙ СЛУЧАЙ,

нотонной или с рисунком.

Вторая — со спущенным плечом (без плечевого шва), на маленькой кокетке, от кокетки — сборка (рис. 2). Вырез — глубокое каре, обработанное подкройными обтачками шириной 2,5 см, которые повторяют форму выреза. Ткань — шелк, хлопок, синтетика.

Как подобрать цветовые сочетания? Тут возможны варианты. Можно сделать жакет из набивной ткани, а юбку и блузу — однотонными или взять

для бортов и лацканов жакета и для блузы отделочную ткань, а юбку и жакет сшить однотонными.

Очень модно в этом сезоне сочетание черного и белого цветов.

Для костюма вам потребуется 2 м 30 см легкой шерсти, плотного шелка или трикотина (при ширине полотнища 150 см), для блузок — по 1 м 60 см легкой ткани (при ширине полотнища 80—90 см).

**Н. ЛЬВОВА,
модельер-конструктор.**

В ЛЮБОЕ ВРЕМЯ ГОДА...

Рис. Н. САЛЬКОВОЙ.

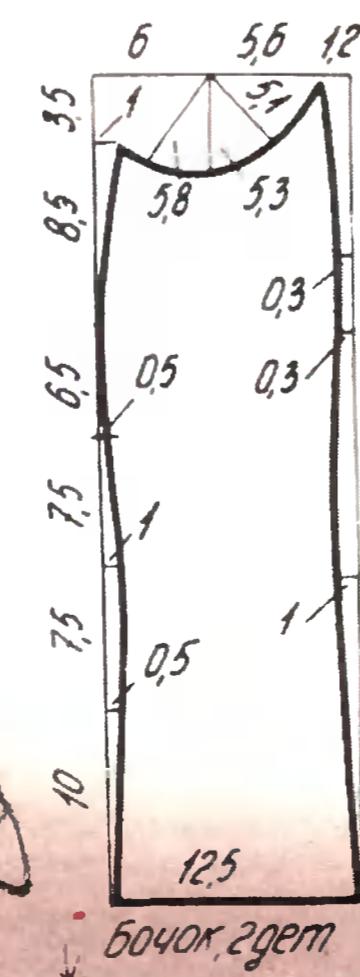
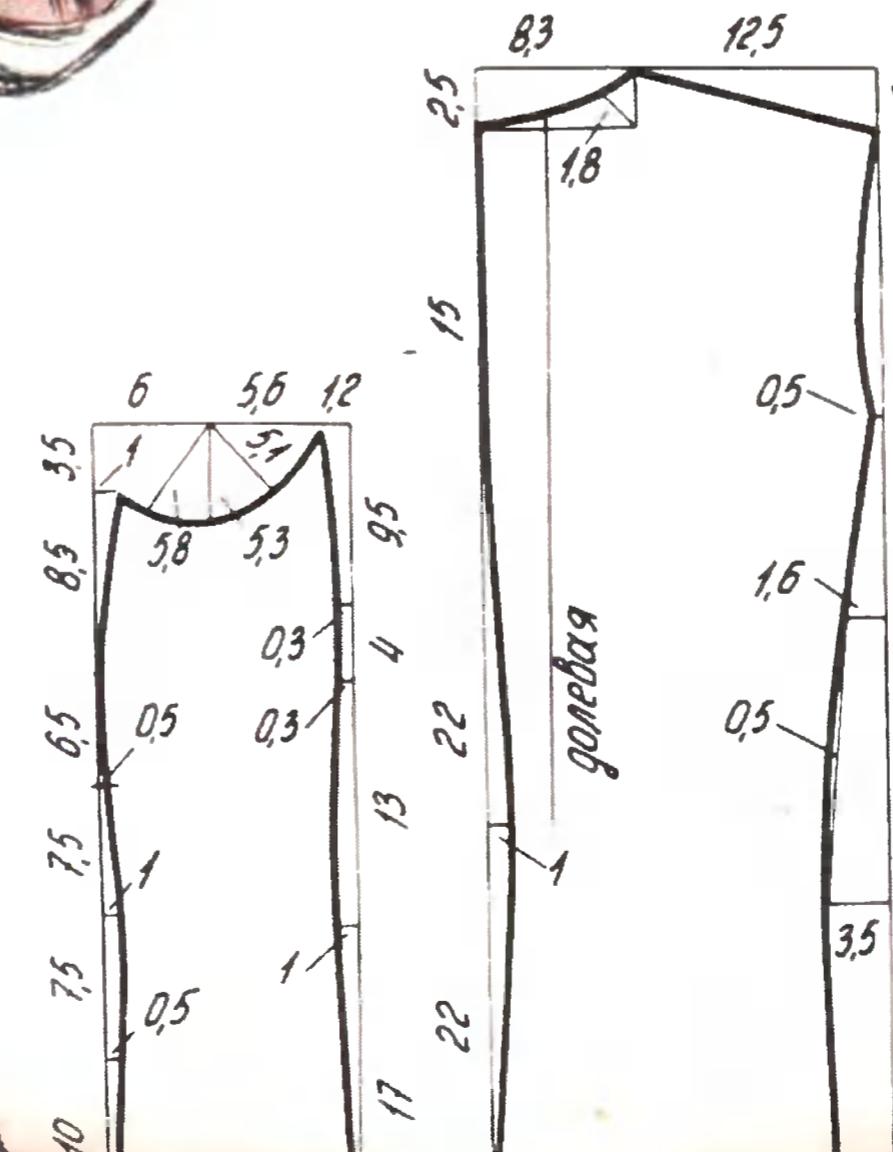
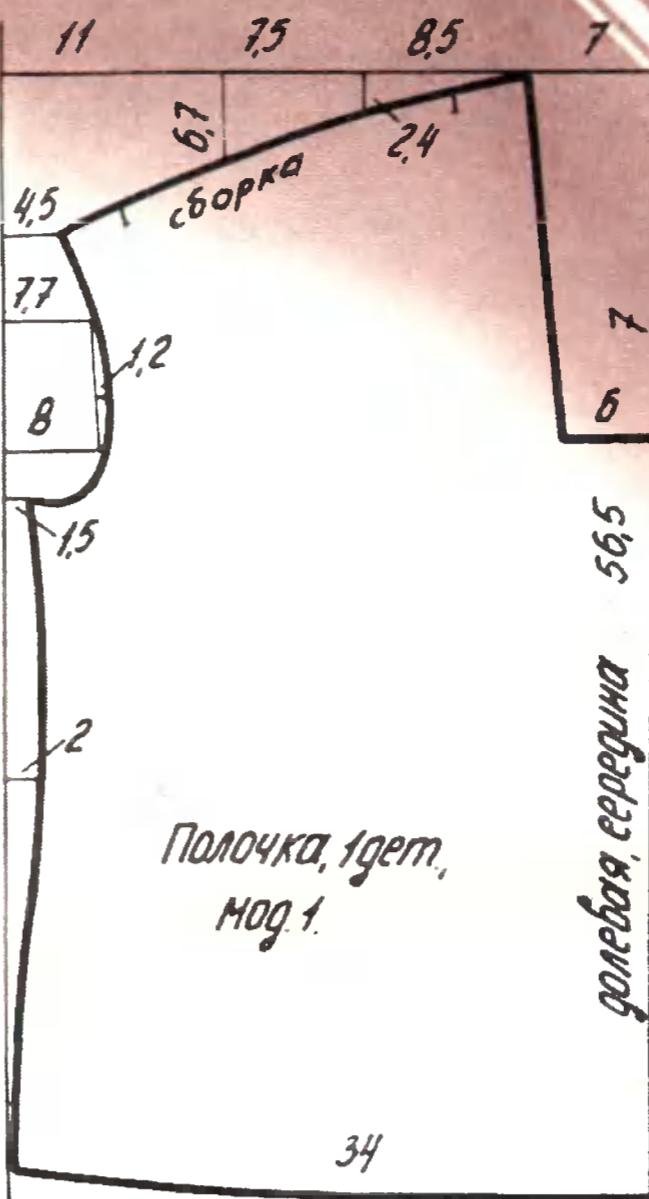

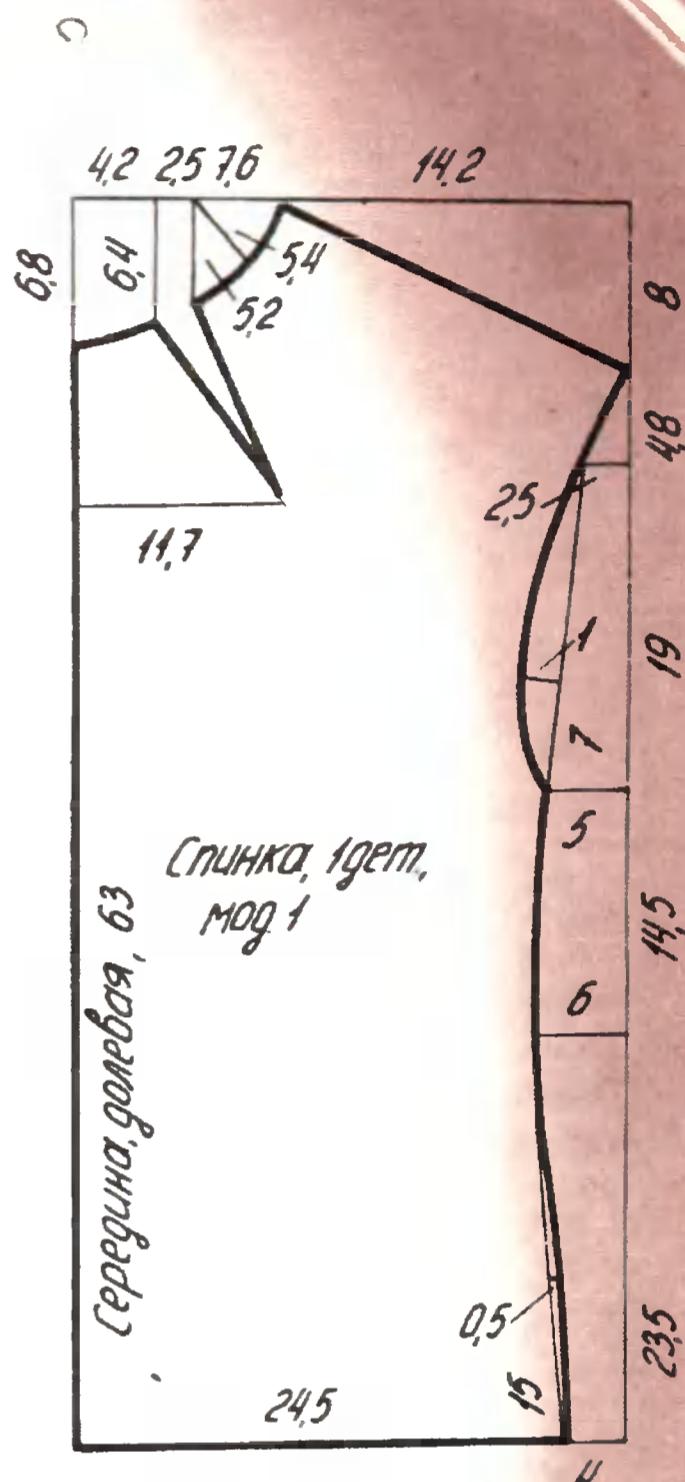
рис. 1

Спинка, 2дем.

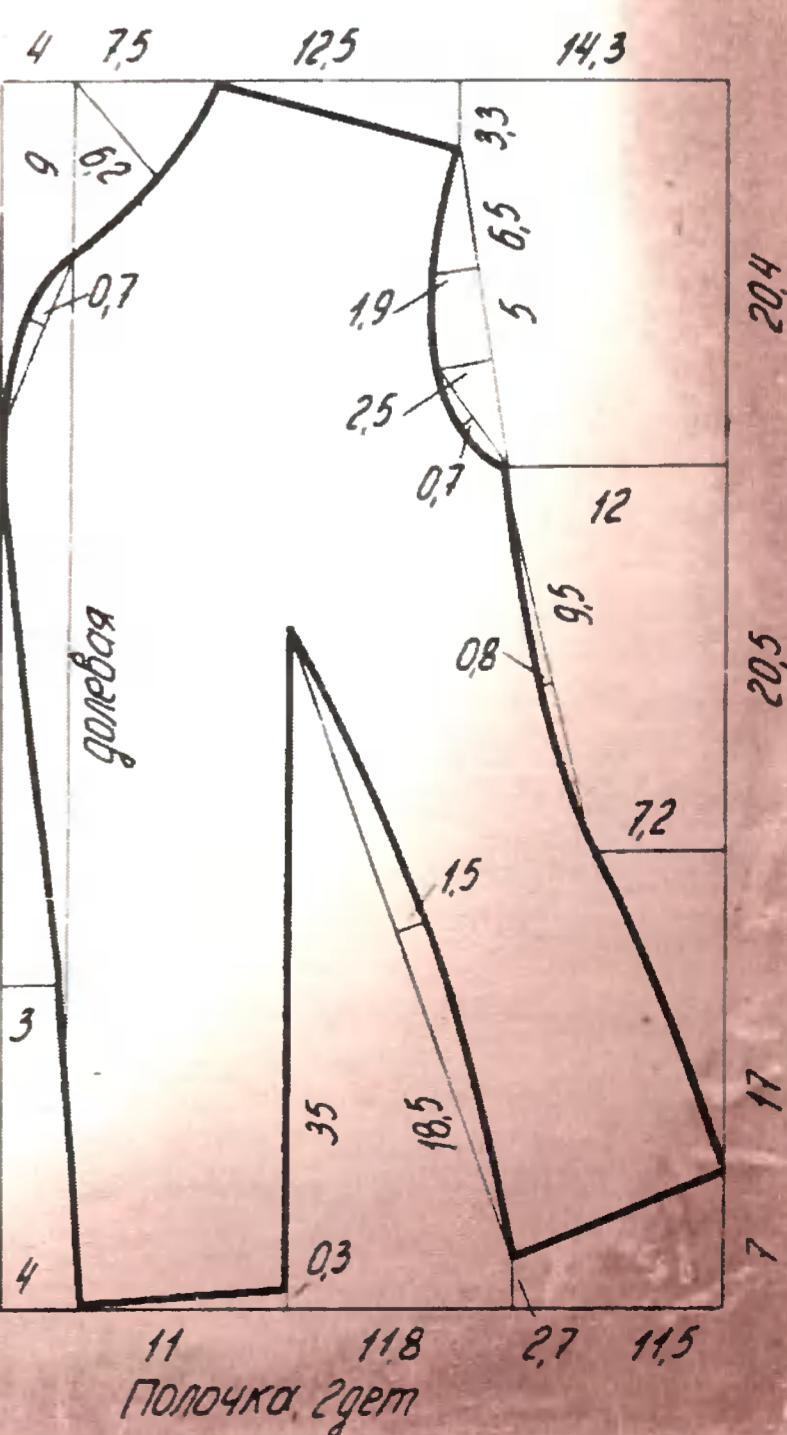

Полочка, 1дем.
ног. 1.

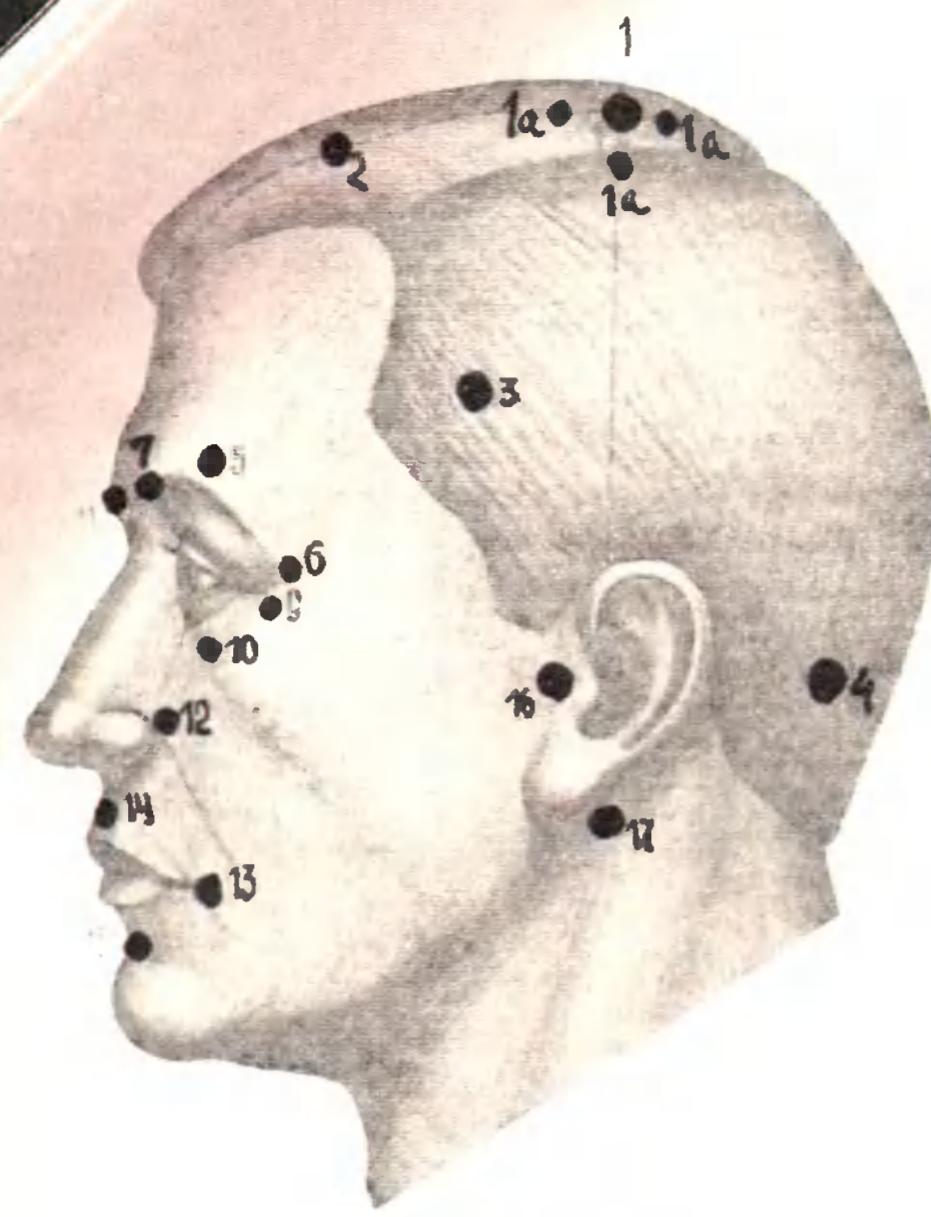
Спинка, 1 гем.
мог +

Нижняя половина
рукава, где т.

САМОЧУВСТВИЕМ МОЖНО УПРАВЛЯТЬ

В. ИВАНОВ, заслуженный врач РСФСР, кандидат медицинских наук

Сегодня мы поговорим о массаже лица. Только не о косметическом массаже, который многие женщины делают регулярно, чтобы сохранить эластичность и молодость кожи, избежать ранних морщин. Наша цель другая: с помощью ГИГИЕНИЧЕСКОГО массажа рефлексогенных зон лица нормализовать деятельность внутренних органов, с которыми эти зоны связаны. Каких именно органов, во многих случаях вам подскажет зеркало: если появились угри — значит, непорядок в желудочно-кишечном тракте; покраснела кожа вокруг крыльев носа — проверьте, как функционируют селезенка и поджелудочная железа; кожа стала жесткой, незластичной, появилось покраснение под внутренним углом глаза — хроническое заболевание мочевого пузыря и т. д.

Направление движений при массаже должно соответствовать току лимфы (с ним в основном совпадают кожные линии лица): на лбу — параллельно волосистому краю кожи, от средней линии лица в стороны; от висков, от носа, глаз и верхней половины щек — к уху и углу нижней челюсти; от губ и нижней половины щек через подбородок под углом — к нижней челюсти, затем по передней поверхности шеи — к грудине.

Соответственно кожные линии лица, по направлениям которых массируется лицо, проходят так: на подбородке — от его середины по нижней челюсти к мочкам уха; на щеках — от угла рта к слуховому проходу и от середины верхней губы к боковой поверхности носа и

верхней части ушной раковины; вокруг глаза — от его внутреннего угла по верхнему веку к наружному углу, а затем по нижнему веку в обратном направлении; на лбу — от середины к вискам; на носу — от переносицы по спинке носа к его кончику и от спинки в стороны.

Приемы массажа лица те же, что мы применяли и раньше.

Поглаживание делается по ходу кожных линий, оно повышает тонус мышц, улучшает обмен.

Растирание выполняется более энергично — подушечками пальцев по ходу нервов, лимфатических и кровеносных сосудов. При ушибах, мышечных спазмах полезно согреть кожу над болевыми участками теплом ладони.

Хочу подчеркнуть особо: массаж глаз проводите очень осторожно. Основные приемы — поглаживание по ходу круговой мышцы, легкое растирание и очень легкое, слабое надавливание на глазное яблоко. Поглаживание круговой мышцы, той, что окружает глазную щель, делайте от коня носа по верхнему и нижнему векам к наружному углу глаза. Растирание глазного яблока производите через кожу закрытых век круговыми движениями подушечек пальцев. Если глаза устали, если ваша работа требует постоянного зрительного напряжения, примените прием непрерывистой вибрации: согрейте пальцы рук, положите их на глазные яблоки и через кожу век кругообразными движениями производите легкое надавливание — несколько минут спустя утомление спадет, повысится острота

БЕСЕДА ШЕСТАЯ

зрения, улучшится общее самочувствие. Давление должно быть слабым, от сильного нажатия может потемнеть в глазах, нарушится сердцебиение.

РЕФЛЕКСОГЕННЫЕ ЗОНЫ на лице располагаются вокруг глаз, носа, рта и ушей (см. рисунок).

Массаж зон 5, 6, 7, 9, 10, расположенных вокруг глаз, применяют при заболевании глаз, головокружении, головных болях, слезоточении.

Зоны 11, 12, расположенные вокруг носа, массируют при нарушении носового дыхания, аллергических состояниях, бронхиальной астме, а также при переохлаждении, простуде.

Массаж рефлексогенных зон, расположенных вокруг рта — 13, 14, 15, — оказывает хороший лечебный эффект при отеке лица, зубной боли, нейрите, расстройстве речи, заболеваниях лицевого нерва. Массаж зоны 14 применяется также для оказания помощи при обморочных состояниях.

А сейчас — о методах массажа лица. Точечный массаж здесь должен быть более щадящий и нежный, чем на других участках тела: ведь кожные покровы лица местами очень тонкие, нервы, кровеносные и лимфатические сосуды располагаются поверхностно и легко ранимы. Поэтому массаж выполняют только подушечкой 2-го или 3-го пальцев, держа их перпендикулярно к массируемой поверхности. Если требуется сделать массаж по ходу тройничного или лицевого нерва, пальцы располагают на клонно к коже, болевых точек касаются мягко. Для усиления воздействия на рефлексогенные зоны можно применить прием непрерывистой вибрации одним или несколькими пальцами с частотой 100—120 колебаний в минуту в течение 5—10 секунд с перерывом на 3—5 секунд. Во время пауз массируйте область кожи вокруг зоны методом поглаживания.

Только в одном случае давление на зоны лица должно быть сильным до боли: при воздействии на рефлексогенные зоны 14 и 15 для оказания помощи при обмороке.

Самомассаж лица удобно проводить перед зеркалом. Приемы те же, но для повышения тонуса и укрепления мышц, для предупреждения морщин применяют дополнительные приемы разминания: сдвигание мягких тканей, растяжение ослабленных мышц, надавливание,

щипцеобразное разминание, подергивание мышц и кожи. Каждый раз заканчивайте самомассаж вибрационным поглаживанием, которое выполняется по ходу массажных линий и сопровождается поглаживанием головы от лба и височных областей к затылку, височного и верхней части груди.

И, как всегда, несколько практических рекомендаций.

Если вы чувствуете переохлаждение, простуду — примите точечный массаж (метод воздействия — возбуждающий) 7, 12, 16-й зон лица, 12-й зоны рук. От насморка поможет массаж 11, 14-й зон лица, от кашля — 9-й зоны рук, от слезоточения — 5, 6, 10-й зон лица. Давление начинайте легко, подушечкой указательного пальца, заканчивайте сильно, до боли. Для предупреждения заболевания делайте массаж утром и вечером, если уже заболели — через каждые 30—40 минут в течение суток.

Дополните лечение, принимая водный настой смеси лекарственных растений. Возьмите ягоды малины — 2 части, листья мать-и-мачехи — 2 части, траву душицы — 1 часть, цветы липы — 1 часть (1 столовую ложку смеси заварить в стакане кипятка, процедить, принимать по 1/2 стакана 3—4 раза в день).

При утомлении глаз вам поможет точечный массаж (метод воздействия — успокаивающий) рефлексогенных зон лица: 7, 6, 9, 10, 11; рук — 1, 3, 8. Массаж лица производите всей ладонью, глаза закройте.

Много заботы девушки доставляют юношеские угри. Избавиться от них поможет точечный массаж (метод воздействия — возбуждающий) рефлексогенных зон: 12 (руки), 11, 8 (ноги). Эффект лечения усиливается, если вы будете принимать соки растений: крапивы (из свежих листьев) — по 1 столовой ложке 3 раза в день через час после еды; одуванчика (включая его корни) — по 2 столовые ложки 2 раза в день за 1 час до еды; сок сельдерея из корней и листьев — по 1/2 стакана 1 раз в день через 2 часа после еды. Наружно, в виде примочек, рекомендую отвар травы и корней чистотела: 4 столовые ложки травы с цветками кипятить 5 минут в 6 стаканах воды, в закрытой посуде, затем настаивать в течение 8 часов и делать примочки на кожу лица 3—4 раза в день.

НЕ ЗАТОПИТЬ ЛИ ПЕЧЬ?..

Приятно с мороза зайти в теплый дом, согреться у жаркой печи. Но, чтобы печь служила безотказно, за ней надо ухаживать, вовремя ремонтировать. Вот несколько советов начинающему мастеру.

Часто во время топки плотно закрывают поддувало. От недостатка воздуха дрова или уголь сгорают не полностью. Продукты неполного сгорания и влага выносятся с дымом и оседают на стенках дымохода в виде черной жидкой смолы. Это разрушает кладку печи, на ее зеркале и дымоходах появляются черные пятна, а дом наполняется неприятным запахом. В стенках дымоходов скапливается сажа, которая трудненагревание печи.

Чтобы этого избежать, держите до конца топки поддувало приоткрытым. Не реже двух-трех раз в отопительный сезон очищайте дымоходы от сажи.

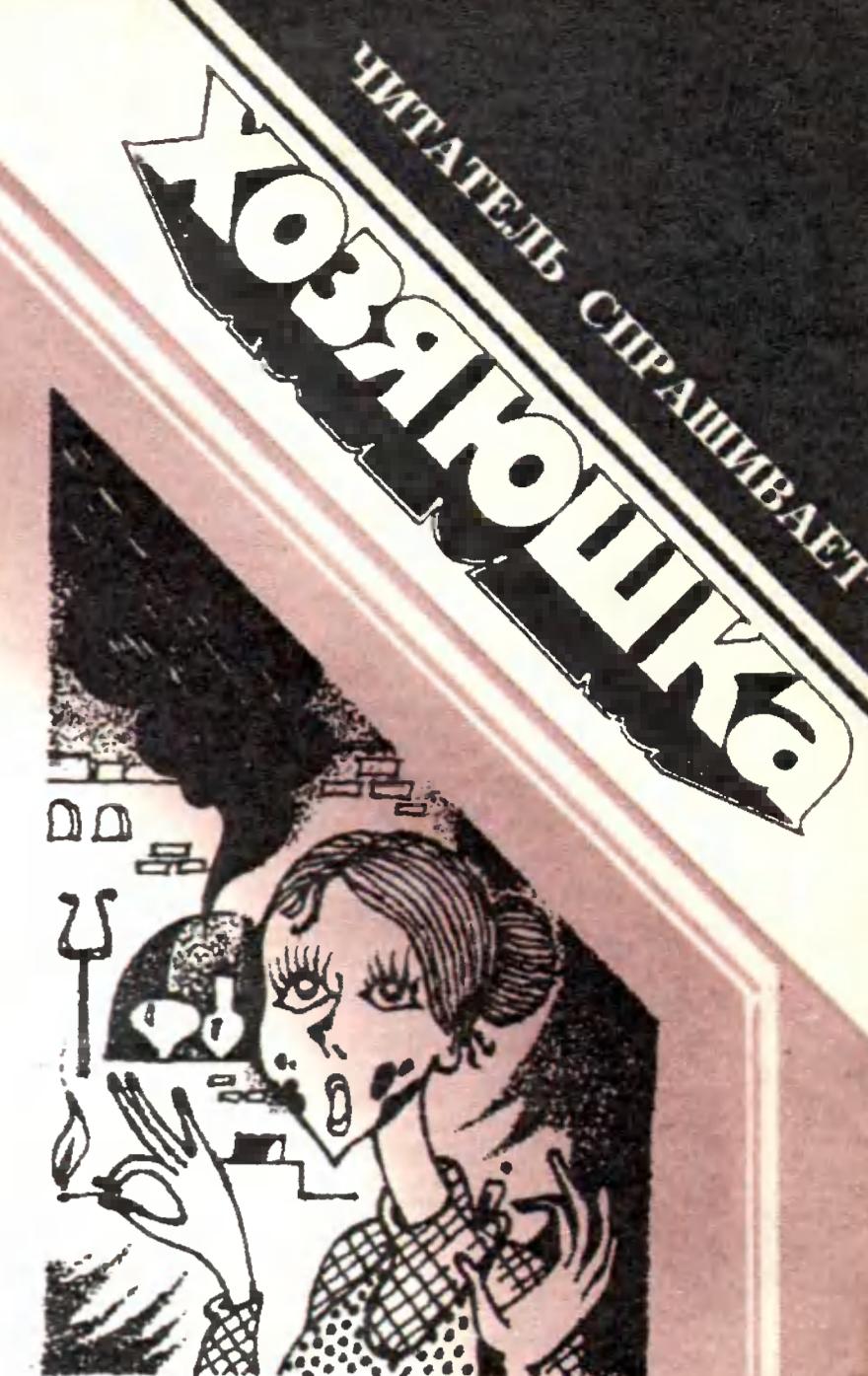
Если на печи появятся трещины, тяга в ней снижается. Поэтому сразу замазывайте трещины глиной и чаще белите печь. На белых поверхностях трещины резче выделяются, напоминая о том, что пора делать ремонт. Белить печь нужно в два-три приема, чтобы на ее поверхности не осталось пятен, подтеков.

Печи, обмазанные глиной, довольно быстро трескаются, и высохшая глина отваливается пластами. Более прочны оштукатуренные печи. Оштукатуривать новую печь лучше после трех месяцев топки, то есть после того, как она даст полную усадку.

Перед оштукатуриванием поверхность кладки очистите от глины, расчистите швы между кирпичами на глубину не менее 1 см. Потом затяните печь сеткой из мягкой железной проволоки с ячейками 10 мм × 10 мм или 25 мм × 25 мм. Натянутую на печь сетку прикрепите гвоздями, вбивая их в швы кладки на расстоянии 10—15 см друг от друга в шахматном порядке. По этой сетке и оштукатуривайте печь.

Штукатурный раствор лучше наносить на горячую, только что протопленную печь, когда швы несколько расширяются. По мере остывания печи швы будут сужаться и лучше удерживать штукатурку. А воздух в порах кирпичей, охлаждаясь, в свою очередь, будет присасывать раствор.

Лучше всего для работы взять раствор такого состава: глины — 1 часть, известкового теста — 1 часть, песка — 2 части, мелкого асбеста — 0,1 части. Затем разведите густое глиняное и известковое молоко, процедите его сквозь сито с ячейками не крупнее 5 мм × 5 мм, смешайте и всыпьте в раствор сухую, предварительно просеянную смесь из песка, асбеста и цемента. Потом, сделав раствор жидким, сметанообразным, обмажьте им — тонким слоем — горячие стенки печи, смоченные водой. На этот слой два раза нанесите более густой раствор, доводя общую толщину штукатурки до 1,5 см. Как только раствор чуть-чуть подсохнет, хорошо разотрите его. Если после высыхания образуются трещины, их края вы-

ровняйте, смочите водой и замажьте густым раствором. После того как штукатурка высохнет, можно приступать к побелке.

А. ШЕПЕЛЕВ, инженер.

ИЗ СТАРЫХ РУКАВИЧЕК...

Никогда никакие шерстяные вещи не выбрасываю, даже детские рукавички. Стираю, потом, когда совсем высохнут, распариваю и распускаю. Связывая рваные нити, стараюсь оставлять концы не более 2 см. Клубок делаю не очень тугим.

Теперь главное: ведь нитки, из которых была связана ста-

рая шерстяная вещь, скрутились, завились. Чтобы связать новое изделие, их надо расправить. Вот как я это делаю. В кастрюлю с кипящей водой ставлю дуршлаг так, чтобы расстояние от его донышка до поверхности воды было приблизительно 10 см. В дуршлаг кладу клубки старой шерсти, накрываю крышкой и ставлю кастрюлю на огонь, минут на 20—30, чтобы нить хорошо пропарилась. Затем даю клубкам просохнуть. Теперь можно ра-

ботать — нить распрямилась. Еще один маленький хозяйственный «секрет», если мой опыт кому-то пригодится: шерстяные и шелковые нитки довольно трудно вдеть в ушко иглы. Чтобы облегчить эту процедуру, складываю вдвое простую нитку, втягиваю ее в ушко, затем в образовавшуюся петлю протягиваю шерстяную нить и затягиваю ее в ушко иглы.

Н. ГАЙДУК

г. Кривой Рог.

СТРОЙНОЙ СТАТЬ, СТРОЙНОЙ ОСТАТЬСЯ

— Какая женщина не мечтает об этом! Но как этого добиться? Конечно, есть испытанное средство: регулярная физическая зарядка, занятия спортом. Однако где взять время? Ведь утром — хлопоты по дому, потом работа, кажется, минуты не выкроить. И все же — было бы желание, а минутка-другая наверняка найдется для несложных упражнений,— ну, скажем

во время обеденного перерыва. И еще нужен «снаряд» — обыкновенный стул. Сидя на нем, поднимите согнутые в коленях ноги, а опустите их прямыми. Повторите 10 раз. Справившись с этим упражнением, в дальнейшем поднимайте и опускайте ноги только прямыми. Это укрепит мышцы живота и поможет убрать излишнюю полноту.

РУБАШКА ДЛЯ МУЖА

«Дорогая «Хозяюшка»! Недавно я вышла замуж. Сразу же появились новые заботы жены. хозяйки. Во многом мне помогают твои советы и рецепты. Не подскажешь ли, как правильно гладить мужские рубашки, чтобы ни морщинки, ни лишней складки?..

Л. АНДРЕЕВА.

Курская область».

Мужские рубашки будут выглядеть безукоризненно, если их гладить таким образом: сначала расправьте воротник, придайте ему форму и прогладьте. Затем нужно погладить плечи. Далее — манжеты, рукава. Теперь спинку и, наконец, полочки переда.

Для 100-процентного хлопка утюг должен быть очень горячим. Если ткань смесовая, например, хлопок с синтетикой, советуем регулятор электротюга установить на отметку «иск. шелк».

Заботиться о состоянии мужских сорочек нужно еще в процессе стирки. Не трите сильно, после последнего ополаскивания не выкручивайте, а по возможности, не отжимая, повесьте на плечики, чтобы стекла вода. Рубашку расправьте, воротник застегните на верхнюю пуговицу. Старайтесь не пересушить. Лучше прогладьте ее слегка влажной, а затем снова повесьте на плечики — досыхать.

Е. ЛЕГОСТАЕВА

Рис. А. МАРТЫНОВА

И ВИЛЮШКА И САЛФЕТКА

Начинаем, как всегда, с подготовки сколка. Расстояние между наколами—0,5 см. Ширина по всему узору полотнянки—1,2 см. Расстояние между параллельными участками полотнянки—0,8 см. С внешней стороны поворота расстояние то же, что на прямом участке. Обратите внимание: наколы параллельно расположенных участков полотнянки находятся напротив друг друга. Нитки возьмите № 30.

Соедините наколы между собой зигзагообразной линией. С внешней стороны поворотов вилюшки сделайте из плетешков выходы решетки в виде треугольников (см. рис. 1).

Для плетения вилюшки «киришской» вам понадобится 10 пар коклюшек: 6 долевых, 1 ходовая, 1 пара для особого вида плетения—«скани» и 2 пары дополнительных с двух сторон полотнянки. Пару для «скани» приготовьте из более толстых ниток или ниток другого цвета.

Прикрепите сколок к подушке. Навесьте пары, «скань» расположите по середине полотнянки.

Узор начинайте плести с поворота обыкновенной полотнянкой. С внутренней стороны поворота делайте закидки, как в обыкновенной вилюшке (см. «Крестьянку» № 8).

Ходовую пару сплите с 4 долевыми. Пару «скани» перевейте 1 раз, пропустите между ее нитями ходовую пару. Отложите пару «скани», а ходовую сплите со следующими 4 парами. Сделав последний раз закидку, проплете полотнянку до следующего накола с противоположной стороны. Ходовой и последней долевой парами сплите плетешок до вершины уголка. Поставьте в накол между парами булавку и плите плетешок до начала полотнянки.

Дойдя до начала, левую пару сплите, а правую проплете с долевыми как ходовую до следующего плетешка с противоположной стороны. И вновь

с последней долевой сплите плетешок до вершины уголка. Поставьте булавку в накол между парами и плите плетешок до начала полотнянки. Правую пару отложите. Левую проплете с долевыми как ходовую до следующего плетешка. Уголки из плетешков сцепляйте между собой в вершине.

Решетку из плетешков в виде треугольников начинайте выполнять со второго поворота. Из ходовой и последней долевой сплите плетешок до накола. Поставьте в накол между парами булавку и продолжайте плетешок до следующего накола в вершине треугольника.

вводим булавку, на этот раз—сверху вниз между нитями, захватываем правую нить и выводим ее снизу вверх. Ставим в накол булавку и плите плетешок до начала полотнянки.

Так же плетутся и следующие треугольники из плетешков.

А теперь начнем плести салфетку «цветок». Сделайте сколок для салфетки 7 см x 7 см. Расстояние между наколами—0,5 см, ширина полотнянки в узком месте—0,8 см, в широком—1,4 см (см. рис. 2). Нитки № 30.

Подготовьте 11 пар коклю-

шечек и 1 долевая), затем на каждую булавку по одной паре, а в центре полотнянки на одну булавку—2 пары «скани».

Полотнянку плите с перевивом крайних пар (см. «Крестьянку» № 7). Переплите ходовую пару с 4 долевыми. Возьмите пары «скани» так, чтобы нити одной пары находились над нитями другой пары. Теперь нити нижней пары выньте между нитями верхней пары снизу вверх. Затем ходовую пару проведите между парами «скани» слева направо. Когда будете плести в обратном направлении—сделайте то же самое.

В центре салфетки—розетка из плетешков и насновок (см. «Крестьянку» № 6). Плести ее начните одновременно с основным орнаментом. Для розетки вам потребуется 2 пары коклюшек: 1 долевая (крайняя) и 1 ходовая.

Плетется розетка так. Выполните маленький треугольник из плетешков. Когда подойдет к следующему такому треугольнику, то сплите одну его сторону и сцепите с противоположными наколами. Сплите вторую сторону, поставьте булавку в накол между парами. Теперь сплите большой плетешок до вершины предыдущего треугольника, сцепите его с вершиной. Сплите 2 насновки, поставив в центре между ними булавку. Вторую насновку сцепите с большим плетешком в вершине треугольника и доплите его 3-ю сторону. И снова те же операции в том же порядке!

Чтобы орнамент не прерывался, надо сделать «зашивку». Выполняется она следующим образом.

Доплите салфетку до того места, с которого вы ее начали. Выньте булавки, на которые были навешены пары. Сцепите каждую пару за каждую петельку. Перевейте пары один раз и сцепите дальше за нити той же петли. Затем перевейте еще один раз и сцепите за нити самой пары у конца плетения полотнянки. Завяжите узелок и обрежьте пары, оставляя нити длиной 12—15 см. Вставьте каждую нить поочередно в иглу и проштопайте в полотнянку. Оставшиеся концы обрежьте. «Зашивка» готова.

Ю. МАКАЦЮБО,
преподаватель
декоративно-
прикладного
искусства.

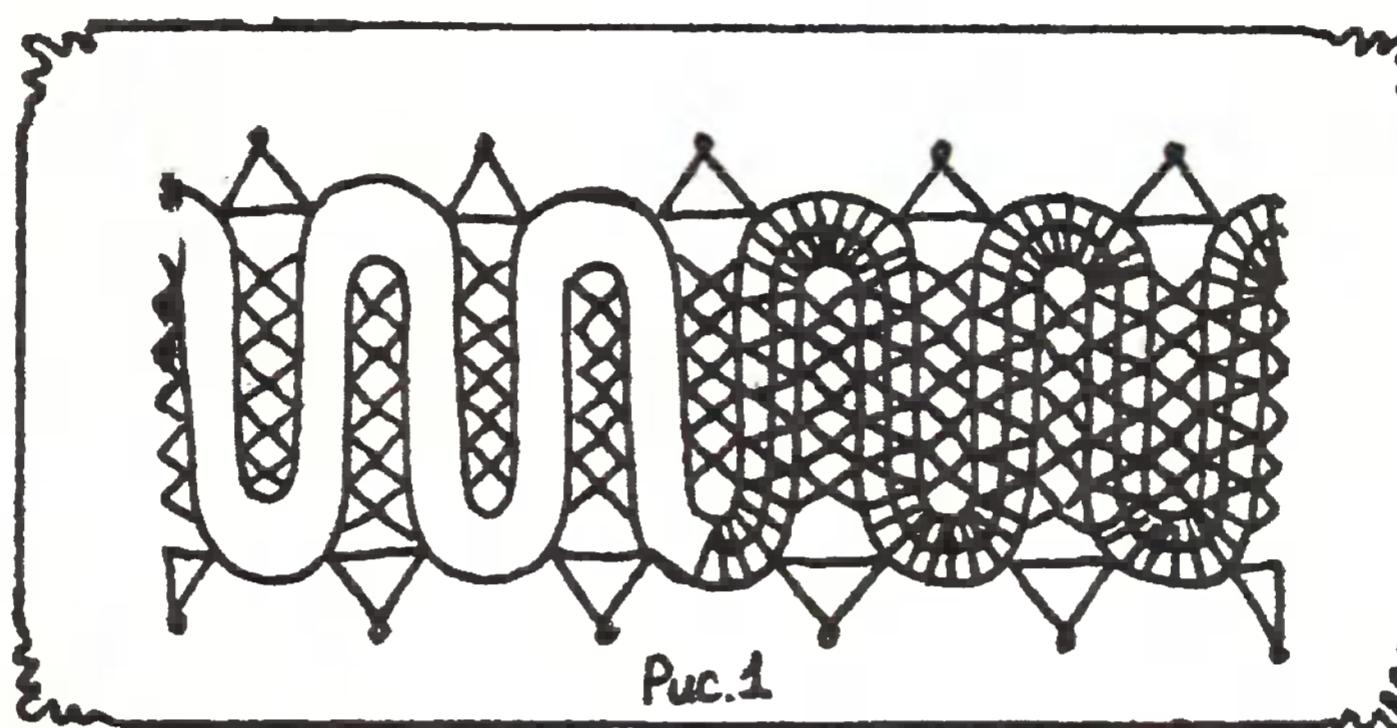

Рис.1

Левую пару отложите, а с правой сделайте отвивную петлю. Будьте внимательны: пара у вас в левой руке, булавка—в правой; теперь подводим булавку снизу под обе нити пары, захватываем ею крайнюю левую нить, выводим ее слева направо из-под другой, снова

шек: 1 ходовая, 8 долевых, 2 пары «скани».

Плечение начинайте ближе к центру салфетки, в начале поворота.

Пары распределите равномерно по всей ширине полотнянки. На крайнюю левую булавку навесьте 2 пары (1 ходо-

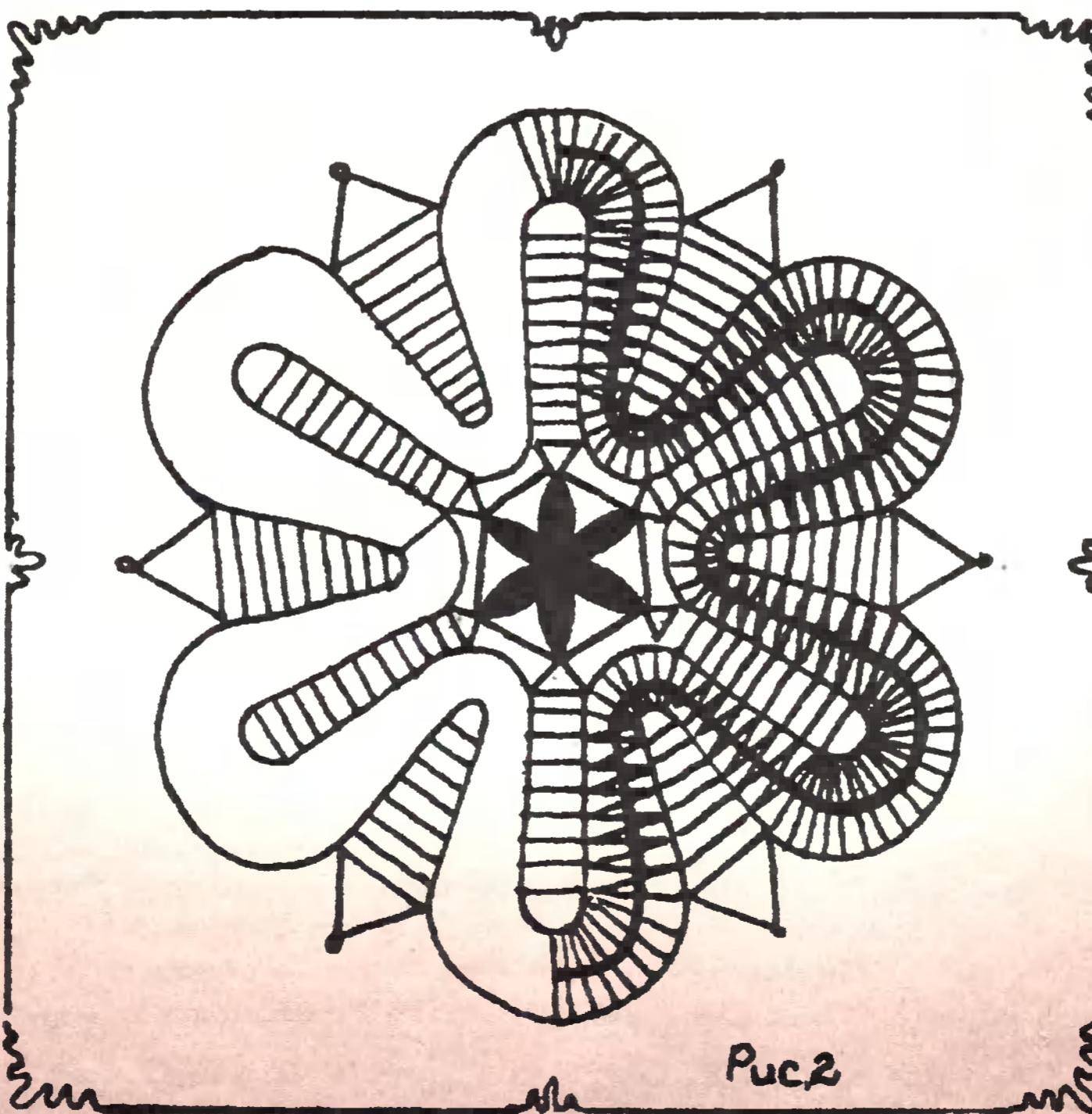

Рис.2

КАПИТАЛ ПРОТИВ ЧЕЛОВЕКА

расстрелянный остров

Коллаж
Е. НОВИКОВОЙ

Год назад на экранах наших телевизоров мы видели редкие, прыгающие кадры кинохроники, отразившие одно из самых отвратительных и самых наглых за последнее время преступлений американского империализма: мирный маленький остров Гренада был превращен тогда, в октябре 1983 года, в пылающий ад.

Осеннее солнце раскаляло руины Сент-Джорджеса — столицы этого государства, площадью всего 344 квадратных километра, с населением в 110 тысяч человек, судьбы которых были искорежены всего за несколько тех страшных дней...

Осеннее солнце освещало надломленные горем фигуры кубинских матерей. Их сыновья погибли, помогая гренадцам защитить плоды революции, погибли в огне, который уничтожил мечты и надежды братского свободолюбивого народа. Гневно сжимались в кулаки побелевшие пальцы людей, ставших свидетелями этого «цивилизованного» варварства вашингтонских «миротворцев».

Осеннее солнце Кариб отражалось в стеклах американ-

ских джипов, на касках морских пехотинцев и на дулах автоматов, приставленных к виску Гренады.

13 марта 1979 года прогрессивными силами Гренады был свергнут реакционный проимпериалистический режим диктатора Гейри. «Бескровная революция» открыла перед гренадцами путь к новой жизни. Во главе революции стоял 34-летний Морис Бишоп, лидер партии «Новое движение ДЖУЭЛ» («Объединенный поход за благосостояние, образование и освобождение»). Это был испытанный борец, страстно желавший счастья своему народу.

Во всех областях жизни гренадского общества шли благотворные перемены. Резко снизилась безработица. Женщины впервые стали получать равную плату за равный с мужчинами труд. В жизнь народа вошло бесплатное медицинское обслуживание, бесплатное обучение в школах. Гренадцы открыто радовались, ощущая поворот жизни к лучшему. Они пели и танцевали на улицах, на все лады повторяли это сладко звучащее слово «свобода!».

Страна не осталась без поддержки друзей. Благодаря специалистам из СССР и других социалистических государств на Гренаде начало развиваться современное рыболовство.

Советский Союз поставлял сельскохозяйственную технику, машины, оборудование. С помощью Болгарии строились два завода по производству искусственного льда. Специалисты из Чехословакии разрабатывали проекты строительства ГЭС на острове. ГДР помогала в сооружении полиграфического комбината и в модернизации телефон-

ной сети. Сотрудничала Гренада и с другими странами—Францией и Канадой, Ливией и Сирией, Алжиром и Венесуэлой... С особым теплом гренадцы относились к кубинским строителям, врачам, рыбакам, энергетикам, приехавшим бескорыстно помогать соседям. Рост экономики при правительстве Бишопа составил 13,6 процента. Уже в 1982 году экономическое положение Гренады было лучше, чем в большинстве стран Карибского бассейна. Гренада стала единственной среди англоязычных карибских стран, где неграмотность почти сошла на нет.

...25 октября 1983 года гренадцы проснулись на рассвете от мертвого нарастающего гула, который, казалось, заполнил все небо. Этот зловещий гул начинающейся агрессии означал, что мирное строительство на Гренаде прервано.

Из глубины розового марева вырос акулий контур транспортного самолета ВВС США. Он приземлился на единственном гренадском аэродроме, и из его бездонного чрева стали выпрыгивать солдаты... Это были американские морские пехотинцы— своеобразный символ политики Соединенных Штатов.

«Сегодня мир ждет от Америки руководства,— разглашалось недолго до этого президент США.— Америка же обращает взоры на свой корпус морской пехоты». Только после второй мировой войны эти головорезы использовались для целей внешней политики США 262 раза. 263-м стало вторжение в маленькую Гренаду, вся территория которой почти в тридцать тысяч раз, а численность населения— в две тысячи раз меньше, чем у США.

...Жившие неподалеку гренадцы видели, как к берегам острова подходит военные корабли со звездно-полосатым флагом на мачтах. Впереди шел авианосец «Индепенденс». И тогда люди поняли: началась американская агрессия.

Первая группа американского военного десанта расчистила взлетно-посадочную полосу от бочек, машин, строительных материалов, и на нее с интервалом в десять— пятнадцать минут начали приземляться огромные четырехмоторные транспортные самолеты американских ВВС...

Агрессия готовилась давно. Можно сказать, с самого начала революционных преобразований на Гренаде.

Еще в июне 1980 года американскими спецслужбами было организовано покушение на Бишопа. Во время массового митинга под правительенной трибуной раздался взрыв, от которого погибли две девочки, стоявшие неподалеку. В конце того же года службой безопасности Гренады было раскрыто несколько контрреволюционных заговоров.

Несмотря на предложения правительства Бишопа нормализовать отношения между двумя странами, администрация Рейгана всеми средствами эти отношения обостряла. В США был принят проект «Пирамида», включавший в себя планы морской блокады Гренады, а также экономический бойкот, лишение страны кредитов и займов, создание вокруг нее «санитарного кордона». Около половины американских туристических агентств под давлением госдепартамента США отказались обслуживать людей, желающих посетить Гренаду, хотя хорошо известно, что туризм для этой маленькой страны— главнейший источник валютных поступлений.

Месяц за месяцем в западной прессе публиковались десятки злобных статей, извращающих сущность преобразований на Гренаде. Готовились они, без сомнения, на деньги ЦРУ. Дополнял этот пропагандистский шабаш радиопередатчик «Голоса Америки», расположенный на острове Антигуа, а вдохновлял сам президент США. Он не раз заявлял, что Гренада-де угрожает морским путям, по которым Америка получает нефть, что кубинские строители— это переодетые офицеры, под контролем которых на острове возводятся военные объекты, что правительство Бишопа продает оружие сальвадорским повстанцам...

Своего рода психоз вызвало строительство международного аэропорта, который для Гренады, говоря словами Бишопа, имел бы такое же значение, какое имело в прошлом веке для США строительство трансконтинентальной железной дороги. Между тем президент США потрясал перед публикой фотографиями, сделанными со спутника. На них виднелось несколько строений, в которых, как утверждал глава Белого дома, разместился военный центр. Морис Бишоп, опровергая эти домыслы, сказал: «Если Рейгану так уж захотелось выяснить, что это за бараки, то незачем ему было для этого взбираться на вершину технического прогресса. Любой турист может свободно сфотографировать их обычным фотоаппаратом».

...Гренадская трагедия началась с раскола в правительстве Бишопа. Раскола, во многом, как теперь известно,

инспирированного извне и приведшего 19 октября к гибели Бишопа и нескольких его соратников. Через два дня после убийства Бишопа на горизонте перед островом выросла серая громадина американского авианосца.

...В операции вторжения было задействовано непосредственно 15 тысяч человек, в том числе и подразделения войск шести центральноамериканских государств. Эти подразделения призваны были придать «многонациональный» облик американскому разбою.

Интервентам противостояли 1200 бойцов народно-революционной армии Гренады и отряды вооруженной милиции. Своих воздушных сил у гренадцев не было. Армия была вооружена лишь зенитными орудиями и стрелковым оружием. Несмотря на это, гренадцы сражались геройски.

«Блицкриг» на острове американцы рассчитывали провести за четыре часа. Но лишь 29 октября, в 10.30 утра, командование гренадской армии приказало патриотам прекратить сопротивление во избежание дальнейшего кровопролития... Однако интервенты еще около двух часов расстреливали защитников радиостанции «Свободная Гренада».

Кубинские строители, вооруженные фактически лишь ненавистью к оккупантам, оклеветанные респектабельными журналистами Запада, находились в это время неподалеку от аэропорта. Согласно указаниям своего правительства, они готовились обороняться в случае прямого нападения. Как только американские вояки обрели многократное численное превосходство, по кубинцам был открыт шквальный огонь— орудийный, ракетный, минометный, автоматный.

Бомбардировке подверглись жилые кварталы Сент-Джорджеса. В каждой из атак участвовали 8—12 вертолетов и боевых самолетов, вооруженных ракетами и бомбами.

Были уничтожены многие гренадские министерства, больница, десятки жилых домов, резиденция премьер-министра. Позже обнаружится, что американцы не остановились и перед применением химического оружия, о чем писала мексиканская газета «Диа».

Специальные американские подразделения спешно закапывали трупы погибших гренадцев, заметая следы разбоя. В крохотном Сент-Джорджесе погибло не менее тысячи человек. И после этого у главы Белого дома повернулся язык сказать: «Я не знаю, были ли у нас миссионеры за рубежом лучше, чем американские солдаты на Гренаде».

Фарисеи из Вашингтона позже будут разводить руками: дескать, жертвы среди гражданского населения были случайны, как и разрушение гражданских объектов— детских садов, учебных заведений. Однако— немаловажная деталь!— ни один из отелей или иных объектов, принадлежавших частным владельцам, в основном негренадского происхождения, не пострадал. Как станет известно, еще задолго до начала агрессии пентагоновскими стратегами был тщательно изучен план Сент-Джорджеса и его окрестностей, намечены цели бомбардировок. Советское посольство тоже оказалось в числе мишеней. 26 октября территория посольства Советского Союза на Гренаде подверглась прямому обстрелу.

На рассвете 2 ноября американские солдаты, окружившие советское посольство, открыли беспорядочную стрельбу осветительными ракетами с целью терроризировать укрывшихся за его стенами людей. Только благодаря энергичным действиям сотрудников посольства был потушен начинавшийся пожар...

Что же принесли Гренаде американские «миссионеры», удостоенные высочайшей оценки своего президента?

«Особых признаков независимости не видно»,— вынужденно констатирует американская «Вашингтон пост». Какая уж тут независимость, когда марионеточным правительством Гренады фактически управляют Соединенные Штаты в лице своего посла, а также генерала Джека Фарриса— командующего оккупационным воинством. Обыски, облавы, аресты, контрольно-пропускные пункты, списки людей, которым запрещен въезд или выезд из страны, банды линчевателей, состоящие из выпущенных из тюрем уголовников,— вот сегодняшний день Гренады.

И реанимированные политические трупы и политические партии, давно отвергнутые народом, 30-процентная безработица, резкое снижение экспорта сельскохозяйственных продуктов, превращение острова в военно-морскую базу США— это тоже сегодняшний день Гренады.

Так была растерзана эта маленькая страна. Ее «спасение» стало несмыываемым пятном позора в истории США, символом предельного бесстыдства политики империалистов, насмерть перепуганных «призраком коммунизма». Политики столь же трусливой, сколь и подлой.

И. ДЬЯКОВ

ЭДУАРДАС

Эдуардас Межелайтис —
народный поэт Литвы,
Герой Социалистического Труда.
Стихи, которые мы
сегодня публикуем,
взяты из новой книги поэта —
«Асимметрия», которая
подготовлена к печати
вильнюсским издательством «Вага».

МЕЖЕЛАЙТИС

ОБЫКНОВЕННОЕ ПИСЬМО

Что написать?
У скрипки сердце ноет тихо.
После инфаркта. И не скоро
сможет петь.

А вечер, музыкой нокаутированный,
Упал на ринг — беспомощный медведь.

На бледной стенке ходики хворают,
Замучил их хронический бронхит.
И самовар который день хромает,
Никто беднягу не угомонит.

Пейзаж из деревянной рамы взвился
И рвется к лесу, как его двойник.
И тишина уснула, морду сфинкса
Ладонью подперев, — ей не до книг...

И трубка задохнулась, и пропала
Надежда — струйка быстрого дымка.
И только свет звезды,
как стоп-сигналы

Автобуса — видны издалека...

Что написать? Я б написал большое
Письмо — ведь ты одна на свете всем...
Да все здесь прозаичное, глухое.
И серо все в письме — как серым днем...

МНОГОТОЧИЕ

Весна полями солнце прикатила
И холст снегов забрызгала с обочин
Издалека похожим на чернила
Черно-зеленым многоточием...

И стало непонятно, что такое,
Чья копия, чей это беспорядок?
Махнуло солнце сказочной рукою,
И ветер необычно сладок...

И вырастают на холсте гурьбою
Зеленые ростки, трава шальная.
Вновь, как и в старину, сама собою
Даль открывается такая голубая...

Что остается мне? Весеннему рассвету
Протягиша руку через трассу,
Как моему Каспарасу — соседу,
Ведущему ремонт и перекраску...

ХВАТИТ

Все ветры распахали в вышине.
Уже мороз надел деревьям латы.
И ты, задумавшись, сказала мне:
Хватит...

В туманах мое лето не сыскать.
В дупле уснули песни виноваты.
Теперь мне будет ветер куковать:
Хватит...

Железо листьев по земле гремит.
Возок с приданым по ухабам катит,
Извозчик осень резко тормозит:
Хватит...

Окно мое замазывает грусть.
Мой синий день чернеет на закате.
И в такт с деревьями качаюсь я
и грусь:
Хватит — хватит — хватит...

ЛИТОВКИ

Нет, они другие, нежели ундины
На полотнах гениев золотых времен.
Нечто деревянное в их походках дивных,
Как у деревенских деревянных мадонн.

Речи их по ритму — шелест листьев
слаженный,

Гул дерев, языческая чистота.
Танцы их похожи на янтарное аджако.
В их узорах вышитых — дятлов пестрота.

Будит землю сонную выстрел утра —
в небе

Солнце перекатывается ядром.
И плывут литовки полем — словно лебеди,
Полыхают щеки молодым огнем.

Опершись о грабли, станут в поле
вместе.

Каждая мадонна — наклонна голова.
Какую бы печальную они ни пели
песнь —

На руках всегда у них качается Литва.

Ведь Литву литовские матери родили,
Баловали дочку медом, молоком.

На руках качали, сказку говорили
О зеленой Эгле с игольчатым платком.

Вновь они, как лебеди, проплыают
рожью.
Ждут их непогашенные очаги в домах.
Какая бы тяжелая им ни досталась
ноша —
Вечный огонь не тускнеет на щеках.

Это постоянство выткано ткачами
И кардиограммой вплетено в узор.
Шелестят высокие Эгле и качаются
Трудовые Эгле — наш зеленый бор.

Рута, клевер, маки — их кардиограммы —
Вытканы на лентах, потому что слов
Нету, чтобы сердце выразить словами.
Сердце Эгле знает лишь язык цветов.

Деревянность некая в их руках
медлительных,
Как у деревенских тех, странных мадонн,
Странных до того, что удивляются
ундины
На полотнах гениев золотых времен...

Перевод с литовского
Петра ВЕГИНА.

Семен молод—два месяца назад ему стукнуло всего восемнадцать. Настроение отменное, город приветливый, шляпа на голове новая, ноша хоть и тянет, но своя, а дом по адресу—вот он, перед глазами. Хороший дом, кирпичный, с балкончиками...

Лифта в доме не было.

Тащиться наверх улыбалось «на своих двоих», над головой маячило целых семь этажей, а чемодан и сумка были набиты от щедрого сердца, да еще туфли, новые и со скрипом, жали и жгли.

Семен рванул молodo и мощно—через две ступеньки на третью, но где-то на уровне четвертого этажа стал задыхаться, сделал еще один рывок и через полпролета остановился.

Снял правую туфлю и тут увидел старушку, бодро обгонявшую его. Охликнул:

— Бабушка!.. В молодости случайно не спортсменкой была?

— Что?

— Голову, говорю, оторвать тому, кто такие дома без лифтов строит!

— К Ковалевым?—почему-то обрадовалась она.—Тоже на 7-й?

— Знакомые?—Семен недоверчиво посмотрел на нее.

— Ну, как же!.. Соседи! А вы родственник?

— Приблизительно.

— Я так сразу и поняла.—Бабушка не отстает, держится за сумку.—С Анной Тимофеевной одно лицо. Не ошиблась?

— Мимо,—улыбнулся Семен.

— Неужели по линии Павла Герасимовича?

— Пальцем в небо!

— Значит, даже не родственник?

— Не ломай голову, бабушка, бесполезно!—Семен умудрился вытереть пот под шляпой, подмигнул попутчице.—Терпение!..

На седьмом, последнем, этаже старушка подошла к высокой, оббитой красным дерматином двери, почему-то шепотом сообщила:

— Здесь... Шестьдесят вторая.

Семен побледнел вдруг, как-то сразу подобрался, кивнул.

— Жми...—набрал в грудь побольше

ГЛАВНОЕ— СПОКОЙСТВИЕ

— А-а!—с готовностью отозвалась старушка и спустилась чуть пониже.—Опоздали, молодой человек. Дом этот строится еще в те времена, когда лифт считался буржуазной роскошью. Вам на какой этаж?

— Но-но!..—ответил Семен ее руку, надел туфлю.—Береги здоровье, бабушка.

— Вы зря стесняетесь,—она все же зацепилась за сумку.—Я за шестьдесят лет привыкла, а вам в новинку... В какую квартиру?

— Допустим, в шестьдесят вторую...

воздуха и уже более решительно повторил:—Жми!

Нажала. Стояли молча, ждали. Оба по неизвестной причине притихли, словно затаились, старушка посматривала на изменившегося парня и, когда по ту сторону—за дерматином—послышались шаги, ободряюще подтолкнула его, быстро шепнула:

— Если что, моя дверь—напротив...—И тут же предупредительно крикнула:—Свои, Анна Тимофеевна, открывайте... Сюрприз!

Недолго пощелкивали замки, потом дверь открылась, и Семен увидел моложавую, статную женщину, лет сорока с небольшим. От ее вида—чужого и удивленного—вдруг оробел окончательно, при этом продолжал улыбаться—улыбался неестественно и натянуто, ношу из рук не выпускал, и голова его от напряжения мелко-мелко дрожала.

— Вот,—сказала старушка и жестом подтвердила слова.—Гость...

— Здравствуйте,—удивилась Анна Тимофеевна.—К нам?

— К вам,—ответил Семен и тоже поздравился.—Здравствуйте.

Анна Тимофеевна теперь уже откровенно пожала плечами, чуточку отступила в сторону.

— Проходите...

В. МЕРЕЖКО

Киноновелла

Семен в прохладной прихожей поставил вещи, снял шляпу, старательно вытер взмокшую ладонь о штанину, протянул ее хозяйке.

— Будем знакомы—Семен.

— Анна Тимофеевна.

— Очень приятно...—Он сел на чемодан и стал снимать туфли.

— Одну минуточку,—tronула его за плечо Анна Тимофеевна.—Мне кажется, вы все же ошиблись. Думаю, мы не те Ковалевы.

Семен улыбнулся.

— Чехова, 95, квартира 62?

— Да.

— Дочь по имени Марина у вас проживает?

— Проживает.

— Вот и все,—развел руками Семен и снова взялся за туфли.

— Подождите,—хозяйка начинала нервничать.—Что значит—все?

— Все—значит все,—гость взял чемодан и сумку и в носках направился в глубь квартиры.—Спросите у Марину, она ответит... Кто такой Семен, ответит, откуда Семен, зачем Семен...—В большой комнате он поставил ношу на стол, расстегнул сначала сумку; достал из нее трехлитровую банку с чем-то темным.—Грибы!.. Я собирал, мать солила. Высший класс, никакой халтуры!

ВИКТОР МЕРЕЖКО—драматург.

Его имя известно нашим читателям любителям кино. Это по сценариям Виктора Мережко сняты фильмы: «Здравствуй и прощай», «Трын-трава», «Трясины», «Вас ожидает гражданска Никанорова», «Уходя—ходи», «Родня», «Полеты во сне и наяву» и другие. В театрах страны идут спектакли, поставленные по пьесам В. Мережко.

Сейчас он живет и работает в Москве. Член Союза писателей СССР. В «Крестьянке» публикуется впервые.

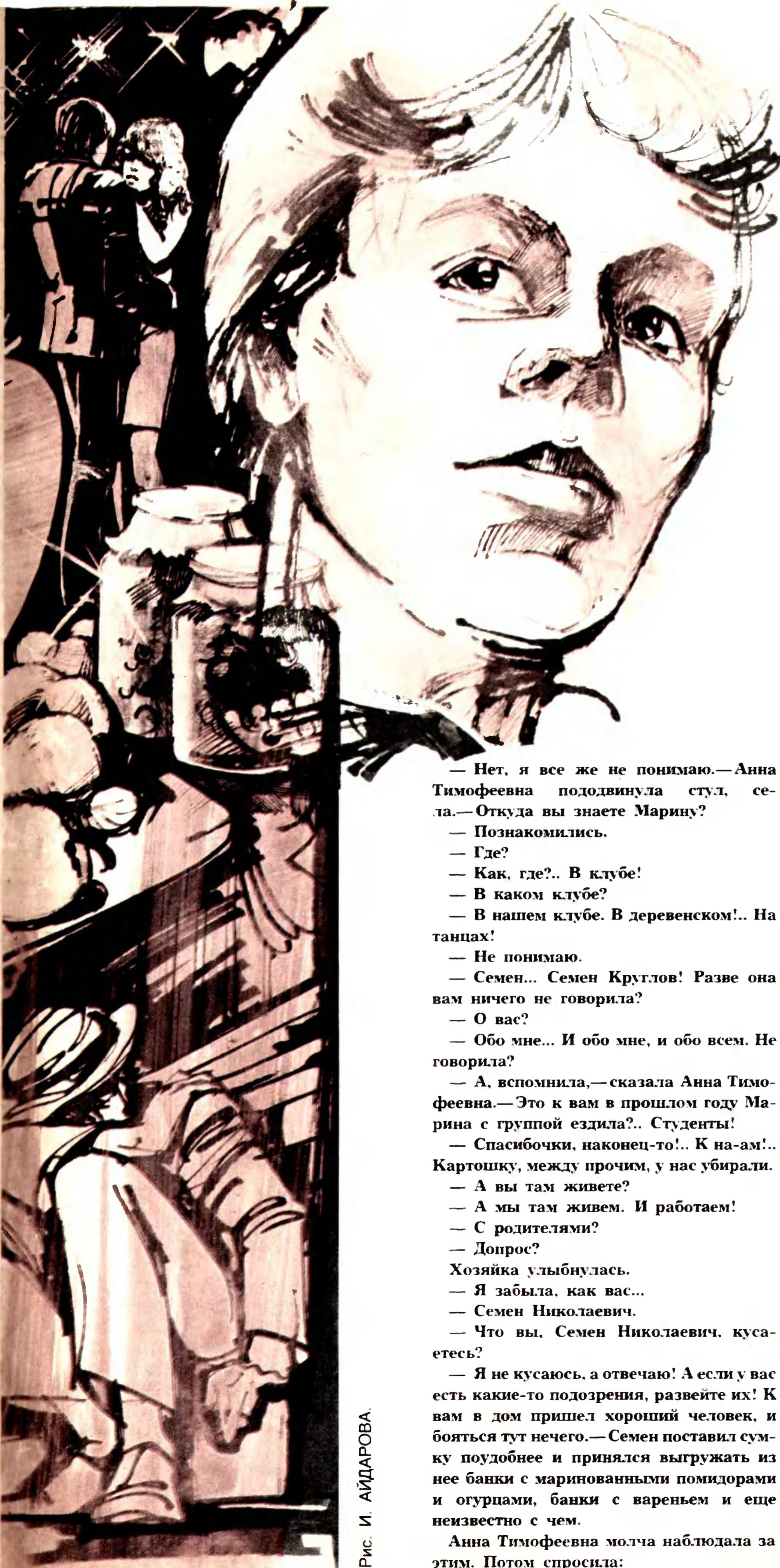

Рис. И. АЙДАРОВА.

— Нет, я все же не понимаю.— Анна Тимофеевна пододвинула стул, села.— Откуда вы знаете Марину?

— Познакомились.

— Где?

— Как, где?.. В клубе!

— В каком клубе?

— В нашем клубе. В деревенском!.. На танцах!

— Не понимаю.

— Семен... Семен Круглов! Разве она вам ничего не говорила?

— О вас?

— Обо мне... И обо мне, и обо всем. Не говорила?

— А, вспомнила,— сказала Анна Тимофеевна.— Это к вам в прошлом году Марина с группой ездила?.. Студенты!

— Спасиочки, наконец-то!.. К на-ам!.. Кartoшку, между прочим, у нас убирали.

— А вы там живете?

— А мы там живем. И работаем!

— С родителями?

— Допрос?

Хозяйка улыбнулась.

— Я забыла, как вас...

— Семен Николаевич.

— Что вы, Семен Николаевич, кусаетесь?

— Я не кусаюсь, а отвечаю! А если у вас есть какие-то подозрения, разведите их! К вам в дом пришел хороший человек, и бояться тут нечего.— Семен поставил сумку поудобнее и принялся выгружать из нее банки с маринованными помидорами и огурцами, банки с вареньем и еще неизвестно с чем.

Анна Тимофеевна молча наблюдала за этим. Потом спросила:

— Вы Марине писали, что приедете?

Он сделал вид, что не расслышал, снял со стола порожнюю сумку, на ее место пододвинул чемодан, развязал ремни и стал потрошить его: свежие яблоки, груши, свежие помидоры и огурцы, абрикосы в целлофановых мешочках. Промелькнула аккуратная стопочка чистых маек, трусов, носков, потом он вынул букет гладиолусов, завернутый во влажную тряпочку, положил перед хозяйкой.

— Вот. Чем богаты, тем и рады.

— Спасибо. — И повторила вопрос:— Так Марина знает о вашем приезде?

— А что вы так волнуетесь?

— Скажите, Семен Николаевич, что вас сюда привело?

— Не понял.

— Что вас сюда привело?..— раздельно, слово от слова повторила Анна Тимофеевна.— Не только желание выложить эти подарки?!

— Не только.

— Что же еще?

Семен помолчал, прикусывая что-то, пожевал губами, коротко взглянул на хозяйку и вдруг решился:

— Ладно, скажу... Любовь привела!

— Что?!

— Любовь! Настоящая человеческая любовь!

— Ваша?

— Взаимная!.. И ее, и моей!.. Больше вопросов нет?

И в это время в дверь позвонили.

— Вот, — сказала она. — Кажется, Марина.

Семен от неожиданности замер, потом схватил пустые чемодан и сумку, затолкал их в угол, поначалу—то ли для шутки, то ли всерьез—спрятался за дверь, но передумал, вышел снова к столу, принял расслабленную и даже нахальноватую позу и, пристукивая ногой, стал ждать.

Анна Тимофеевна впустила дочь, сказала:

— Хорошо, что пришла. У нас гость.

— Кто?— спросила Марина, сбрасывая туфли и надевая шлепки.

— Увидишь.

Дочь осмотрела чужую обувь в прихожей, с интересом зашептала:

— Ну, кто?.. Кто?

— Увидишь...— Мать отстранилась и ушла на кухню.

Марина на цыпочках приблизилась к гостиной, так же тихонько заглянула в нее и в первый момент не узнала Семена.

— Здрасьте,— сказала, но потом до нее дошло, кто это.— О!..— удивилась и совсем другим тоном повторила:— Здрасьте!..

— Привет!— спокойно ответил он, продолжая стоять все в той же гордой позе.— Как жизнь?

— Нормально... Откуда?

— Оттуда, откуда и все,— непонятно сопострил Семен, сделал несколько шагов навстречу, протянул руку.— Ну, здравствуй, что ли?— И потянулся, как бы желая поцеловать.

— Ты что?..— Марина отшатнулась.

— Что?

— Ну, даешь...—Она мотнула головой, на всякий случай отошла.—Соображаешь?

— А я, может, пошутил,—сказал гость.—Вы что, уже и шуток не понимаете?

— Понимаем!.. Только шуточки свои оставьте при себе!

— Мерси...—Поклонился он и приложил руки к груди.—Просим извинить за неудачный шаг.

— Пожалуйста,—так же поклонилась Марина и громко позвала:—Мама, что ты там делаешь?

— Сейчас...

— Почему, интересно, перестала отвечать на письма?—спросил Семен.

— Адрес потеряла.

— Свежо предание, только верится с трудом.

— Садитесь, ставлю пять.

— Ты, я вижу, разочарована моим появлением?

— Послушай...

— Слушаю.

— Воспитанные люди хотя бы предупреждают о своем «появлении».

— А я, может, хотел преподнести сюрприз?!

В гостиную, неся гладиолусы в вазе, вошла Анна Тимофеевна.

— Не помешаю?

— Это, мама, Сеня...—сказала Марина.—Он из той деревни, где мы в прошлом году были на картошке.

— Мы уже познакомились,—кинула мать.—Марина, проводи, пожалуйста, своего друга к себе в комнату.

— Но...

— Проводи Семена Николаевича к себе!.. А сама выйди, мне надо с тобой поговорить.

— Пошли...—Марина подошла к Семену, тронула его за локоть.

Он стоял, не двигался.

— Ну, пошли, слышишь?

Он глянул на нее, тяжело вздохнул.

— Эх, ты!...—И направился туда, куда его приглашали.

Марина из комнаты ушла сразу же, а Семен сидел на низком диване, смотрел в окно, за которым чистили перья и орали во все глотки воробы, а листья на деревьях к осени совсем уже покраснели и должны были вот-вот облететь.

Марина вошла, присела рядом с ним. Он не шелохнулся, не двинулся, никак не прореагировал на ее появление, продолжал смотреть в окно, молчал.

— Сень...

Не ответил.

— Ну, не обижайся, ладно?

Ни слова, ни полслова.

— Ну, ты, честное слово, как маленький. Кто ж так делает?.. Хоть бы телеграмму или как-нибудь по-другому, а то—раз, и здрасьте вам. Тем более что...—она недоговорила, замолчала.

— Что?—разжал наконец губы Семен.

— Ничего.

— Ну, развивай, развивай...

— Мы целый год не виделись и почти не

переписывались. Тебе это о чем-нибудь говорит?

— Не говорит.

— А зря!

— Не говорит, потому что люди могут по пять, а то и по десять лет и не видеться и не переписываться, но отношения между ними останутся такими же!

— Какими?

— Такими!

— А у нас какие были отношения?

— А ты уже забыла?

— А может, нам и помнить было не о чем?

— Не понял...

— Ну, поцеловались, ну, встретились, ну, наговорили друг другу, и из этого надо делать выводы?

— Марина...

— Что «Марина»?.. Что?.. Что?

— Разве ты не говорила, что любишь?..

И потом... потом мы же не только...»

— Ну и опять же—что?.. Что из этого?!. Ну, тогда любила, а теперь прошло. Раз-
летелось!.. Приехала — деревня, экзотика. Ты самостоятельный, настоящий. Все непохожее, все в новинку — вот и поплыла. А теперь — все...

Семен молчал, смотрел на нее.

— Что смотришь?

— Может, ты в кого-то другого влюбилась?

— Может, и так... Да, влюбилась. Влюбилась крепко, на всю жизнь! Если очень хочешь, я тебя с ним познакомлю.

— Хочу.

— Пожалуйста. Познакомлю, и выводы делай сам.

В дверь несильно постучали. Просунулась голова Анны Тимофеевны:

— Пришел папа, давайте к столу.

...Папа был большой, рыжеволосый, с густым, мощным голосом и крепкими руками. Ел он красиво, аппетитно, умело разделял курицу и подкладывал куски то одному, то другому в тарелки.

— Вот скажите, молодой человек,—обратился он к Семену, мусолившему вилкой и ножом куриную ножку,—почему вы бежите из деревни?

— Кто бежит?

— Ну, вы! Молодежь...

— Он-то как раз не бежит,—заметила Анна Тимофеевна.

— Ну, я образно. Не он бежит конкретно, а кто-то другой. Процесс все равно налицо. Что вас тянет в город?

Марина сосредоточенно копалась в своей тарелке и глаз не поднимала.

— Меня не тянет,—сказал Семен.—Меня сейчас домой тянет.

Папа громко и с удовольствием заходил.

— Браво!.. Прекрасно! Но, скажем так, ваша ситуация в данный момент действительно исключительна.

— Папа,—Марина подняла голову.—Мне стыдно...

— Я несу чушь?—удивился Павел Герасимович.—Прошу прощения. Но, друзья мои, о чем-то говорить надо. Нельзя же сидеть, жевать и молчать.

— Можно,—сказала дочь жестко.

— Пожалуйста. Но в таком случае я ничего не понимаю,—сказал папа и посмотрел на жену.—Кто-то, может, и понимает, а я нет. Не понимаю...

За столом установилась полная тишина, поскрипывали ножи и вилки, обиженно сопел Павел Герасимович. Он дотянулся до плошки с грибами, наложил себе побольше, попробовал, пожевал.

— Отменные грибы. И, что особенно ценно, великолепно приготовлены.—И обратился к Семену:—Мать готовила?

Тот кивнул.

— Удивительно здорово. А места у вас, наверно, грибные?

— Грибные.

— Прекрасно... А мама старенькая уже?

— Сорок.

— Как—сорок?—искренне удивился папа.—Всего сорок?—И снова захотел.—А я почему-то представил себе избушку на курьих ножках, а на завалинке древнюю старушку в платочке. И обязательно с клюкой...

— Вроде ведьмы?—усмехнулся Семен.

— Примерно... А она, Аня, на целых пять лет моложе тебя.

— Очень приятно,—холодно сказала жена и выразительно посмотрела на него.

— Опять не то?—удивился он.

— У нас дом на шесть комнат.—Семен перестал есть, с вызовом посмотрел на всех.—И к тому же недавно построенный. Марина была, знает.

— Очень приятно,—кинулся папа.—Сад-огород, наверно? Фрукты-овощи оттуда?

— А откуда же еще? С базара, что ли? У нас все свое. Марина все деревья облизала. Помнишь, Марина, как мама уговаривала тебя виноградом?

— Помню. Передай маме привет.

— Она тебе тоже передавала.

— Спасибо.

— Мама, значит, большой специалист по грибам,—опять вступил в разговор папа,—а чем отличается папа?

— Отец с нами не живет,—посмотрел на него Семен.—Бросил.

Стало тихо и неловко, и тут поднялся хозяин.

— А знаете,—заявил он,—мне этот паренек положительно нравится. Скажите, мой друг, на сколько дней к нам приехали?

— Ни на сколько.

— Как так?

— Так. Мне завтра надо быть на работе. В колхозе.

— Жаль... Очень жаль... Давайте, Семен, с вами выпьем. В честь, так сказать, вас, в честь знакомства.—И Павел Герасимович двинулся к серванту.

— В следующий раз.—Марина отодвинула тарелку, тоже встала.—А сейчас нам надо идти, нас ждут.

...Туфли жали прямо-таки невыносимо, Семен с трудом скрывал свое прихрамывание, так же с трудом спешивал за Марией, а город уже укутывался в темное покрывало, и в покрывале, как в прорехах, загорались огни, повисали над головами.

вой фонари, и все становилось праздничным, загадочным и чужим.

Кафе было небольшое, уютное, негромко играла музыка, и свет был неяркий и располагающий. Семен снял шляпу, огляделся.

— А где же соперник? — Он так и сказал: «соперник».

— Не остри, — ответила Марина и тут заметила, что из-за одного стола ей машут. — Пошли.

— Вижу.

Ничего такого особенного в «сопернике» не было. Парень как парень, высокий, худой, но зато модный и очень вежливый. Пододвинул сначала стул Марине, протянул руку Семену.

— Игорь.

— Сема.

Сели. Семен положил шляпу рядом на стол, внимательно посмотрел на Игоря.

— Интересно...

— Что вам интересно? — спросил тот.

— Как только неприятный человек, так обязательно Игорь. Почему?

— Действительно, — согласился Игорь. — Никогда не задумывался... А почему, как только в шляпе, так обязательно Сема?

— А чем тебе не нравится моя шляпа?

— Наоборот, нравится. Но как объяснить закономерность: Сема — шляпа?..

— Сейчас объясню или чуть погодя?

— Чуть погодя.

Подошел официант, приготовился записывать.

— Поесть что-нибудь, — сказал Семен.

— У нас кафе...

— Минуточку, — вмешался Игорь, — бутылку сухого, три мороженых и три кофе.

— Я кофе не пью, — сказал Семен. — Компот!

— Компota нет, — не глядя на него, ответил официант. — Есть вода.

— Того нет, этого нет. Что у вас вообще есть?

— Бутылку минеральной, — опять встал Игорь, и официант ушел.

— Послушай, Игорек, — Семен всем корпусом развернулся к сопернику. — Ты мне все больше и больше не нравишься. Может, кому-то из тут сидящих и нравишься, а мне нет. В чем дело?

— Во-первых, прекрати, — подала наконец голос Марина. — А во-вторых, убери со стола шляпу.

— Поперек горла она вам встала?.. А если я не хочу? Не хочу и не уберу!..

— Знаешь что?.. — сказала Марина, шевеля ноздрями.

— Не знаю, но предполагаю.

Молчали. Марина, продолжая раздувать ноздри, смотрела в скатерть, Игорь рассматривал что-то под самым потолком, а Семен переводил взгляд с нее на него, натянуто ухмылялся.

Музыка заиграла погромче, и две пары стали танцевать.

Игорь легонько тронул Марину за руку, она поняла, и они тоже пошли танцевать. Семен вполоборота наблюдал за ними — Марина была по-настоящему хороша. Он вытащил из туфель вконец он-

мевшие ноги, увидел, что к нему направляется официант.

— Друг, — обратился к нему Семен. — Хочешь, подарю шляпу?

— Вот эту?.. — кивнул тот, накрывая на стол. — А зачем она мне?

— Ну, как?.. Головной убор все же. От дождя, допустим, или снега...

— Благодарю, но шляп не ношу. Не модно.

Он ушел, музыка, а вместе с нею танец продолжались. Семен повертел в руках шляпу и сел на нее.

Марина и Игорь вернулись. Семен наблюдал, как Игорь разливает вино, спросил:

— Любишь ее?

Тот поднял глаза, с изумлением уставился на него.

— Вы в своем уме, молодой человек?

— Стесняешься признаться?

— Нет, у вас действительно не все дома?

— А я вот не стесняюсь... Даже могу здесь... Сейчас могу! — Семен посмотрел на Марину, улыбнулся. — Хочешь, чтобы все узнали?

— В следующий раз, Сеня, — сказала она. — А сейчас помолчи. Ладно?

Он достал из-под себя смятую шляпу, показал.

— Вот. Ради тебя... Ради тебя сделаю все, что хочешь. Что ты хочешь?

— Сеня...

— Давайте выпьем, — предложил Игорь, поднимая фужер. — Выпьем за наш странный, парадоксальный вечер.

— Да брось ты!.. — отмахнулся Семен. — Какой странный, какой парадоксальный?!.. Вот за нее!.. За тут сидящую!.. Маринка, можно я за тебя?.. А то за «странный и парадоксальный»... Я за тебя!.. Можно?

— Пожалуйста. Только не напейся.

— Без страха и упрека!.. — Он выпил, вытряхнул остатки вина на пол, поднялся. — Мадам, разрешите? — и жестом показал на танцующих.

— Нет...

— Я прошу вас, мадам!

— Потом, ладно?.. Потом.

— Потанцуй с ним, — сказал Игорь.

Ничего с тобой не случится.

Марина странно взглянула на него.

— Ну, ладно...

— Мерси! — послал ему воздушный поцелуй Семен и взял Марину под руку.

— Ты без туфель, — кивнула Марина.

— О!.. Пардон!.. Вернуться?

— Да, ладно... — отмахнулась она и, уйдя целиком в себя, стараясь ни на кого не смотреть, стала танцевать.

Семен тоже танцевал. Он выписывал разнообразные кренделя, взмахивал руками и делал движения, похожие на плавание.

— А он тебя не любит!.. — говорил он, то приближаясь, то удаляясь от партнерши. — Без подзорной трубы видно!.. Неважели не замечаешь?!.. А я люблю!.. Я вот люблю!.. Не веришь?.. Я ведь действительно могу сейчас при всех закричать!

Марина не отвечала, будто не слышала, даже не смотрела на него.

— Ты что, на самом деле не веришь?.. Или издеваешься?.. Марина!.. Маринка!.. Маринушка!.. — Он перестал танцевать, крепко взял ее за плечи, встряхнул. — Ты что, не слышишь? Я люблю тебя!.. Люблю! Понимаешь, люблю!

— Перестань... — Она попробовала освободиться. — Отпусти меня.

— Не отпущу!.. Никому не отдам! Ты моя!.. Единственная и нужная!.. Слышишь? Я год... целый год жил тем, что приеду! И вот приехал!.. И что?.. А ничего!.. Ничего нет!.. — Он продолжал трясти ее. — Ты забыла меня!.. Разлюбила! А мне через месяц в армию!.. И мне надо, чтобы ты ждала меня!.. Ты — любимая и единственная!.. А ты разлюбила!.. Ты не будешь ждать!.. А я люблю тебя!.. Понимаешь, люблю!..

Он взял ее лицо, приблизил к себе, хотел поцеловать, и тут Марина сильно, с короткого размаха ударила его.

Стало вдруг как-то тихо, даже музыка вроде приглушилась, танцующие приостановились, а Семен все стоял неподвижно и не мог понять, что произошло.

Марина спокойно, с высоко поднятой головой проследовала на место, так же прямо села, на вопросительный взгляд Игоря раздраженно дернула плечами.

Семен тоже вернулся к столу, неторопливо достал из кармана деньги, отдал красную десятку, положил на скатерть. Надел туфли, натянул на голову мятую шляпу, низко поклонился.

— Извиняюсь за компанию... — и двинулся к выходу.

На улице он пошел сначала медленно, неторопливо, потом шаг его стал убыстряться, чуть погодя перешел на спотыкающуюся бег, и скоро Семен уже несся, никого и ничего не замечая, не ощущая даже туфель, которые жали и жгли...

...Сонные, ничего не понимающие хозяева дома наблюдали, как он торопливо собирает чемодан. Павел Герасимович пытался спросить, узнать что-то, но Семен отталкивался, приговаривал:

— Спокойно!.. Сочувствие и утешения опосля!.. А сейчас главное — спокойствие!.. Спокойствие!..

Наконец затолкал пустую сумку в чемодан, снял шляпу, вытер мокрый лоб и, оглядев хозяев, подмигнул им.

— «Не грусти и не печаль бровей...» Так, кажется?.. По-моему, так! — Взял чемодан, молодецки встряхнул его. — Салют!.. Благодарю за прием. Пишите письма и шлите телеграммы!.. Гуд бай, фатер унд мутер!.. Солдатский салют вашей тохтер!.. Привет!

Вытолкался на площадку, стал уже спускаться вниз, когда открылась на лестничной площадке соседняя дверь и стаrushka позвала:

— Молодой человек!.. Послушайте!

Он не слышал, не хотел слышать, не хотел даже понять, что его зовут, слетел чуть ли не до первого этажа, остановился вдруг, присел на ступеньки, уронил голову на колени и стал мелко и часто трястись, стараясь удержать в себе рвущийся наружу крик.

ЖДАТЬ ИЛИ НЕ ЖДАТЬ?

...С Колей мы знакомы давно—со школьной скамьи. Весной он ушел в армию, и хотя мы ни о чем не договаривались, я все равно жду его. По-моему, только так и должно быть.

Таня Ивлева.

Псковская область.

На проводах в армию она представилась всем моей невестой. А через месяц вышла замуж за своего одноклассника. Мне об этом сообщили родные—она не удосужилась даже объясняться... Друзья, успокаивая меня, говорят: «Хорошо, что так скоро выяснилось, что никаких чувств к тебе у нее не было. И вообще не стоит ничего обещать друг другу перед такой долгой разлукой».

Аркадий Н.

Амурская обл.

Два письма—два разных ответа на вопрос: ждать или не ждать? Какой из них правильный? Наверное, это зависит от человека. Один непременно вспомнит слова песни «вы служите, мы вас подождем» и

приведет ряд примеров, когда ожидание обернулось счастьем. Другой, наоборот, расскажет об обманутых надеждах. Третий заметит, что истина посередине. И никто из них не будет до конца прав...

Прежде чем принять какое-либо решение, постарайтесь честно ответить себе на первый и, пожалуй, самый важный вопрос:

ЗАЧЕМ ВЫ

СОБИРАЕТЕСЬ ЖДАТЬ?

«Опять о серьезности намерений»—разочарованно скажет кто-то. Да, так. Пусть об этом уже достаточно сказано и написано, но сколько же молодых пар распалось из-за того, что серьезности-то у них напрочь не было. Срабатывала ловушка влюбленности, когда это яркое, как спичка вспыхивающее, но так же быстро сгорающее чувство принималось за истинную любовь.

Да, за вами ухаживал милый парень, вам он явно нравился. Совместное будущее

рисовалось радужным (хотя и туманным...). И вдруг—повестка. Приказ явиться на призывной пункт. И ваш друг уже не просто знакомый, а будущий воин, защитник Родины, а вы сами—его подруга. И далекий, но немеркнущий отблеск военных лет поновому осветил ваши отношения. Вас разлучает высокая необходимость—юноша уходит служить Отечеству, это его долг. Любовь подруги поможет ему с честью выдержать любые испытания: ведь там, дома, гордятся солдатом, верят в него, рады каждой весточке. Тот, кто любим, счастлив, ему все под силу.

Так хочется поддержать парня, уходящего в армию, обнадежить... И все-таки будьте искренни, не давайте поспешных обещаний, не лгите даже из великодушия. Впереди два года разлуки. Ваша поспешность в решении ждать при отсутствии глубоких чувств может причинить другому боль и сделать его несчастным. И не его одного. Так что первое, о чем мы с вами поговорим,—что делать в случае,

ЕСЛИ ВСЕ ЭТО БЫЛО НЕСЕРЬЕЗНО

Поговорить об этом необходимо. Если на проводах вы сидели рядом с призывником, уже на следующий день все окрест знают об этом. Однако вы не давали обещания ждать и соответственно ведете себя свободно. И тогда не удивляйтесь, заметив легкое презрение в глазах окружающих — ведь для них вы та, что должна ждать...

Значит, будьте честны и постарайтесь объясниться еще до проводов, не откладывая тягостного разговора на последний день, не возбуждайте ненужных надежд и кривотолков. Если же вы пришли на проводы, старайтесь быть как все — не ближе и не дальше других к будущему солдату. А когда на этом празднике прощания внезапно опять возникнет разговор, не идите на поводу у суетной жалости — спокойно и достойно подтвердите бесповоротность своего решения.

Если же, не смея огорчать парня, вы вызвались ждать — что ж, почта поможет вам объясниться окончательно. Только теперь не рубите сплеча, особенно в первые, самые тяжелые для вашего друга месяцы службы. Будьте в письмах сдержаны и серьезны, исподволь подводя другого к мысли о том, что ваши отношения не имеют будущего. И когда сами по письмам поймете, что парню нужна совершенная ясность — напишите искреннее послание. Получив ответ, пусть резкий — обижаться не приходится, сообщите об изменениях в ваших отношениях другим. Тяжело и сложно? Но что поделаешь, ведь вы виноваты в том, что не сумели вовремя ответить на важный для обоих вопрос: ждать или не ждать?

Всех этих сложностей могло бы не быть, если бы вы мудро вели себя в

МЕСЯЦ

ПЕРЕД ПРОВОДАМИ

Вот-вот придет повестка. Вы знаете, что разлука неизбежна и разговор о будущем уже нельзя откладывать. Не избегайте этого разговора из ложного кокетства, стыдливости или самолюбия, наоборот, попробуйте начать его сами. И если ваш друг уклоняется от решительного ответа, впору задуматься: а есть ли у ваших отношений будущее?

Но нет, парень убежденно говорит о своем желании всегда быть с вами... Однако одного разговора наедине в таких случаях мало. Постарайтесь познакомиться с семьями друг друга (вовсе не обязательно как жених и невеста — материнские сердца чутки и поймут все без слов). Чаще и смелее появляйтесь с вашим избранником на улицах, в кино и на танцах. И, конечно же, непременно приходите на проводы, где ваше почетное место — рядом с другом и его родителями.

Есть еще одно, о чем необходимо поговорить. В последние дни перед разлукой ваш друг может все настойчивее просить у вас доказательств любви. Не разочаруйте ли вы своего избранника согласием? Не будет ли он потом, уже в разлуке, терзаться беспочвенной, но оттого не менее мучительной ревностью, представляя, что, уступив ему, вы сможете уступить и другому? Тем более что во время разлуки положение ваше станет довольно неопределенным: не жена, не невеста... Стараясь избежать этой неопределенности, молодые порой задумываются:

А НЕ СЫГРАТЬ ЛИ СВАДЬБУ?

Что же, ученые отмечают, что брак нынче помолодел, и хотя 18 лет — это не 22—23 (средний возраст вступающих в брак у нас в стране), нет правил без исключения, тем более что в деревне люди взрослеют раньше, чем в городе. Но ответить самим себе «да!» на вопрос о раннем браке вы можете только при выполнении нескольких необходимых условий, причем исключение любого из них пагубно для вашей будущей семьи.

Ваше юное супружество будет удачным только в том случае, если вы действительно любите друг друга (а не принимаете за любовь недолговечную влюбленность). Если знакомы достаточно давно и успели узнать друг друга (по данным социологов, лучший срок предбрачного знакомства — около полутора лет). Если вы все-рьез хотите создать семью, иметь детей и свой дом. Если родители согласны с вашим решением или если их несогласие не сможет погубить счастья вашей семьи. Если вы достаточно зрелы в социальном плане — в состоянии обойтись без помощи старших. И, наконец, если вы действительно готовы к разлуке, потому что знаете, что такое

ОЖИДАНИЕ

С давних пор известно, что ждать и догонять — едва ли не самые трудные на свете вещи. И очень может быть, что двухлетний срок покажется вам вечностью. Не отчайвайтесь — разлука ведь когда-то кончается. Отбросьте тоску и черные мысли. Не впадайте в двухлетнюю спячку подобно спящей красавице из сказки. Найдите себе новые интересные дела. Займитесь самообразованием, ибо милый ваш придет из армии уже другим — более умным и зрелым, а значит, и вам надо «подрасти». Словом, продолжайте жить, но все-таки не так, как прежде.

Ожидание суженого предполагает особое достоинство. И оно должно проявляться в вашем поведении.

Никакого кокетства и даже чуть-чуть вольных разговоров с другими парнями. Вы любите танцевать? Ходите на танцы, но постарайтесь не вызывать ненужных пересудов — не стоит целый вечер танцевать с одним и тем же партнером, даже если он прекрасный танцор. И уж вовсе не нужно в письмах к другу хвастать своими нечаянными победами, рассказывать, кто из парней ищет вашего расположения: появление соперника, пусть даже мнимого, вряд ли обрадует.

Не забывайте проводить родителей своего избранника, помогайте им по хозяйству, проводите время с его братьями и сестрами, делитесь новостями, которые вы узнали из писем с обратным адресом «в/ч №...».

Кстати, о письмах. На долгие два года они станут для вас единственной возможностью жить жизнью друг друга. Пишите обо всем, что у вас происходит, чтобы другой, далеко от вас, мог день за днем наблюдать вашу жизнь. Рассказывайте о своих радостях и удачах, обязательно интересуйтесь жизнью солдата, его успехами, делами и намерениями. И не стыдитесь писать о своих чувствах — тому, кого любят, любая служба нетяжела.

С. ВИКТОРОВ, психолог.

Фото Б. ЗАДВИЛЯ.

Владимир СОКОЛОВ

*Время тянется, катится, мчится.
Штемпеляют. И ставит печать...
Надо письма писать научиться.
Научиться на них отвечать.*

*Не пора ли? Затеряна в росах,
В бездорожьях печаль затая,
Я ведь знаю, в каких ты вопросах
Быешься там, нездача моя.*

*И рука моя сизнова метит
За тетрадью другую тетрадь.
Кто напишет тебе,
Кто ответит,
Если я перестану писать.*

ЛЮБОВЬ

*Утешь меня. Скажи мне: все неправда.
И я поверю. Я хочу поверить.
Я*

*должен
верить
через не могу.*

*На удаленном синем берегу
Моей реки, зовущейся Непрядва,
На камушке сидишь ты. Злая челядь —
На противоположном берегу.*

*Утешь меня. Скажи мне: все, что было,
Случайность, наважденье, не закон.
И я влюбленно, а не через силу
Тебе отвечу русским языком.*

*Утешь меня. Чтоб впредь не попрекали.
Ведь я силен. Еще сильней — со зла.
...И я погибну на реке Каяле,
Чтоб ты, как Русь, как девочка, жила.*

Рис. А. ГРИШИНА

радуга над

Хроника жизни

Годы птицами просвистывают над наши-
ми головами, уходят сроки жизни — не-
велико знание, к каждому оно прихо-
дит в свой день и час, и немало тех, кто в
ужасе хватается за поседелую голо-
ву — пропели годы, пролетели. Прислушай-
ся: какие птицы звали тебя в твой земной
полет, каким ты поверил, доверил-
ся — ведь и синица есть, которая в руках, и
журавль в небе, и яркий, но беспечный
щегол, и синяя птица надежды, и фин-
ист — ясный сокол добра и труда, и извеч-
ный феникс, возрождающий тебя, если
дело твое стоило того, и жар-птица, согре-
вающая округу — каждый может ею стать,
не заказано: только трудно это.

Мы оставили Бориса Михайловича Кусто-
диева в трудный для него час, надломлен-
ного мучительным неддоровьем...

Летом 1924 года крестьяне села Семе-
новское-Лапотное снарядили в путь-дорогу
своего гонца, секретаря волисполкома Ко-
робова. Побродив по умытому долгими дож-
дями Ленинграду, он нашел улицу Введен-
скую и поднялся на четвертый этаж. Дверь
открыла сухощавая милая женщина с тем-
ными печальными глазами. Она проводила
посланца в мастерскую. Хозяин работал.

Он сидел перед холстом в кресле на
колесиках и то откатывал себя от моль-
берта, то приближался к нему, одной
рукой управляясь с каталкой, а другой
нанося резкие и быстрые мазки, будто
протыкал холст мушкетерской, не знающей
промахов, шпагой. С тех времен, когда
Борис Михайлович последний раз был в
Семеновском, он сильно изменился: огруп-
выбелился, как человек, не бывающий на
солнце, кажется, и ростом меньше стал от
отвычки к ходьбе.

Поздоровались. Коробов был смущен, не
зная, как разговаривать с инвалидом, но
хозяин так жадно расспрашивал о Семе-
новском, так искренне не переживал за
себя, что гость быстро освоился, попил
чайку и приступил к делу. Коробов не с
пустыми руками пришел: в посылке, при-
сланной семеновскими, Борис Михайлович
узнал старую свою, десятилетней давности
скульптуру. А в командировке значилось — «для доставки гражданину Кустодиеву
принадлежащего ему «бюста старика». Борис Михайлович был страшно обрадован — и гость и бюст были весточкой из
молодости, из ушедшей навсегда здоровой
жизни, из «Терема», самим построенного и
любимого. «Терем», сколько же с ним
связано! И только хорошего, счастливого...
Юлинка отбивается от ненасытного любо-
пытства детей, лето, бродящее по дому
солнечными сквозняками, картины, замыслы... «Терем», в котором он хотел прожить
всю жизнь вместе с семеновскими мужика-
ми, вместе с бабами на праздничных база-
рах...

Борис Михайлович взял бумагу и ручку.
«В Семеновский Волисполком.

Принося мою искреннюю благодарность
за сохранение деревянного бюста моей
работы, который я получил в настоящее
время от товарища Коробова, прошу Волис-
полком принять от меня в дар дом мой и
землю «Терем» для культурных надобно-
стей. Хотелось бы, чтобы там была школа.

Б. Кустодиев».

Немного времени прошло, и сообщил ему
местный учитель, что стал «Терем» шко-
лой и что отработано было миром на
перевозке дома и переоборудовании 1712
человеко-дней и 358 коне-дней, а вскоре и
сами ученики написали: учимся в вашей
школе, а ваши картины помогают нам рисо-
вать. Дело шло к Новому году, и Борис
Михайлович послал ребятам дары Деда
Мороза — игрушки, конфеты, краски: он ра-

довался — жив был «Терем», что ж с того,
что уже не его жизнью жив...

Не знали тогда ученики, что небогато
жил последние годы их щедрый даритель.
Деньги обесценились, и, как все, Кустодиевы
голодали и зябли. Юлия Евстафьевна
овладела новыми для нее ремеслами: ло-
миком разбивала доски заборов на дрова и
меняла картины на продукты. Сыпной тиф
гулял по стране, забрался и сюда, на
четвертый этаж, свалив отца и дочь. Ей бы
в отчаяние прийти, да кто же тогда семью
вытягивать будет? Хлопочет за них Горь-
кий, на стол вождя революции Ленина
ложится письмо наркома Луначарского:
«Кустодиев — весьма демократически на-
строенный и по-своему великий художник,
думается, крупнейший из мастеров живопи-
си, имеющих сейчас в России. Знаю, что в
последнее время страшно бедствовал. Ког-
да это было доведено до моего сведения, я
принял все меры к улучшению его положе-
ния».

Одна из приятных новостей — сообщение
о трех именных пайках. Лучший подарок
каждого дня — горсть щепок: должна все
время подтапливаться печурка, без этого
мерзнет голова (он постоянно в меховой
шапке) и зябнут руки, не может работать. А
вот пиршество того самого 1924 года, когда
он подарил «Терем»: блины и домашнее
вино из изюма.

Это все новости, приятные и не очень:
новости, но не суть. Ибо есть нечто, что
выше всего. Его работа. И сегодняшний
день революционной страны. Уже восемь
лет он неподвижен и прикован к креслу. Ну
и что? Разве Гомер не был слеп, а Бетховен
глух? С высоты своего четвертого этажа он
разглядел гораздо больше, чем многие его
полнокровные современники. Еще юношей
он не мог понять, как можно носить костюм
стоимостью в год жизни для нормальной
семьи. Молодым художником заявил, «надо
отдавать долги народу», и вот теперь при-
шло это время. Едва оправившись от тифа,
он пишет одну из своих самых знаменитых
картин — «Большевик». Тот же вроде бы
Кустодиевский, запруженный праздничной
толпой. Но над всеми людьми, домами и
церквами, пробивая небо, движется рабо-
чий человек, и алое знамя в его руках реет
над всем городом. В Кустодиевске появи-
лись новые улицы. Старые его улицы с
чаепитиями и купчихами, солнцем, жарой,
праздной ленью, плотью, эти улицы не
исчезли, просто они потеснились, стали не
единственными.

Профессор, академик, усыпанный золо-
тыми медалями, как новогодняя елка блес-
тками, он прощался со вчерашними со-
братьями по живописи, временно или на-
всегда (многие думали, что временно, а
получалось — навсегда, как Маявин) поки-
давшими Россию, и говорил сыну, начи-
нющему художнику:

— Ты счастливый, доживешь и увидишь
сам всю красоту предстоящей жизни, а в
жизни самое главное — труд и право на
отдых после труда. Это и завоевано сейчас
народом, раньше этого не было, жить было
трудно, унижительно и мерзко.

Отдых после труда он любил изображать,
и это был праздник, но вот изобразить
праздник — это и был его тяжкий, неотрыв-
ный труд, и работал он столько, сколько
мог держать кисть в руках: восемнадцать
часов, десять, пять, два...

Большевик. 1920. Масло.

Портрет Ю. Е. Кустодиевой. 1926. Рисунок.

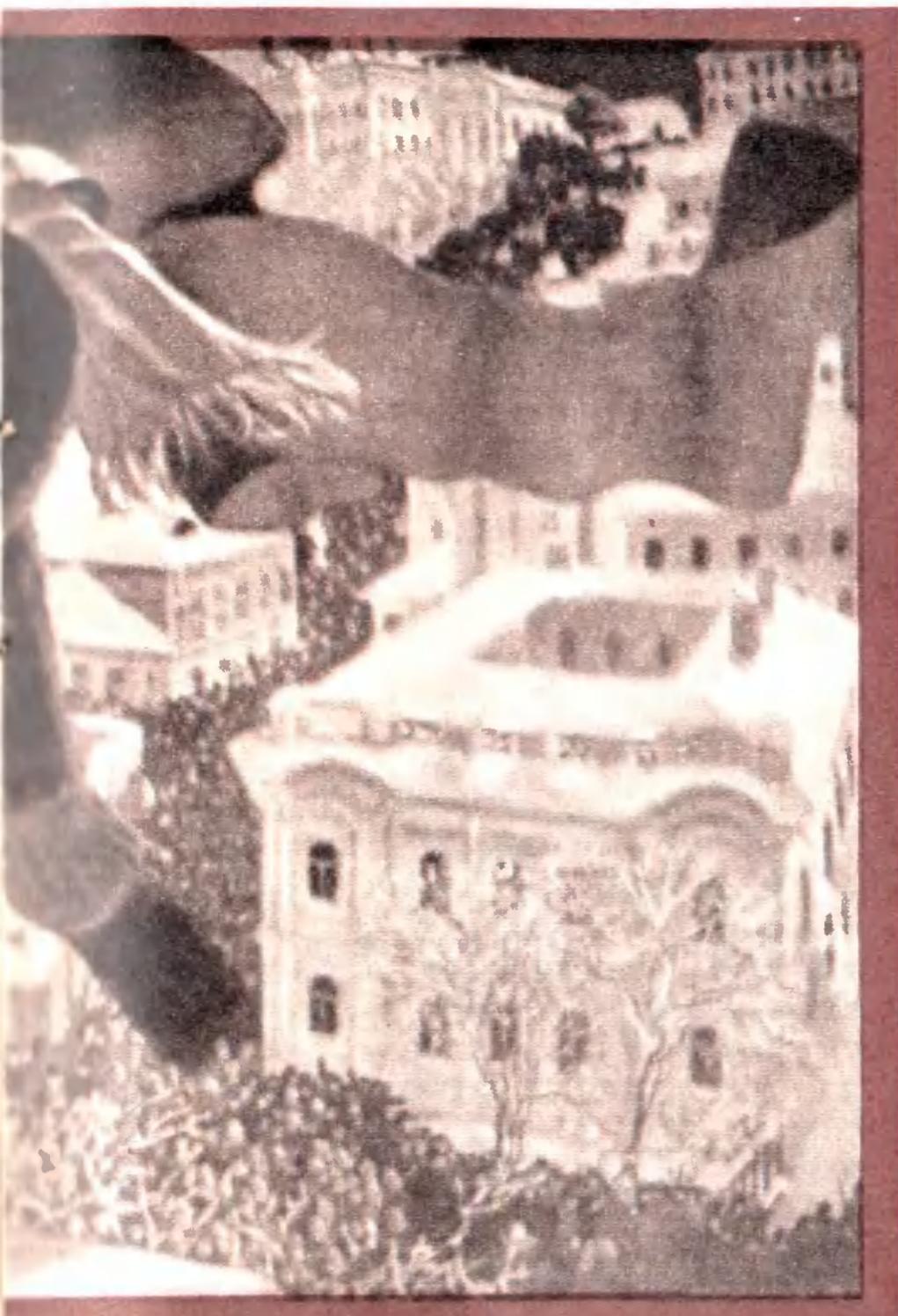
Портрет будущих академиков П. Л. Капицы и
Н. Н. Семенова. 1921. Масло.

Время предложило ему крученые обсто-
ятельства: нет красок, нет холста, да ниче-
го нет! А он не принял этих обсто-
ятельств — писал никудышными красками,
зная, что картины могут погибнуть (многие и
погибли), писал на обороте уже готовых

КУСТОДИЕВСКОМ

**Эрнст
МАРКИН**

счастливого человека

картин. а когда совсем уж стало туго заниматься живописью, перешел на графику. резал по линолеуму, эбониту, что под руку попадалось. сделал иллюстрации к сотням книг, не гнушался оформлять отрывные календари. сам напрашивался оформлять дешевые книжки серии «Для крестьян» и журналы для сельского в основном читателя — и загудели, засверкали по взбаламученной, неграмотной, но жадной до знаний России его переплясные девки и залихватские победоносные красноармейцы, снопы и наковальни — броские символы мира, труда, счастья.

И сейчас на выставках и в альбомах его эти мелкие, тысячами изготовленные рабо-

ты не оттесняются высокомерно большими его полотнами, а живут в радостном и плотном единстве.

Конечно, что скрывать, он уставал от заказных бесконечных работ, они отнимали времени больше, чем ему бы хотелось. Но он не мог, не понимал, как можно выполнить эти заказы небрежно, немастерово. Даже когда появлялась досада на неинтересный объект, он знал, надо преодолеть себя, и тут же появится внутренний голос долга, а долг обязательно пробудит интерес. Это что же, спрашивали его, насилие над собой? Да нет, другое, отвечал Борис Михайлович: для художника не может быть, не должно быть неважного, недостойного, ибо весь мир прекрасен и интересен. А думая так, знал он, что ни один день своей жизни не посчитает пропащим, ведь он работал, а работа есть жизнь, а жизнь есть праздник...

Не голод, обильно сдобренный холодом, не отсутствие холста и красок, даже не тиф были его врагами. Это что ж, временно, переможется вместе со всеми. А вот личный его враг уже плотно поселился в его теле и хозяиничал вовсю, враг страшный, неостановимый. Враг смертельный. Он еще пишет «Прогулку», где изобразил себя и Юлию Евстафьевну, но он уже знает, что никогда не сесть ему на рысака; еще кое-как ковыляет на двух палках или костылях и даже пытается путешествовать, чтобы набраться впечатлений, насытить голодающие глаза, пока мир его не суживается до пределов квартиры. А вскоре и костили не помогали, одна нога безжизненно волочилась, другая предавала. И был день: он упал, когда остался в квартире один, упал и не смог подняться. Упал лицом вниз, как срубленный солдат. С тех пор его уже одного не оставляли, и мир его как будто бы съежился до одной комнаты, кресла и окна. Часто вместо подписи он рисовал церквушку с голубым куполом, потому что одиннадцать лет будет видеть ее из окна ежедневно и ежечасно — мир, кажется, сужен до едва различимой точки... Но он же сделает эскизы для праздничного оформления одной из площадей Петрограда в честь первой годовщины революции, но дух захватывает от тысяч лиц его революционных картин — а ведь и все-го-то был вынесен из дома, усажен в автомобиль и прокачен по улицам (автомобиль дал Луначарский), — да журналисту на заметку крохотную не хватит! Когда он с огорчением смотрел на неудавшиеся полотна своих товарищей, он не говорил, что им не хватает таланта или профессионализма, он говорил — «любви мало!». Вот в чем дело! А любви у него было через край, и любовью (и волей, конечно!) писал он и картины и «стенки» к календарям.

Но все же таки — так мешала, так мучила боль, и, несмотря на больное уже сердце, решился рискнуть — испытать еще одну операцию. Его предупредили: наркоз может быть только местным, общего не выдержит сердце. Это значит, что не будет больно только коже, а когда нож пройдет дальше, в спинной мозг... тут уж, мил человек, рассчитывайте только на свое мужество. Борис Михайлович посоветовался со своим мужеством и решился.

Перед первой операцией он, как мы знаем, просил никому не говорить о своей болезни, напротив, просил говорить, что чувствует себя замечательно. Но, зная тяжесть ее, заканчивает подготовленные к

выставке работы: «Не знаю, останусь ли жив. Сегодня иду в музей насладиться, может быть, в последний раз...»

Накануне второй, стоя на костылях и зная, что операция более чем опасна, он дописывал одно из гигантских своих полотен.

И вот — третья. Он пишет письмо 18-летней дочери.

«Милая и дорогая Иринушка.

Пишу тебе накануне завтрашней операции. Чувствую я себя отлично пока. Наркозу большого давать мне не будут, а только местную анестезию сделают.

Рисовал сегодня гримы для Островского. сделал 9 рисунков — конечно, всё пришлось сделать наспех. Работать в комнате с открытой дверью в коридор, где бродят хромые, завязанные и забинтованные больные,— это не очень-то удачная обстановка для рисования типов Островского... Ну, милая, целую тебя, желаю успеха в работе и особенно в работе над собой и над своим отношением к людям. Обнимаю, целую.

Твой папа».

Операция продолжалась четыре с половиной часа, и Борис Михайлович знал, что она продлится не меньше. Врачи каждую минуту ждали болевого шока и неизбежной смерти. Опухоль в спинном мозгу оказалась доброкачественной, величиной с грецкий орех — и ничего в течении главной болезни эта операция не изменила, просто костлявая и на этот раз натянула на себя платье надежды.

Через месяц его привезли домой. Не оставляли мучительные судороги в ногах. В кровати он не мог сам повернуться. Дочка спросила, как он себя чувствует. Борис Михайлович воскликнул: «Отлично! Отлично!» — и сияющими глазами окинул стены мастерской. Смотрел на сотворенное и незаконченное, уже примериваясь, с чего начнет: со старых ли долгов, с новых ли залумок, пришедших в больнице.

А уже начала сохнуть правая рука.

В этот черный год третьей операции (с точки зрения здоровья, когда они были светлыми?) Борис Михайлович выпускает замечательную книгу «Русь. Русские типы Б. М. Кустодиева», участвует во всех крупных выставках, пишет пейзажи, занимается скульптурой для фарфора, в его квартире проводятся собрания художников, делает эскизы декораций, заполняет рисунками десятки альбомов. Он живет! Он работает! Его посещают художник Нестеров и писатель Алексей Толстой, они видят лишенного подвижности, но веселого, обаятельного, талантливейшего человека. Они и не подозревают, что спит он теперь на резиновом матрасе, что голову поднять нельзя от болей в шейных позвонках. Просто умница и художник, которому не больно-то повезло со здоровьем, но который, кажется, и внимания особого на это не обращает — и молодец, настоящий человек...

По делу приезжает Шаляпин, задумана постановка «Вражьей силы» по пьесе Островского, а кому же как не Кустодиеву воплотить на сцене мир Островского?

Давайте присмотримся к встрече этих двух людей, рожденных Волгой.

Один — гигант, красавец, атлет, дорогая шуба нараспашку, любимец, пышет здоровьем и славой. Другой...

«Жалостливая грусть охватила меня, когда я, пришедши к Кустодиеву, увидел его прикованным к креслу. Жалко было смотреть на обездоленность человечью, а вот

ему как будто она была незаметна: лет сорока, русый, бледный, он поразил меня своей духовной бодростью — ни малейшего оттенка грусти в лице. Блестяще горели его веселые глаза — в них была радость жизни».

Кустодиев соглашается на все предложения, но Федор Иванович замечает, что художник на него как-то этак посматривает, как будто ухватывает его своими веселыми и цепкими глазами, как будто утягивает в себя.

— Ну-ка, — говорит Борис Михайлович, — вот попозируйте мне в этой шубе. Шуба у вас больно такая богатая. Приятно ее написать.

— Ловко ли? — отвечает Шаляпин. — Шуба-то хороша, да возможно, краденая. Недели три назад получил ее за концерт. Предложили спеть концерт и вместо платы деньгами али мукой предложили шубу. Экий я мерзавец — буржуй! Не мог выбрать похуже — выбрал получше.

Хитрит? Только что сочинил?

— Вот мы ее, Федор Иванович, и закрепим на полотне. Ведь как оригинально: и актер, и певец, а шубу свистнули.

Смешно? Да, во всяком случае, весело, два веселых таланта к делу приступают. Приступка не дело, вот — дело.

Единственным человеком, кто не видел один из самых совершенных шедевров Кустодиева, был сам автор, сам Борис Михайлович. Картина огромна, и, чтобы оглядеть ее всю целиком, надо отойти на порядочное расстояние, так, где-нибудь в центр зала Русского музея. А куда отойдешь в тесной мастерской? Да что картина, он и Шаляпина-то толком не мог, как художник, разглядеть: мастерская — это для Шаляпина не масштаб, даже не рама.

Брат Кустодиева, славный своей мастеровитостью, сообразил наклонный мольберт, и Борис Михайлович писал картину почти лежа в кресле: писал, видя ее целиком только в сознании. Он глядел вверх перед собой, видя всего несколько цветовых пятен и, как заметил его друг: «Это с его-то болями в шее, в руках!» И закончив, тоже не увидел; его поздравляли, восторг был единодушный, а он так и не увидел.

Нет, не иссякали строительные материалы памяти, надежды и любви. А могучий Шаляпин бегал по городу, доставал грузовик, и вместе с сыном или братом поднимали с коляской немощного титана и везли его в театр — мастер пожелал быть на каждой репетиции, чтобы уточнить декорации.

...Когда речь заходит об излюбленном кустодиевском типе, то сразу же вспоминают его «купчик», «кустодиевских красавиц», воплощавших его мечту о России, образ самой России, добытый из своего понимания родины и слитый с артезианскими глубинами былин и сказок. («Купчиха» — что? Не более чем знак, подпись под картиной). И вот такая деталь. Пышных красавиц в жизни он не любил. Но как только пытался отойти от «своего» типа, у него ничего не получалось. Над нэпманшами смеялся, презирал их — а кто как не эти откормленные красотки походили на прежних купчиков? Да и кто были его «купчихами»? Актриса Художественного театра, сыгравшая купчиху в пьесе Островского, домработница, дочь, которую он ласково называл Путей, соседка, живущая двумя этажами выше: вот ведь какие странные купчиши...)

Такой еще вопрос — почему женщина? Ну, а почему береза, а не дуб? Почему Волга, а не Енисей? Его дородные красавицы направляемо говорили о красоте, урожайности самой жизни. Вот и в словаре Даля: дород — урожай в должной мере; дородный — здоровый, гладкий, крепкий и вид-

ный, красивый, статный. Дородным может быть и дом, и жить можно дородно. Вот где отгадка его купчих.

Мужчинам что же, не повезло? Ведь не говорят же «кустодиевский мужчина»... Ну, и неправильно, что не говорят. Он есть, он неизмеримо реже встречается, но он есть. Просто от мужчин требовал этот тип одного — быть гигантом и в физическом и в духовном смысле. А многие ли потянут? Но когда он встречал такое в жизни — возникал, распахнувши «краденную» шубу на полгорода, Шаляпин; показала свою мощь революция, и зашагал над городом, да что над городом! — над миром! — его «большевик».

И была в городе Кустодиевске заветная, заповедная улица. Не то, чтобы она была перегорожена запрещающими знаками, или там дома на запоре, нет, но как часто ее проскачивали, чтобы вернуться на галдящие площади. А здесь все было тихо, как шорохи майских ветров, светло, но не ярко, любовно, но любовь эта всегда была полувысказана, словно не для всеобщего обозрения — хоть и картина — выставлялась. И жила здесь всего одна женщина. Вот она застигнута в счастье, но счастье живет лишь в намеке улыбки, вот она купает ребенка под сенью сирени, еще, еще портреты, но только все печальнее глаза ее, и суще и тверже становится рот.

Имя этой женщины, его ангела, сестры милосердия, имя его любви и бесконечно твердой и надежной опоры — Юлия Евстафьевна Кустодиева. Но если он никогда не считал себя мучеником, то и она не была мученицей. Это благодаря ей дом их был не только надежен, но и весел: когда надо, она садилась к роялю, который Борис Михайлович выменял на картину: приходила нужда, и она брала в руки ломик и шла добывать дрова. С изумлением смотрела она, как брат Бориса Михайловича мастерил бог весть из какой дряни автомобиль, и мастерил именно на их последней ценности, на красивом и дорогом диване (вот здесь ему приспично, больше негде), но как же рада была, когда автомобиль этот не разнесло на куски, как раньше мотоцикл, и они не часто, пусть раз в несколько месяцев, вывозили Бориса Михайловича то до кинотеатра, то до Эрмитажа (друзья-художники выстилили входную лестницу досками и вкатили его на коляске в залы), то до друзей, чтобы послушать новинку — детекторный радиоприемник.

Равными они были и по человеческому таланту и по таланту любви, и в этом было их счастье.

И только на портретах глаза ее становились все печальнее.

В 54-летнем возрасте Ирина Кустодиева, Путя, вспоминала:

«Сколько любви, преданности, какое чувство долга нужно было для того, чтобы пятнадцать с половиной лет отдать помощи и душевной поддержке тяжелобольного мужа! И никогда ни слова недовольства, ни намека на усталость. Верный друг, нежная мать и хозяйка, она была женщиной необычайной душевной чистоты и удивительной доверчивости. Все тяготы жизни, все заботы по дому и семье лежали на ней одной. Да, отец не ошибся в выборе спутницы жизни, она была достойна его. Я хочу, чтобы все это знали, ибо без ее повседневной помощи и ухода он не мог бы жить, не мог бы работать...»

Ирина одного не сказала, может быть, главного. Что эти пятнадцать с половиной лет были не полутора десятками лет безнадежной, хоть и гордой борьбы с судьбой, а были взлетом творчества художника, годы, когда он стал им, расцвел и изумительно совершенствовался. Ангелы наши — они же не в сферах хрустальных летают на

эфирных крылышках; вот они, рядом с нами, в простенькой шали на зябнущих плечах, с горстью щепочек в руках...

У него трясутся руки, он не может делать тонкую работу — хорошо, он откладывает тонкую, делает, какую может, руки обретают силу, и он возвращается к тонкостям. Он не может самостоятельно разрезать блина, а создать изумительную «Русскую Венеру» может!

Уже беспрерывно болят руки, запястья, плечи, ко всему полная атония кишечника, боли слегка заглушаются, только когда он слушает музыку или стихи — и к нему приходит Блок и читает стихи несколько часов подряд, и врывается шумный могучий Шаляпин и поет ему три часа, а Борис Михайлович подпевает. Вот уже сам и к роялю подъехать на коляске не может — Ирина приводит 13-летнего, вихрастого мальчика, он играет, Борис Михайлович хватает карандаш, бумагу — и рождается вдохновенный портрет Мити Шостаковича.

Он уже только пять часов может сидеть в кресле, немеют пальцы рук, но к нему приходят собратья по ремеслу за «запасом бодрости, умиления и веры в жизнь» (М. Добужинский), и «при виде этой невероятной, прямо фантастической жизненной потенции становилось стыдно за недостойные минуты недовольства судьбой, сетований и прямого нытья у нас — здоровяков и крепышей» (И. Грабарь). Да разве только люди! — кустодиевская кошка с утра приносит Борису Михайловичу по котенку, вспрывгивала на колени и подавала ему по мяукающему мячику в зубах. — так они за пазухой Бориса Михайловича и копошились весь день, питались его теплом.

Шел май 1927 года. Два месяца назад Луначарский сообщил, что Борису Михайловичу выделено Советским правительством 1000 долларов на поездку в Берлин для лечения. Ему едва исполнилось 49 лет. 15 мая к Кустодиеву обращаются с правительственный заказом на картины, посвященные десятилетию Революции, а вечером он празднует с друзьями свои именины. Скоро ложится — ко всем болячкам прилепилось еще и воспаление легких. Через день состояние его признано безнадежным. Лежа, он доделывал очередные эскизы и нарисовал карикатуру на Путя. В 11 часов вечера его не стало.

Светло шелестел майский ласковый дождь. За гробом шагал художник Замирайло, отогретый теплом кустодиевского дома. По широкополой шляпе и плащу текли струи. И по лицу: то ли дождь, то ли слезы.

— Плачет природа, — сказал он, словно оправдываясь. — Скучно без Кустодиева.

А через год открылась выставка, задуманная к 50-летнему юбилею и ставшая посмертной. И не только зрители, даже критики были потрясены величием сделанного. Тысяча работ — все разные и все единные: будто дома, улицы, площади одного счастливого города.

Это был волшебный, дивный город, галдящий, дерзкий, радужный, огромный. Вам кажется, что вся лазурь собрана с неба и брошена на церковные купола, все изумруды мира выстланы по земле вместо травы, все шамаханские шелка тут окутали статных пышных красавиц. А на горе стоит в роскошной шубе Федор Иванович Шаляпин. А за углом молодая счастливая женщина купает ребенка, и огромный куст сирени осеняет их, как венец невесту. А на новых улицах тысячные толпы чувствуют революцию, и несет — и вечно будет нести — рабочий человек алый стяг, обвевающий землю.

В майские свежие дожди кажется, что природа плачет, скучно ей без Кустодиева. До сих пор.

ПО ВАШЕЙ ПРОСЬБЕ

Ксения Зеоргинау

В школе, дома, на вечерах,
в самодеятельности — всюду,
где было можно и даже нельзя, пела.
Мечтала поступить
в театральный институт.
Приехала в Москву, пошла в
Щукинское училище, провалилась
на втором туре, а
дальше было, как в сказке.
Видимо, я была настолько потрясена
провалом, что какой-то человек
подошел ко мне на улице и спросил,
что со мной. Я ему все рассказала.
Это был композитор Саульский.
Он привел меня на прослушивание
во Всероссийскую творческую
мастерскую эстрадного искусства...
После учебы в мастерской работала
в разных ансамблях.
Люблю ездить — не путешествовать,
а с концертами: никого нельзя
обделять
песней, пусть ее слышат
и в отдаленных селах и в юных
городах.
Приз зрителей, врученный
на одном из туров
Всесоюзного телевизионного конкурса
«С песней по жизни», считаю
самой дорогой наградой.

Фото Б. Задвиля.

УРОКИ МУЗЫКИ

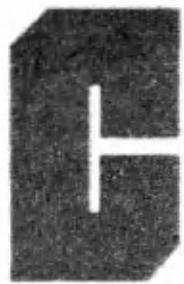
Музыка В. Ильина.
Стихи Ю. Рыбчинского.

Целый день, целый день,
целый день
Заставляет тебя шанс
Повторять, повторять, повторять:
«Да», «ре», «ши»,
«фа», «соли», «ля», «си».
А в окне, в в окне, как во сне,
Дождь играет свои гаммы,
И звучит целый день за окном
Старомодный клавесин.

ПРИПЕВ:
А в переулке узеньком
Который день подряд
Дает уроки музыки
Маэстро-листопад:
Но, видно, эта музыка
Мальчишке не слышна,
И я брошу по городу
Одни.

Целый день, целый день,
целый день
Занимаешься зубрежкой.
Ты окно отвори, распакни
И увидишь там и тут:
Вместо нот, вместо нот, вместо нот
Ты услышишь за окошком
На пяти, на пяти проводах
Птицы звонкие поют.

ПРИПЕВ:

реди мифов и легенд коренных народов Чукотки есть сказ о золотом олене. Рассказывают:

Было это в незапамятные времена... Жил в тундре олень. Весь из золота, а живой. Огромный и добрый. Но вот как-то ночью, когда олень уснул, уставший за день,—а дни в ту пору были, как века, и, как века, были ночи,—к нему подкрались злые духи. Заколдованным ножом убили красавца оленя, отsekли ему голову. «Вот сколько золота! — радовались они.— Только как его взять?» Голова огромная, сил не хватит. Позвать кого-то на помощь, но ведь делиться придется... Сидят, думают... А в это время туловище и голова оленя начали врастать в землю и между ними вдруг хлынула вода — с севера и с юга. Так и образовались два полуострова: Чукотка и Аляска... «Ах, вот как, — разгневались духи.— Раз нам не досталось золота, то пусть же никому и никогда оно не достанется»,—решили они и сковали то богатство вечной мерзлотой.

С тех пор, утверждает легенда, пришлось человеку все силы тратить на борьбу за свое существование на этой мерзлой земле...

В самом деле: скучна растительность Чукотки. Ледяные выюги выскоили скалы. Но все же нет-нет да и блеснут бисеринки ягод — шишка, голубика, вот они пластаются по камням, рядом с лишайником, а в россыпях и долинах зеленеют травы, растут удивительные цветы, деревья низкорослые, но красивые и живущие. А теперь и березки появляются в городах и поселках и лиственницы.

Невелики по численности народности, издревле населяющие полуостров: чукчи, эскимосы и другие. Но вместе с ними, рядом с ними живут и трудятся тысячи энтузиастов освоения этого северного края — из разных республик и областей нашей огромной страны. Они во многом помогли коренным жителям овладеть грамотностью, знаниями, получить современные профессии, научиться использовать современную технику, приобщиться к бесценному богатству многонациональной советской культуры, бережно сохраняя и развивая при этом национальную культуру и традиции.

Выросли на Чукотке города и поселки городского типа со своими производственными, торговыми предприятиями, домостроительными комбинатами, поликлиниками и больницами, детскими садами, школами-интернатами, домами и дворцами культуры.

Таков и поселок Мейгыпильгино в Беринговском районе. Двухэтажные дома со всеми удобствами, кое-где появляются даже палисадники... А совсем неподалеку Берингово море, сопки, летом зеленые или серые, с белыми пятнами снега, не тающего на склонах и в лощинах даже в июле — августе. Тундра. За сопками текут и впадают в Берингово море три речки — Большая, Средняя и Малая Варочки. По берегам их то и дело встречаются яранги. Это своеобразные летние «дачи» для стариков-пенсионеров. Зимой они вместе со своими детьми и внуками живут в современных теплых квартирах, а летом возвращаются к временам своей юности.

В одной из таких яранг живет народный

Известная чукотская поэтесса Антонина Кымытваль (слева) готовит на костре национальные чукотские яства.

сказитель Иван Ильич Рольтет. Познакомила нас известная чукотская поэтесса Антонина Кымытваль, большой энтузиаст собирания фольклора. Она специально прилетела из Уэлена, чтобы записать на магнитофон песни старого Рольтета.

Звезды заглядывают в ярангу через дымовое отверстие. Красноватые блики причудливо скользят по лицам людей, сидящих у костерка, что разложен под большим чайником. Иван Ильич поет свою долгую песню. В одной его руке бубен-ярар, в другой извилистая палка, этакая синусоида. Он проводит бубном по вершинам «синусоид», и бубен отзывается на различные лады — ду-ду-ду... думмм-думмм-думмм...

О чем поет Иван Ильич? О том, как жили и живут люди Чукотки, о том, что их окружает.

А новое и старое, традиционное и только недавно возникшее — они существуют здесь рядом, переплетаясь и дополняя, обогащая друг друга.

В Анадыре проектируется создание музея-заповедника под открытым небом. Там можно будет увидеть, узнать, как жила Чукотка много веков тому назад и как начиналось строительство Советской власти, — там будет мемориал первого ревкома Чукотки.

В Уэлене, в школе-интернате, педагоги и школьники под руководством директора С. М. Раскина создали музей истории края, которому может позавидовать иной профессиональный музей. Здесь собран материал о многих людях, про которых можно сказать: они были первыми. Это и первая медсестра-чукча Вера Амос, и создательница первого эскимосского букваря Вера Анкелина, один из первых летчиков-чукчей Тымнеттагин, первый депутат Верховного Совета СССР, бывший пастух-чукча Тевлянто...

В том же Уэлене находится и знаменитая — без преувеличения, на весь мир — косторезка. Под ее крышей художники-косторезы создают свои шедевры — изящные с неповторимым рисунком гравюры на

моржовом клыке, миниатюрные скульптуры из китовой кости и многое другое.

Большой поселок Уэлен — поселок оленеводов и учителей, радиостанций и морзверобоев. И вот, представьте себе: на улицах его — целая процессия с «колдунами» и «колдуньей» во главе. Это значит, что наступил праздник ПОЛЪА — праздник кита. Молодой историк Тасян Сергеевич Тиин поясняет: «Еще несколько десятилетий назад кит и морж были главной надеждой, гарантированием благополучия коренного населения. Люди выходили, чтобы убедить «душу» кита, «хозяина» праздника ПОЛЪА, почтить посыпать к нему его сородичей».

На празднике присутствовала и Надежда Павловна Отке — председатель исполнкома Чукотского окружного Совета народных депутатов Магаданской области, ныне депутат и член Президиума Верховного Совета СССР.

Судьбы Чукотки, ее людей, природы, ее сегодняшний и завтрашний день — все это кровное, личное дело Надежды Отке, коренной жительницы полуострова.

Среди ее забот — строительство дороги, которая должна соединить поселки Лаврентия и Лорино. Понятно, что дороги для Чукотки — жизненная необходимость. Но треки вездеходов ранят почву — тонкую, нежную почву на толще мерзлоты. Как уменьшить травмы?

Другая проблема, занимающая Н. П. Отке — перспективы более широкого использования термальных вод. Благодаря такому топливу Чукотка может иметь собственные оранжерейные фрукты, овощи, цветы, бассейны с теплой водой, где можно купаться круглый год...

Новые потребности новых поколений рождают новые задачи. Не в этом ли и состоит непременная закономерность жизни? Так и на Чукотке.

Новое время разгладило старые морщины этой древней земли. Упругим, широким шагом молодости идет она дорогой поиска и открытий.

А. СТАБИЛИНИ, кинорежиссер
Фото автора.

СКОЛЬКО ЛЕТ ТЕБЕ, ЧУКОТКА?

Народный сказитель Иван Ильич Ролтет.

Уверенно стоит на своей земле
этот юный житель Чукотки.

Из давних времен пришел
этот народный праздник ПОЛЬЯ — праздник кита.

„Душевно, по-человечески”

Первое письмо пришло из Ивановской области. «Дорогая «Крапива», — писала Г. С. Матушкина, — что-то ты затаилась и молчишь. Или считаешь, что уже и писать не о чем? А приглядись-ка ты повнимательнее к бытовому фронту... То сроки выполнения заказов срываются, то так «захимчиштят», что вещь вдвоем грязнее становится, или сдашь новую кофту, чтобы ее покрасили, а тебе выдадут взамен потрепанные штаны. Созвала бы ты всех этих бракоделов да и поговорила с ними по душам».

Примерно об этом же пишут П. М. Захарова из Калужской области, М. К. Артемова из Волгоградской и Г. В. Зайцева из Калининской.

А в самом деле, почему бы и не собрать? — подумала «Крапива» и бросила клич: «Бракоделы, ко мне!»

И вот за «Круглым столом» (с острыми углами) сели представители Павлодарской, Брянской, Черниговской, Белгородской и Куйбышевской областей. Рвались за стол и из других регионов, да места всем не хватило. Пришлось отдать предпочтение тем, которые прибыли раньше.

— С кого начнем? — задала «Крапива» уже традиционный вопрос.

— Да можно и с нас. — поднялись труженики Борского комбината бытового обслуживания Куйбышевской области. — Имеем богатый опыт борьбы с клиентом...

— Ну, что ж, делитесь, — сказала «Крапива». — Каждый опыт достоин изучения.

И они поделились.

Сдала Н. Г. Вострикова, преподаватель Борского ССПТУ № 1, новую юбку в химчистку при местном КБО. Пятнышко на ней было. Малюсенькое. Ну и начали его чистить. Чистят-почистят, а вычистить не могут. «А давайте мы его поскребем», — предложил один из местных рационализаторов. Поскребли. Вначале ножичком. Потом, по-видимому, рубанком. А там, надо полагать, дело и до топора дошло, потому что на месте пятнышка образовалась дыра, раз в пять больше его.

— И вот приходит эта клиентка и начинает выступать — с возмущением рассказали труженики

бытфронта. — Вы, мол, мне юбку новую порвали. И с дыркой я ее носить не буду. А мы ей в ответ, вежливенько так: «Знаешь что, дорогая? Заказ мы выполнили? Выполнили. А будешь ты эту юбку носить или нет — нас не касается. Может, ты фирменные джинсы приобрела, поэтому так и привередничашь. Те, которым юбки нужны, любые носить будут. Не посмотрят, сколько на ней дырок».

Вот видишь. «Крапива», вроде бы и душевно, по-человечески отнеслись, а она, неблагодарная, шум подняла. И пришлось нам ей половину стоимости этой юбки уплатить. Обидно до слез... Ну, думаем, ладно, красавица, ты еще к нам обратишься! Уж мы на тебе отыграемся! И что ты думаешь. «Крапива», ведь обратилась! Через год обувь в ремонт принесла. А мы ее выпроводили так, что она сама всю жизнь будет наше КБО за десяток верст обходить, да и детям и внукам закажет...

— Это что... — поднялись представители приемного пункта села Шаблиново Коропского района Черниговской области. — У нас и похлестче случаи бывают. Вот мы тут целое зимнее пальто так училили, что год никто найти не может. Приходит к нам время от времени его хозяйка. Нина Васильевна Ильяшенко, ну и, конечно, тоже шум пытается поднять. Но только шумом-то нас не очень испугаешь. «Ты на кого шумишь? — поднимаемся мы на принципиальную высоту. — На работников государственной службы быта? Скажи спасибо, что с тобой по-хорошему, по-человечески...»

— Опыт у вас интересный, но

до нас вы еще не дотянули, — заявили труженики красильного цеха быткомбината г. Клинцы Брянской области. — И, может, потому не дотянули, что дело у вас скучное: химчистка, ремонт... От одного слова скучлы воротят. А у нас — краски. Широчайший спектр. Нехватка палитра. Необъятный простор для выдумки...

И красильщики рассказали забавную историю. Купила Наталья Сергеевна Питоль семь мотков ниток, затратила тридцать пять рублей, немало долгих вечеров и

связала кофту. Хорошая кофта получилась, нарядная. Ниток немного не хватило на рукава, но мастерица вышла из положения — довязала другими. И решила она окрасить свое изделие в черный или коричневый цвет. А для этого поехала в город Клинцы, там, в КБО, красильный цех есть. И сдала в окраску. Отчаянная женщина, прямо скажем...

А когда приехала получать... О, где найти такое перо, чтобы описать все то, что она увидела? Кофта была двухцветная — один рукав черный, другой коричневый, длиной своей она напоминала детскую распашонку, а по ширине годилась на средней величины циклопа. Ну и... отказалась от кофты клиентка.

— Понимаешь, «Крапива», — подытожили труженики красильного цеха. — Других эта клиентка могла бы до слез своими переживаниями довести. Но тут не на тех напала. Не нравится, остроумно сказали мы ей, тогда распусти ее и носки свяжи. Всей родне хватит по паре. А к нам, пожалуйста, без претензий. Надоело!

— А вы зубастые! — не скрывая восхищения, воскликнула делегация Корочанского Дома быта Белгородской области, возглавляемая его директором Анатолием Харитоновичем Масленниковым. — С фантазией работаете. Но, пожалуй, и вас мы перещеголяли. Ведь в других комбинатах как? Упрощенно к делу подходят, примитивно. Приносит клиентка материал, подбирает фасон, оформляет заказ и ждет срока его изготовления. А сама толком не знает, что ей надо. Накрутит разных архитектурных излишеств, а ты и возись с ними. Мы же у заказчицы на поводу не идем, мы: сами ее ведем за собой. Нам, специалистам, виднее, как проще всего платье стяплять.

Бывает, конечно, наденет она наше платье, поглядишь на нее, беднягу, и со смеху чуть не падешь, да еще и хвалишь: «Точь-вточка на вас сшито. А чтоб еще красивее было — вот здесь немножко уберете, а здесь отпустите, этот рукав подрежете, а этот, наоборот, надставите, тут вот надо подсточить, а там вырезать. И тогда — хоть под венец...» Запутаешь ее, бедолагу, кругом.

она и уходит распутывать.

— А зачем вы это делаете? — наивно спросила «Крапива».

— Да неужели ты не понимаешь? — удивились корочанские бытовики. — Это же самая прогрессивная форма обслуживания. Во-первых, клиентки навыки шитьевые приобретают. Для этого везде платные курсы работают. А мы учим и ни копейки не берем. Во-вторых, художественный вкус развивается. Она вначале-то растеряется, а придет домой и разбираться будет потихоньку, как из положения выйти. А в итоге в каждой крестьянской избе создается свой индивидуальный мини-Дом быта. И клиентам хорошо, и нам блаженство...

— А вот мы хотим поделиться опытом ремонта холодильников. — выступили вперед работники быткомбината села Харьковка Краснокутского района Павлодарской области. — Мы так в этом деле нашустроились! Пока присверяет заказчик отремонтированный агрегат — все хорошо. Но только привезет домой — и начнет этот агрегат разные финтили выбрасывать: шуметь, дрожать, подпрыгивать, а из задней части его искры летят, как из трубы паровозной. Ну и везет его клиент к нам снова. А в результате план перевыполняется.

Вот недавно обратилась к нам заказчица Могильная из нашего села. Так мы с ней за ремонт 88 рублей 57 копеек требовали, а через несколько дней она снова к нам пришла. Мол, искры летят. Боится, что дом сгорит. Перестарались мы, видно, малость. А сколько других случаев! Можем еще рассказать...

Но «Крапива» их остановила.

— На первый раз достаточно, мои ненаглядные, продолжим на следующем заседании, — сказала она. — Уже то, о чем вы поведали, заслуживает пристального внимания. И прежде всего внимания вышестоящих организаций. Будем надеяться, что они заинтересованно изучат ваш опыт и дадут ему соответствующую оценку.

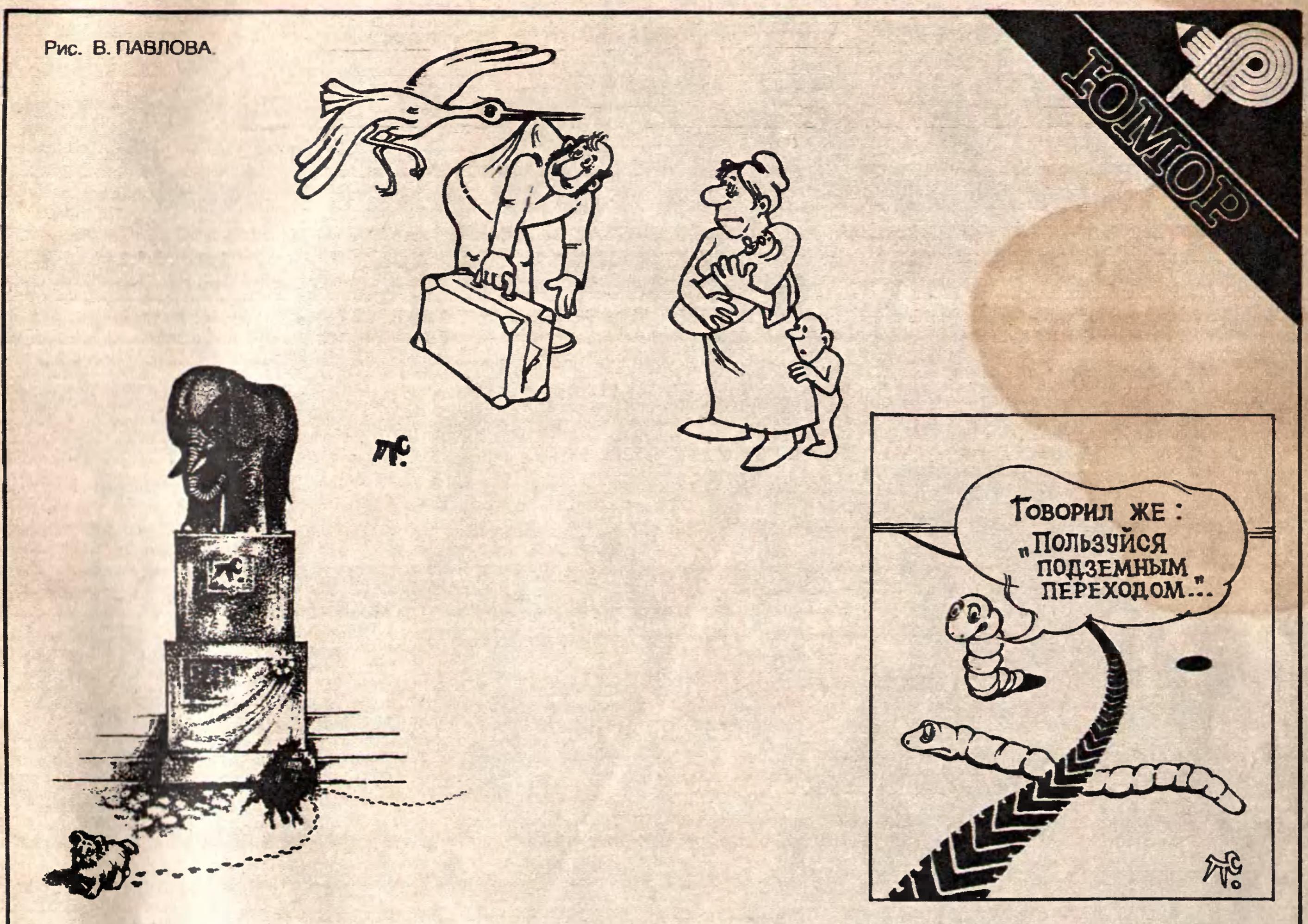
Спасибо за внимание!

Протокол заседания «Круглого стола» вел И. АЛЕКСАНДРОВ.

Рис. С. ДЕСЯТНИК.

Рис. В. ПАВЛОВА.

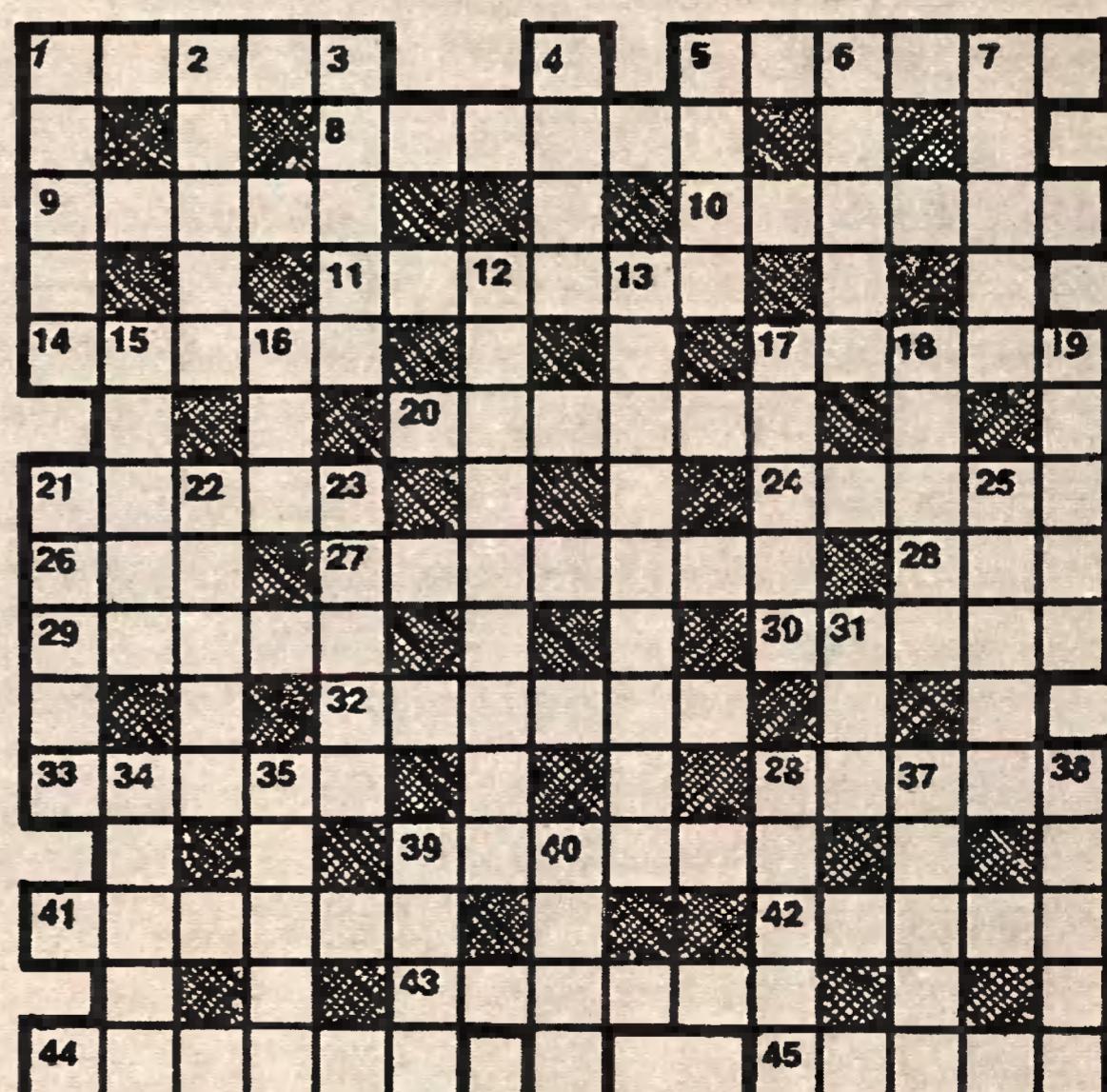
ПО ГОРИЗОНТАЛИ. 1. Русский писатель, автор повести «Степь». 5. Огородное бобовое растение. 8. Часть света. 9. Известный декабрист, автор «Записок». 10. Северная лососе-вая рыба. 11. Австрийский композитор, создатель романтической песни-романса. 14. Этнографическая группа мордвы. 17. Хвойное дерево. 20. Старое русское название окорока. 21. Лимонная или апельсинная корка. 24. Черный дятел. 26. Детская игрушка. 27. Столовая посуда. 28. Чародей, волшебник. 29. Крикливая перелетная птица. 30. Углубление, по которому течет река. 32. Большой четырехколесный экипаж. 33. Дальневосточная лесная куница. 36. Символ воинской чести. 39. Неразложимое словосочетание. 41. Мерило, образец. 42. Городской вид транспорта. 43. Австралийское животное, покрытое шерстью и иглами. 44. Дорожно-строительный материал. 45. Домашняя одежда.

ПО ВЕРТИКАЛИ. 1. Водяной орех. 2. Хищный зверек. 3. Рыболовная снасть. 4. Часть океана. 5. Предмет в игре, где по жребию назначают шуточное задание. 6. Орудие для ловли птиц, зверей. 7. Предельная норма. 12. Вид закуски. 13. Опера Д. Верди. 15. Растение, паразитирующее на деревьях. 16. Геометрическое тело. 17. Стихийное бедствие. 18. Герой многих произведений Конан Дойла. 19. Известный французский физик и астроном. 21. Город в Швейцарии, в котором больше года жил В. И. Ленин. 22. Столица Сенегала. 23. Стремительное нападение. 25. Пресноводная рыба. 31. Река бассейна Алдана. 34. Персонаж пьесы М. Горького «На дне». 35. Водное пространство, вдающееся в сушу. 36. Прием метателя ядра, гранаты. 37. Смазочное масло. 38. Русское название рубина и сапфира. 39. Вид осадков. 40. Садовый цветок.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, ОПУБЛИКОВАННЫЙ В № 9

ПО ГОРИЗОНТАЛИ. 1. Чудак. 6. Елена. 7. Головизна. 9. Квиса. 10. Пурка. 11. Ньево. 13. Шталь. 16. Брашов. 20. Шостка. 24. Рука. 25. Обточка. 26. Урок. 27. Атаров. 28. Корова. 29. Сито. 30. Саранча. 31. Олиб. 32. Сливки. 34. Лужина. 36. Таган. 39.

КРОССВОРД

зимой и летом

разным цветом

КРЕСТЬЯНКА

№ 10 • 1984

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ
И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ
МОСКВА. ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»
ОСНОВАН В ИЮНЕ 1922 ГОДА

Главный редактор
Г. В. СЕМЕНОВА

Редакционная коллегия:

И. П. АЛЕКСАНДРОВ

Т. А. БЛАЖНОВА,

Г. Е. БУРКАЦКАЯ,

Е. Г. ГРИГОРЬЕВ,

Р. Ф. КАЗАКОВА,

О. П. КОЛЧИНА,

А. В. КУПРИЯНОВА
(ответственный секретарь),

Э. Б. МАРКИН,

Л. Е. ПИШЕНИНА,

М. Б. РЫЖИКОВ,

Л. Ф. СЕРГИЕНКО
(заместитель главного редактора),

Л. В. ХАНБЕКОВ,

В. Я. ЧИСТЯКОВА,

Л. И. ШВЕЦОВА.

Главный художник
В. В. Федоров.

Художественный редактор
Е. Г. Новикова.

Технический редактор
Т. А. Новрузова.

Присланные рукописи, фотографии и рисунки редакция не возвращает.

Адрес редакции: 101460, Москва,
ГСП-4, Бумажный проезд, 14.
Телефоны для справок: 212-20-79,
212-12-39.

Сдано в набор 14.08.84. Подписано
к печати 05.09.84. А 00417. Формат
бумаги 60×90^{1/8}. Глубокая печать.
Усл. п. л. 6,00. Уч.-изд. л. 8,77. Усл.
кр.-отт. 14,00. Тираж 10748000 экз.
(1—9238006 экз.). Изд. № 2467. Зак.
№ 3409.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, ГСП, Москва, А-137, ул. «Правды», 24.

На первой странице обложки
фото С. КУЗНЕЦОВА.
На последней странице обложки
фото М. САВИНА.

Пожалуй, именно такого рода одежда занимает первое место по универсальности.

Ведь, скажем, утепленную

куртку мы надеваем и прохладным летним вечером, и весенним или осенним днем, а то и не слишком морозной зимой.

К тому же эта одежда благодаря различным дополнениям может позволить нам на разные лады менять ее вид и... наш собственный облик —

в зависимости не только от погоды, но и от нашего настроения, от нашей фантазии. А вот что предлагают модельеры. Двусторонние куртки без подкладки (1, 2) хороши даже зимой, если надеть их с теплым свитером и брюками.

Стеганные на вате или ватине костюмы (3, 4) можно сшить из шерсти, хлопка, вельвета, плащевки, ткани типа «болонья» и других. Они могут быть использованы и как верхняя одежда. Плащ на шерстяной клетчатой съемной подкладке-подстежке (5) — тоже одежда на разные времена года. Как и комплект (6, 7): широкое пальто без подкладки плюс меховой жилет, который зимой вы надеваете поверх пальто. Жилет шьют как из натурального, так и из искусственного меха.

Если ваши пальто или плащ наскучили вам, сделайте из них полупальто (модели 8, 9).

Носить полупальто можно в сочетании с юбками — однотонными или клетчатыми, широкими или узкими, а также с брюками. Дополнить ансамбль помогут опять вошедшие в моду платки, чулки в тон юбке.

О. ПОЛЯНСКАЯ,
художник-модельер.
Рис. автора.

Это небо было соавтором 16-летнего поэта:

Зачем я не птица, не ворон степной,
Пролетевший сейчас надо мной?
Зачем не могу в небесах я парить
И одну лишь свободу любить?..

К 170-ЛЕТИЮ МИХАИЛА ЮРЬЕВИЧА ЛЕРМОНТОВА

Впервые Лермонтов приехал сюда 15-летним юношем, здесь он был влюблен, здесь рождался «Демон». Пройдут годы, и, просматривая юношеские свои стихи, он напишет на полях: «Сидя в Середникове у окна». Он приезжал сюда на каникулы, и Середниково до конца дней свяжется с летом, с безмятежностью, которая вскоре покинет его навсегда.

СЕРЕДНИКОВО.
Подмосковная
усадьба,
ныне санаторий
«Мцыри».